звезда соц. сети

ПАВЕЛ АСТАПОВ

БУДНИ УЧИТЕЛЯ

YOUTUBE-КАНАЛ «ПАВЕЛ АСТАПОВ»

О ЧЕМ МОЛЧАТ ПЕДАГОГИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Будни учителя» – это сборник реальных историй, которые приоткрывают завесу школьной жизни. Павел Астапов рассказывает о своей работе без прикрас, но с иронией, погружает читателя в мир строгих правил и больших надежд, мир, тонкости которого остаются за кадром для большинства людей. Автор мастерски сочетает курьезные истории из школьной практики и реальные проблемы, от образовательных программ до общения с детьми, родителями, коллегами и администрацией. О чем молчат учителя? Вы узнаете в этой книге!

- Павел Астапов
  - Вступление
  - Почему учитель?
  - Почему учителей никто не уважает?
  - Итак, она звалась…
  - Мы с Достоевским считаем…
  - Хорошего понемножку
  - Фильм, фильм, фильм!
  - Лукоморье
  - Почетная роль учителя
  - Практика
  - Кто сказал «мяу»?
  - Что может школа?
  - Ломай меня полностью!
  - Совет в Филях?
  - В деревню, в глушь, в…
  - Найди пять отличий
  - Прозаседавшиеся
  - Если очень захотеть…
  - Моя твоя не понимать
  - Кто последний, тот и вода
  - Берите пример с Павла Викторовича!
  - Голосуй за НАШЕГО кандидата
  - Ты мне дай островок
  - Первый урок
  - Война и никакого мира
  - Затишье перед бурей
  - Мои правила
  - Магия вне Хогвартса
  - До чего дошел прогресс…
  - Павел Викторович, а вы что скажете?

- ○ У микрофона
- ○ Дружба крепкая
- ○ Потемкинские деревни
- ○ Любовь зла
- ○ Жили у бабуси
- ○ Наташка
- ○ Денег много не бывает
- ○ Вперед к миллионам!
- ○ Заглянем в чужой кошелек
- ○ Раз плюнуть!
- ○ Урок рисования
- ○ Спокойной ночи, малыши!
- ○ Аленький цветочек
- ○ Огласите весь список!
- ○ Поиграем в молчанку
- ○ Успокойте ваших детей!
- ○ Кто ходит в гости по утрам
- ○ Письмо президенту
- ○ Денег много не бывает
- ○ Честь школы
- ○ Гендерные стереотипы
- ○ Вода камень точит
- ○ Курить – здоровью вредить!
- ○ Хочешь вслух рассказов длинных?
- ○ Когда опускается занавес
- ○ Все дороги ведут к ЕГЭ
- ○ Лето – это маленькая жизнь
- ○ На первый – второй рассчитайсь!
- ○ Сначала подрасти!
- ○ Сначала подрасти!
- ○ Мы научим вас работать
- ○ Успех
- ○ А вы детей готовили?
- ○ Пора, мой друг, пора!
- ○ Я поэт, зовусь я Цветик…
- ○ Осторожно! Двери закрываются!
- ○ Пионерский галстук
- ○ «Уроки французского»
- ○ Перехитрили
- ○ Когда булка одна, а двоек много
- ○ Одаренные дети
- ○ Моя будущая профессия
- ○ Тайный смысл
- ○ Вместе весело шагать…

○ Об авторе

Павел Астапов
Будни Учителя

Вступление

Всем привет, меня зовут Павел, и я рад приветствовать вас на моем YouTu… Стоп! На страницах моей книги.

Неожиданный поворот! Мама, смотри: я в телевизоре! Точнее… на полке.

Давайте познакомимся! Меня зовут Павел. Мне 32 года, люблю романтические ужины при свечах, прогулки по ночному городу и…

Так, это информация для другого сайта.

Вот уже пару лет я ношу гордое звание блогера и каждую неделю, расставив по дому толпу осветительных приборов, по несколько часов разговариваю с камерой. Звучит, конечно, как диагноз, но свои плюсы у этого нехитрого и безумно популярного в последнее время занятия тоже имеются.

Сейчас куда ни плюнь, попадешь либо в блогера, либо в контент-мейкера. Шикарное слово!

Прежде чем докатиться до такой жизни и основать бизнес имени себя любимого, почти 10 лет я проработал учителем русского языка и литературы в обычной среднеобразовательной школе.

На самом деле их было две, но опустим подробности: надо что-то и на другие главы оставить.

За эти 8 лет

Да, 2 года я себе ранее все же прибавил.

я превратился из наивного мальчика, стремившегося нести свет в массы…

Знаю, как высокопарно это звучит, но кто из нас в юности не верил в то, что именно он изменит этот жестокий, циничный мир?

Превратился в гораздо менее наивного мужчину, который понимает, что этот самый свет зачастую далеко не всем нужен. А если и нужен, то не тот и не там. Свет, конечно, светом, а баллы

на ЕГЭ все же важнее: престиж школы, все дела.

В этой книге мне бы хотелось поговорить о той стороне школы, которая чаще всего остается за кадром либо освещается весьма далекими от образования людьми. Я постараюсь без прикрас рассказать о работе обычного учителя, о той педагогической кухне, заглянуть в которую удается далеко не всем, а уж остаться здоровым, после того как увидел все эти нечищеные сковородки и прилипшие к тарелкам остатки ужина, еще меньшему количеству.

Когда в 22 года я переступил порог школы в новом для себя звании педагога, я даже представить не мог, с какими трудностями мне придется там столкнуться. Отдельное спасибо в данном случае хочется сказать университету: между нашим высшим образованием и реальной жизнью все еще лежит пропасть каких-то просто монструозных размеров. Нет, не подумайте, эта книга не о жалобах, это рассказ о правде. О МОЕЙ правде. О той системе образования, с которой Я столкнулся, а познакомившись ближе, ужаснулся. Я так нарочито выделяю эти местоимения, потому что отлично понимаю, что моя история вполне может сильно отличаться от историй других людей. Но что-то мне подсказывает, что многое из того, что вы найдете на страницах этой книги, покажется вам близким и знакомым, потому что свой школьный опыт есть у каждого из нас. У кого-то – положительный, у кого-то – отрицательный, но у каждого – свой. Добро пожаловать в мой!

P. S. Все отрывки из сочинений и ответов у доски, которые вы найдете на этих страницах, принадлежат реальным школьникам, для которых русский язык является родным. Не пугайтесь!

Почему учитель?

Именно такой вопрос, узнав, что я планирую поступать в педагогический университет, задала мне в апреле одиннадцатого класса учительница по истории, сопроводив его многозначительным осуждающим взглядом.

– Паша, ты же отличник!

– Паша, у тебя же мама – учитель: ты же знаешь, что это такое!

– Тебе совсем на будущее плевать?

Подобные вопросы и комментарии той весной я неоднократно получал от знакомых педагогов. Каждый считал своим долгом предостеречь меня от самой главной ошибки в моей жизни. Создавалось ощущение, что я ЖИ решил с Ы написать, не иначе.

Попытки наставить заблудшую овечку на путь истинный сопровождались рассказами о тоннах бумаг,

Тут меня действительно не обманули.

отсутствии совести у современных учеников,

А вот здесь я бы уже поспорил.

жизни в коробке из-под холодильника, на зарплату педагога я, естественно, ничего другого не смогу себе позволить, и прочих прелестях школьного житья-бытья. Ключевая же мысль всегда была одна: «Умные дети не должны идти работать в школу!»

И тогда, и сейчас эта фраза меня безумно коробила. А кто тогда должен? Двоечники? Маша, прогуливавшая историю и пытающаяся найти Англию где-то в районе Мадагаскара?

Это, кстати, пример из реальной жизни.

Или, может быть, Петя, рисовавший все уроки напролет портреты одноклассников и старательно выводивший корявым почерком: «Сидоров – козел!»? Вы бы хотели, чтобы они стали наставниками ваших детей? Нет? Вот и я нет. Ни тогда, ни сейчас.

Складывается удивительная ситуация: мы постоянно говорим о том, что в школе не хватает хороших специалистов, обсуждаем на кухне за кружкой чая очередной косяк Марьиванны, удивляясь тому, как такого человека допустили до работы с нашими драгоценными детьми. Но смотрим на успешного ученика,

решившего связать свою жизнь с системой образования, как на горячечного больного. При этом последний вызывает порой больше понимания среди окружающих.

Мы хотим, чтобы наших детей учили умные преподаватели, но мы боимся даже представить, что НАШ умный ребенок пойдет работать в этот филиал ада на земле под названием «Школа».

А теперь, уважаемые знатоки, вопрос: «А откуда тогда возьмутся хорошие преподаватели?» Какой волшебник и на каком голубом вертолете принесет их в наши школы и вузы?

Именно тогда, в 11-м классе, я дал себе обещание, что, если когда-нибудь мой ученик сообщит мне, что собирается связать свою жизнь со школой, я не буду его всячески отговаривать, призывать одуматься и пугать леденящими душу картинами диктантов двоечников, в которых красного цвета едва ли не больше, чем на флаге Китая. Когда же спустя несколько лет ученица и в самом деле попросила у меня совета, мне пришлось очень постараться, чтобы сдержать свое обещание и не лишить российскую школу очередного хорошего педагога. Искренне верю, что у нее все получится.

Но это будет еще не скоро, а пока учителя слушали мои рассуждения, охали, кивали головами, а потом выдавали последний заготовленный аргумент: «Но тебя же никто уважать не будет!»

Почему учителей никто не уважает?

Наверное, стоило бы сказать, что я с самого детства мечтал стать учителем, представлял себя в черном пиджачке и с указкой в руках, рассуждающим о творчестве Есенина. Но… нет. Мечтал я совсем о другом. О чем конкретно, не помню, но точно не об этом. Египет, гробница Тутанхамона – возможно, горы тетрадей и зарплата восемнадцать тысяч – нет.

Может быть, с названием этой главы я слегка погорячился, но давайте признаем: учитель уже давно не является не только престижной, но и просто уважаемой профессией. Времена, когда на педагога, даже не так… ПЕДАГОГА, несшего знания детям, смотрели с благоговением, давно канули в Лету.

Ученики спокойно могут послать учителя в пешее эротическое путешествие, в Сети таких роликов пруд пруди.

> *Нет, не стоит сейчас идти их искать: мы тут вообще-то умные вещи обсуждаем.*

Многие родители твердо уверены, что их работа по воспитанию чада закончилась на линейке в первом классе и теперь им остается только требовать на выходе идеального ученика, желательно с золотой медалью на шее.

– В смысле, я должен контролировать выполнение домашнего задания, а вы на что?

По телевизору то и дело депутаты (и прочие неравнодушные боксеры) в очередном выпуске «Пусть говорят» яростно орут, схватив в свои потные ладошки микрофон: «Во всем виновата школа!» В общем, вечер давно перестал быть томным.

Спросите прохожего на улице: «Кто идет работать в школу?» Только давайте для чистоты эксперимента обойдемся без микрофона и камеры у лица. Кто-нибудь, конечно, вспомнит про любовь к детям и призвание. Но очень сомневаюсь, что это будет самый популярный ответ. В массовом сознании в школе работают либо неудачники, которые не смогли устроиться на более престижное место, либо странные личности, готовые работать за копейки и поэтому доверия не вызывающие.

> *Все мы помним веселую поговорку про отсутствие ума и поступление в педагогический вуз.*

Совершенно не помогает ситуации и тот факт, что далеко не каждому из нас на жизненном пути попадались хорошие учителя,

те, кого хочется вспоминать с благодарностью. Обычные – были, истеричные – куда уж без них, несправедливые и жестокие – и такие имелись, уставшие и превращавшие урок в королевство скуки – и они приходят на ум, а вот те, к кому хотелось подойти после уроков, с кем хотелось поговорить о чем-то важном, на кого хотелось быть похожим, – не уверен. И вот эта детская обида на школу, на отсутствие того самого Учителя во взрослом возрасте никуда не девается, она, конечно, притупляется, уходит на задний план, но нет-нет да заявит о себе очередным колким замечанием в сторону совсем потерявших совесть училок.

Какие бы сказки про духовность и жертвенность ни звучали вокруг, в современном обществе мерилом успеха выступают деньги. Если ты отдыхаешь на острове в Индийском океане, фотографируешься в модной одежде и рассекаешь по городу на дорогущей машине, для аудитории Инстаграма ты человек, сумевший разобраться в премудростях жизни.

Если же ничего, кроме бесконечных обязанностей, на суд придирчивого зрителя ты вынести не можешь, то прости, дружок, но где-то в своей жизни ты явно свернул не туда.

А чем может похвастаться современный учитель в какой-нибудь Самаре с зарплатой двенадцать тысяч? Результатами очередной проверочной?

– Смотри, сынок, будешь хорошо учиться, сможешь, как и Нина Ивановна, платить за квартиру и покупать овсяное печенье по праздникам. А если этого будет мало, то, по заветам Дмитрия Анатольевича, отправишься в бизнес на подработки.

Ну что? Уже прониклись уважением к Нине Ивановне? Странно…

Когда кто-то соглашается работать исключительно за идею, это, конечно, может вызвать восхищение: «Ух ты, какой самоотверженный!» Но для многих над головой подобного человека ярко загорается неоновая надпись

Как бы покультурнее выразиться, чтобы никого не обидеть?

«Слабак». Ты готов получать копейки, готов отказаться от дорогих вещей и терпеть вечные упреки со все сторон? А упреки, уверяю вас, будут! Молодец! Странненький ты, однако, но молодец! Только вот беда в том, что странных и убогих люди не уважают. Уважение вызывают сильные и успешные, а эти прилагательные у меня как-то мало ассоциируются с российскими учителями. Простите, коллеги!

– Так чего ж ты тогда в школу поперся? Прости меня за мой французский!

Итак, она звалась…

В каждой хорошей истории должны быть страницы, посвященные любви, эта не исключение.

Некоторые дети любят учиться: с радостью ходят в школу, с удовольствием решают заковыристые уравнения и пишут ежедневные проверочные,

Такие же уникумы существуют?

затаив дыхание, внимательно слушают объяснения учителя и коллекционируют пятерки в аккуратно заполненные дневнички. Святые люди! Я, стоит признаться, к сожалению, не из их числа.

Нет, проблем с учебой у меня никогда не было: все 11 лет школы я балансировал между отличником и хорошистом, в итоге получив аттестат без четверок. Но сам процесс обучения, хоть и не доставлял мне особых сложностей

Про физику сейчас вспоминать не будем, вдруг кто-то спать собрался.

никакого энтузиазма не вызывал.

Отлично помню, как на второй неделе сентября в первом классе мы торопливо спускались с мамой по лестнице. Откровенно говоря, торопилась только мама, боявшаяся опоздать на автобус, я же просто прыгал через ступеньки и совершенно не стремился на романтическую встречу с очередными крючками и палочками в прописях. Именно тогда я неожиданно заявил, что считаю, что мне в школу больше ходить не стоит, так как и так все знаю, поэтому мне там скучно. Мама остановилась на секунду, моргнула пару раз и, схватив за руку, потащила на автобус, так как крючки и палочки сами себя не нарисуют.

Знал, я тогда, конечно, далеко не все, но скука и уроки в моем сознании крепко сплелись. И чем дольше я учился, тем прочнее казался их союз.

Не скажу, что меня ничего не интересовало. Наоборот, дома я проглатывал энциклопедии по биологии, истории и географии, но применять полученные знания на уроках было просто негде.

Никогда не забуду, как в пятом классе я, полностью и бесповоротно влюбленный в историю Древнего Египта, вещал у доски про мумию Рамзеса второго, а учитель, прервав на полуслове мой рассказ, потребовала отвечать ПО УЧЕБНИКУ!

– Рассказывай только то, что есть в учебнике. Больше не надо!

Ну, не надо так не надо. Оттарабанив необходимый текст, я получил очередную пятерку и совет:

– Вот всегда так и делай: надо отвечать по нашим записям.

Уже в том возрасте я почувствовал, что этот «научный» подход хромает как минимум на пару лап, да еще и хвост вот-вот отвалится, но работать в режиме «перепиши с доски, а потом перескажи слово в слово» я мог совершенно не напрягаясь, так что… переписываем очередной параграф и ждем спасительного звонка.

Пребывал я в подобном вареном состоянии вплоть до шестого класса, когда мое представление о нормальных учителях и уроках полностью перевернула новая преподавательница русского.

Елена Викторовна… Прошло уже лет двадцать, а я до сих с благодарностью вспоминаю ее уроки. Творческие задания, необычные примеры, постоянные викторины и КВНы… наш шестой класс совершенно не был к этому готов. Вместо привычных тестов и самостоятельных после изучения каждой большой темы по литературе мы делились на команды и готовили выступления. Оказалось, что знания за рамками учебника – это не лишний багаж, который стоит оставить за дверью класса, а то, чем стоит поделиться с остальными.

До сих пор помню наш шок, когда она заявила, что на тот или иной поступок главного героя можно смотреть с разных сторон. С РАЗНЫХ, Карл! То есть нет правильного и неправильного ответа, есть твоя точка зрения, и если ты можешь ее доказать – вперед, мы с радостью тебя выслушаем. И ведь мы реально слушали друг друга, перебивали, конечно, еще бы, мы же обсуждали серьезные вещи, но слушали. Каждое произведение вызывало массу споров и интересных рассуждений, любой вопрос тут же встречал лес рук. Даже те из нас, кто никогда не стремился отвечать на других предметах, на ее литературе буквально выпрыгивали из-за парты, потому что знали: их услышат. И слушать будут именно его, а не очередную умную строчку критика из учебника.

Мы с Достоевским считаем…

Умением слушать других, принимать мнение, отличное от твоего, обладают далеко не все педагоги. Ты настолько привыкаешь работать по давно проложенным рельсам, до такой степени веришь в собственную непогрешимость:

– Я не ошиблась, я просто вас проверяла!

Что совершенно не замечаешь, как узко начинаешь смотреть на мир. Некоторые отказываются воспринимать мнение взрослых людей, а о каком внимании к детским рассуждениям тогда вообще может речь идти?

Помню, как меня, к тому моменту уже самого учителя, поразила преподаватель литературы, проводившая семинар для огромного количества педагогов в одной весьма престижной гимназии. Нас разделили на группы и поручили проанализировать отрывок из романа Достоевского. До сих пор помню «радостное» лицо учителя физкультуры: да, в новоявленный кружок «Юный филолог» попали и математики с трудовиками. Зачем? Бог его знает. Но ты понимаешь, что единственный выходной пройдет так, как надо, когда тебя просят написать небольшое эссе, а тебе сорок три и ты обещал жене на даче помочь.

И вот после пары часов кропотливой работы учителя зачитывают свои сочинения: одна группа отметила один момент, другой показался важным этот эпизод, третья вообще сумела проанализировать отрывок под совершенно неожиданным углом. Вот поэтому я и люблю художественную литературу: каждый может найти в произведении что-то свое, личное, именно поэтому книга и может говорить с тобой.

Глупый, наивный Паша! Книги с ним разговаривают!

Как оказалось, я глубоко ошибался. Все мы ошибались. Мы все делали совершенно неправильно. Надо было озвучивать строго определенные мысли из такого же ограниченного, заранее подготовленного списка, получившего одобрение свыше. Вот мы пни!

Заявив, что никто, из более чем пятидесяти педагогов, не умеет работать с художественным текстом,

И как только учителя физики пережили подобное оскорбление?

руководитель сего действа начала объяснять, что НА САМОМ ДЕЛЕ думал Достоевский.

Есть у меня не самое лучшее качество: я не умею держать язык за зубами. И вот, когда знаток творчества Федора Михайловича соловьем разливалась с трибуны, я решил уточнить, откуда такая уверенность в правоте собственных слов.

– Он вам сам это сказал? Или, может быть, вы знаете какое-то высказывание Достоевского, в котором он заявил: «Я имел в виду именно это!»?

Оказалось, что все гораздо проще: с классиком она, конечно, лично не была знакома, никаких его высказываний на эту тему она не знает, но вот в их учебном заведении…

А у них, на секундочку, гимназия, это я неизвестно из-под какой лавки вылез.

В их доме свободомыслия и мудрости ВСЕГДА именно так анализировали этот момент, поэтому…

Поэтому мне стало безумно жалко ее учеников, которые были вынуждены озвучивать застывшие в своей неприступности неизвестно кем сказанные мысли. Пятерки-то нужны! Вот это полет фантазии и творчества! Какая разница, что ты думаешь и как рассуждаешь, главное – догадаться, к каким выводом успели прийти до тебя очень умные педагоги любимой гимназии. Боюсь, что даже у самого Достоевского возникли бы проблемы с подобными светилами науки, потому что:

– Вы, конечно, извините, Федор Михайлович, но мы уже больше десяти лет преподаем именно так, поэтому нам лучше знать, что вы имели в виду в своем романе. Мы даже семинары уже несколько раз проводили, поэтому займите свое место и не мешайте учебному процессу! Да, и зарегистрироваться не забудьте, листок на первой парте!

Хорошего понемножку

Но все это произойдет еще очень нескоро, а пока я с одноклассниками наслаждался мгновениями свободомыслия на уроках литературы, участвовал в различных конкурсах, с радостью декламировал стихи у доски и готовился к очередным выступлениям и литературным мероприятиям.

Но, как вы знаете, у всего хорошего есть одна очень неприятная особенность: оно имеет свойство заканчиваться, причем в самый неожиданный момент.

Проработав в нашем классе два года, Елена Викторовна перешла в другую школу. Этот был настоящий гром среди ясного неба. Меня успокаивал лишь тот факт, что в восьмом классе нас должны были делить на физиков и гуманитариев, поэтому я был уверен, что уж в гуманитарном классе русский, литература и история точно будут на уровне. А большего мне и не надо. КАК ЖЕ Я ОШИБАЛСЯ!

С учителем истории мне, действительно, повезло. Интересно, четко, по делу, еще и с юмором – идеальная комбинация. Елена Витальевна, спасибо! А вот русский в гуманитарном классе (от гуманитарного в нем было только название), скажем так, не блистал. И, честно говоря, если бы два последних года школы я не занимался с репетитором, то, что-то мне подсказывает, на экзамене я бы чувствовал себя далеко не так уверенно. Хотел сказать: не факт, что сдал бы, но в то время ЕГЭ не было,

Да, завидуйте, современные школьники: во времена динозавров и моей юности дышалось значительно легче.

и из школы с отличными оценками за экзаменами выпускали всех. Двоечник, троечник, а за итоговое сочинение получаешь пятерку – четверку. Вот такой вот парадокс!

Именно тогда, в восьмом или девятом классе, точно уже не помню, я решил, что хочу стать учителем. Достаточно часто на наш выбор профессии влияет чей-то пример, чаще всего положительный. Наблюдает ребенок по телевизору за очередной победой прославленного чемпиона и твердо, но тихо произносит: «И я так хочу!» И вот он уже в пестром круговороте ежедневных тренировок и первых соревнований, если, конечно, желания и характера хватит. Успех других мотивирует и нас задуматься о выборе той же профессиональной дороги. Но… это не мой случай. В отличие от зрителя, восхищенного победителями-олимпийцами, в моей голове все чаще звучала фраза: «Я так не

хочу!»

Из любимых предметов русский и литература превратились в… Я даже не знаю, во что они превратились. Судите сами.

Урок в девятом классе. Наверное, самое время готовиться к экзамену. Но у нашего преподавателя совершенно другое мнение на этот счет.

– Что вам объяснить? – многообещающе спрашивает она в начале занятия. – Какое правило повторить?

– Господи, неужели хоть сегодня чем-то полезным займемся, – мелькает в моей голове фраза, но тут же вспоминаю, на каком уроке я нахожусь, и не спешу радоваться раньше времени.

– Не с частями речи, – предлагает кто-то с задних парт.

– Нет, вы это и так отлично знаете, – качает кудрявой головой учительница.

– Может быть, причастия? У меня с ними всегда проблемы, – уже гораздо менее уверенно звучит голос с первого ряда.

– Мы без конца ими занимаемся, – учитель отрезает и этот путь.

– А мы уже давно… – но договорить очередному оратору было уже не суждено. Учитель решает, что мы и без повторения все великолепно знаем, поэтому вот вам пяток номеров, сидите переписывайте, а сама углубляется в заполнение журнала.

– Вот и позанимались, – доставая из рюкзака решебник, бормочу себе под нос я.

Кстати, о решебниках: у нас на партах они очень часто заменяли роль учебников, так как на их наличие учителю было глубоко наплевать, как, в общем-то, и на то, чем мы на уроках занимались. Хочешь – пиши, не хочешь – не пиши! Тройку все равно нарисуют.

На следующий день ситуация повторялась: выясняем, что мы не знаем, оказывается, что все-то мы знаем и объяснять нам ничего не нужно. Вот мы глупыхи. Действительно, в учебнике все правила есть, зачем на них время тратить, а журнал сам себя не заполнит. И привет, очередные пять номеров самостоятельно! Вот такой вот «День сурка».

Многие радовались: еще бы, можно прямо на русском ненавистную домашку по алгебре делать или огромную контурную карту заполнять. Это же какая экономия времени получается!

Вообще, очень часто замечаю, что школьники считают добрыми и хорошими тех учителей, которые позволяют на своих уроках ничего не делать. «Любят» их, обнимаются с ними на переменах. Кавычки я тут поставил неслучайно, потому что

любовь эта мгновенно проходит, едва преподаватель совершенно неожиданно для учеников решит наконец-то заняться делом или навести порядок на уроке. Вот тут-то и оказывается, что «любовь» и уважение – совершенно разные вещи.

«А нам учительница биологии разрешает весь урок сидеть в телефоне, если мы будем молчать и не бегать по кабинету», – радостно поделилась своим счастьем под одним из моих роликов ученица шестого класса. Золото, а не педагог! Только вот обычно радость от свободы и восхищение добротой проходят к классу одиннадцатому, когда выпускник внезапно осознает, что ему для поступления нужна эта самая биология, а понимающая и милая Ольга Ивановна как-то совсем забыла со всей своей добротой, что на уроке еще и учиться надо. Именно ближе к окончанию школы ученики начинают ценить строгих и требовательных педагогов, и среди недовольного бурчания об очередной самостоятельной все чаще начинают проскальзывать слова благодарности.

Фильм, фильм, фильм!

Я вот тоже до сих пор благодарен своим урокам литературы. Они меня научили тому, как делать не надо. Особенно мне запомнился один в одиннадцатом классе. Творчество Есенина. Казалось бы, вот где можно разбежаться: несчастная любовь, трагическая судьба, поиск смысла жизни… Но к выпускному классу я уже давно понял, что в последние годы, после ухода Елены Викторовны, мы на литературе никуда не разбегаемся, ну максимум до полки с готовыми сочинениями. Не удивляйтесь, списывать прямо на уроке нам никто не запрещал, вот чего-чего, а свободы на литературе у нас точно хватало, я бы даже сказал, с избытком.

Как же мне все-таки повезло со школой: не учеба, а рай земной.

Справедливости ради стоит сказать, что школа у меня, действительно, была очень сильная, и замечательных педагогов в ней было много, только вот работали они чаще всего либо в параллельных классах, либо к моменту моего перехода в старшее звено сами перешли, но уже в другие учебные заведения.

Неужели я настолько страшный?..

Но вернемся к уроку литературы.

– Астапов, ты вроде на филфак поступаешь? – неожиданно с порога спрашивает меня учитель. – Садись на первую парту, вот тебе моя методичка, изучай, может быть, что-нибудь нужное найдешь. Остальные читайте стихи Есенина, а я буду журнал заполнять.

Кто бы сомневался, все внимание, как обычно, журналу. Вот это, я понимаю, подготовка к вступительным экзаменам! Методичка! До сих пор не знаю: смеяться мне или плакать?

Еще врезались в память уроки по «Войне и миру». Произведение, безусловно, сложное, объемное, его и в нормальном-то классе не каждый осилит, а мы к тому времени полностью разучились читать. А смысл? Никто ничего не обсуждает, сидим конспектируем скучный учебник, составляем бесконечные таблицы по биографии писателя и бездумно переписываем сборники «лучших» сочинений. Для всей этой увлекательной и, безусловно, разнообразной деятельности знакомиться с текстом произведения совсем необязательно.

Отлично понимая все это, учитель решает ограничиться фильмом Бондарчука. Не самое плохое решение: для многих моих одноклассников эта лента стала единственной возможностью познакомиться с творчеством Толстого. Беда заключалась в том, что это многосерийный фильм, и за один присест его не посмотришь. Хотя, учитывая продуктивность наших уроков, особой проблемы в этом не было. Но… проблемы всегда можно самим себе устроить.

Как вы думаете, какую серию стоит посмотреть после первой? Вторую? Кхм. А вот и нет! Первую! Ведь Дениса не было, когда мы ее смотрели: он же ничего не поймет. Давайте пересматривать. Ну а теперь уже в полном составе можно приниматься за… первую. Жени-то на обоих уроках не было. Звучит, конечно, забавно, но мы пересматривали первую часть раза четыре, не меньше. Как говорится, маразм крепчал.

Скажу честно: любви к учебе подобные уроки не добавляли. Совсем. С каждым днем я все отчетливее понимал, что просто трачу здесь время. Вместо того чтобы заняться чем-то действительно полезным и интересным,

> *Я сейчас не про компьютерные игры и прогулки с друзьями.*

я снова и снова чертил «таблицу три графы» и переписывал учебник. А на следующем уроке эти чертовы «три графы» повторялись снова. Р – разнообразие!

Но свою школьную жизнь я уже исправить не мог, зато мог попытаться не позволить другим попасть в такое же болото. Я на собственном опыте понял, что знания можно получать не только потому, что «скоро поступать в университет, а иначе дворником станешь», но и потому, что сам процесс обучения может быть интересным. В школе можно радоваться не только переменам и сосискам в тесте в столовой.

> *Звучит, конечно, дико, но это так. Да и признаться, сосиски в нашей столовой были так себе.*

Возможно, если бы не было этого светлого пятна с яркими и креативными уроками в седьмом классе, я бы и не замечал всю беспросветную унылость своей школьной жизни. Сидел бы себе за партой, переписывая очередной параграф,

> *А чем еще занять детей в одиннадцатом классе*?

получал бы свои заслуженные и не очень пятерки и готовился

бы поступать на какого-нибудь юриста, считая дни до долгожданной свободы.

Обычно, если что-то приносит нам негативные эмоции, мы всеми силами стараемся сбежать от причины переживаний. Кто из нас ни слышал на выпускном громких фраз от одноклассников, уставших от бесконечных контрольных и проверочных: «Ноги моей здесь никогда больше не будет!» Я же, наоборот, твердо решил, что не хочу сбегать, я хочу вернуться, естественно, не конкретно сюда (работать в школе, в которой сам учился, – далеко не лучшая идея), и сделать все по-другому.

А как все мы знаем, именно в подростковом возрасте нам кажется, что именно нас ждет самое светлое будущее и именно мы сможем свернуть вон ту неповоротливую гору. Главное – как следует постараться. Так что пед и никаких вариантов!

Лукоморье

Воспользуемся магией литературы и перенесемся сразу же на 5 лет вперед, к тому моменту, когда я впервые подошел к школе, в которой мне, как я надеялся, предстояло работать.

Хотя пару слов об учебе в университете сказать, наверное, все-таки надо. Ведь наверняка эту книгу сейчас читают и те,

Ее же сейчас хоть кто-нибудь читает?

кто планирует поступать в педагогические вузы. Очень надеюсь, что после знакомства с моей историей вы не передумаете связывать свою жизнь со школой. Если что, я не виноват.

Я закончил Московский государственный областной университет и могу уверенно сказать, что мне очень повезло с преподавателями. Если в школу мне приходилось ежедневно заставлять себя ходить, то вот в университет я бежал, если и не вприпрыжку, то, в любом случае, с гораздо большим желанием. Только необходимость пять раз в неделю вставать в 5:20 и полтора часа трястись в забитой утренней электричке несколько портили настроение. Возможно, именно из-за этой самой электрички, которая, подражая своей известной подруге из песни, вечно норовила от меня сбежать, эта припрыжка и появилась.

А я-то думал, это у меня тяга к учебе проснулась, а на самом деле все гораздо прозаичнее.

Не буду пытаться делать никаких обобщений, так как все вузы разные, но мне кажется,

Нет, все-таки буду.

достаточно часто именно профессора, преподающие основные для твоей профессии предметы, оказываются наиболее оторванными от жизни. Именно они должны объяснить тебе основы твоей будущей работы, но проблема в том, что сами они порой имеют весьма смутное о ней представление, ведь всю свою жизнь они простояли за кафедрой. А теоретические знания далеко не всегда применимы на практике.

В чем сложность работы учителя? Ты должен не только отлично знать свой предмет, но и уметь его преподавать. Можно быть гениальным математиком, без проблем решать сложнейшие задачи и самые запутанные уравнения, но при этом совершенно

не уметь объяснять. Умеешь сам – вовсе не означает: знаешь, как научить.

Вот и приходят в наши школы отлично подготовленные филологи, биологи, химики, но становятся хорошими учителями далеко не все из них. Многие молодые специалисты вообще плохо представляют, что с детьми на уроках делать нужно, потому что работать с абстрактными Петями и Машами их в университете вроде как научили, но реальные Пети и Маши очень сильно отличаются от своих книжных ровесников. И попробуй объясни этому самому Петьке, что по науке он якобы должен вести себя так-то и так-то и реагировать определенным образом на те или иные действия учителя. Наука наукой, а вихрастый двоечник сидит за первой партой и с наглой улыбкой наблюдает за тщетными попытками вчерашней студентки применить институтские лекции в реальной жизни.

Здесь, конечно, огромную роль играет педагогическая практика на четвертом и пятом курсах: многим именно она помогает убедиться, что некоторые теоретические трактаты ученых мужей совершенно не применимы в реалиях современной школы.

Но если у студентов шанс заглянуть в обычный класс есть, то вот многие преподаватели его лишены. Окруженные взрослыми и в массе своей старательными студентами, они рисуют в своих фантазиях каких-то очень странных школьников.

Семинар по «Методике преподавания литературы», третий курс. По идее именно здесь будущих учителей литературы должны научить работать с классом. Как объяснить, как заинтересовать, как построить урок – все эти вопросы решаются как раз на этих занятиях, ну или, по крайней мере, должны решаться.

Чаще всего один из студентов играл роль учителя и по подготовленному дома конспекту проводил урок на «классе». Это было действительно интересно и забавно. Некоторые из тех актеров-учителей сейчас уже избавились от первой части этого звания и давно уже проводят настоящие уроки. Но уже тогда было заметно, что многие из моих одногруппников станут классными преподавателями: мне вот у них «учиться» было очень интересно.

Почетная роль учителя

Во всяком случае, именно так ее рассматривал я.

на первом семинаре, посвященном вступлению к поэме Пушкина «Руслан и Людмила»,

Да-да, то самое хрестоматийное Лукоморье.

досталась мне.

> *С фамилией, начинающейся на букву «а», привыкаешь всегда и везде быть первым. Андреевы, Алексеевы и прочие Архиповы меня поймут.*

Разобравшись с учеными котами-сказочниками, сидящими русалками-бездельницами и толпами богатырей с морскими дядьками, переходим к более прозаичным вещам и анализу урока. «Ученики» должны были оценить работу «учителя», выявить сильные и слабые стороны занятия.

У меня была очень дружная группа, да и в своих силах я был уверен,

> *К тому моменту я уже пару лет преподавал в воскресной школе. Да, был в моей биографии и такой эпизод.*

поэтому ожидать, что кто-то из одногруппников, воспылав праведным негодованием, начнет тебя валить, было бы странно. Гораздо интереснее услышать мнение профессора: уж он-то точно не будет подслащивать горькую пилюлю, да и самое главное – опыт.

– Павел, у вас получился очень интересный и насыщенный урок, но вы допустили грубейшую ошибку…

– …

– Вы же понимаете, что это урок для пятого класса? – заглядывая в глаза, вкрадчиво интересуется профессор, будто бы стараясь определить степень моего душевного здоровья и опасаясь, не разревусь ли я прямо перед ним.

– Понимаю, – ничего не понимая, отвечаю я, а в голове тут же начинают бегать перепуганные мысли. – Как ему мог не понравиться мой урок, он же МОЙ? Вон, Света похвалила!

> *Не волнуйтесь: у меня не настолько раздутое*

самомнение, но я действительно не понимал, чего он от меня хочет и что за «грубейшую ошибку» я допустил.

– Объясните мне, как можно разбирать пролог к поэме в пятом классе и не уделить хотя бы пятнадцать минут на изучение критических статей?! Как?! Это же самое интересное!

– Для кого? – хотел поинтересоваться я, но все же сдержался.

Дальше последовала импровизированная лекция о том, как важно с пятиклассниками конспектировать трактаты известных исследователей творчества Пушкина. Это якобы вызывает неподдельный интерес.

– У детей? – уже с улыбкой спросил я.

– Конечно! – искренне удивился моей непонятливости профессор.

В школе он проработал целых… Не работал он в школе.

Если вы знаете пятиклассников, которые хотят изучать критические статьи на уроках и у которых этот процесс еще и интерес вызывает, то… со странными детьми вас жизнь сводила, скажу я вам.

За восемь лет работы в школе у меня было много пятых классов и много «Лукоморий», но каюсь, ни с одним из них я так и не стал тратить «минимум 15 минут» на ЭТО.

Все-таки правильно мне тогда профессор четверку поставил.

И вот такие замечания из серии: «дети хотят то», «ученики любят это», «каждый школьник мечтает», – можно очень часто услышать из уст людей, никогда не сталкивавшихся с реальными детьми в обычных школах. Так и хочется спросить у этих экспертов: «Что это за школьники, и где вы нашли таких детей?»

Особенно становится «весело», когда подобные знатоки вдруг решают, что их теории срочно требуют применения на практике. Вот прям здесь и сейчас. И в итоге сверху спускается очередная указивка, и ученики с учителями исполняют роль подопытных кроликов в очередном педагогическом эксперименте. Новый учебник, новая система обучения, новые экзамены и, естественно, новые отчеты. Куда уж без них!

Нет, не подумайте: я за прогресс, и, конечно, образование не должно стоять на месте, но прежде чем кричать: «Меняем все, я знаю, как нужно!» – неплохо было бы хотя бы пару лет у доски постоять, и не в качестве цветка.

Практика

Первые безуспешные попытки отправить меня трудиться на благо общества были предприняты еще на четвертом курсе. После прохождения месячной практики в одной из московских школ с углубленным изучением французского языка мне предложили возвращаться не к учебе, а приступать к работе.

Не знаю: сыграло ли здесь роль мое природное обаяние, в наличии которого я до сих пор сомневаюсь, или я просто слишком ответственно готовился к проведению уроков, но администрация, вызвав меня на ковер, предложила со следующего сентября пополнить их педагогический состав.

Не буду обманывать, мне было очень приятно: не каждый раз мальчику практически из деревни

> *Ну, возможно, с деревней я слегка погорячился… Чуть-чуть. В моем родном поселке двадцать тысяч жителей.*

выпадает возможность устроиться на работу в самом центре Москвы, на Арбате. И амбициозная часть меня очень хотела согласиться, но впереди был пятый курс, защита диплома, пугающие госы… Поэтому я пообещал к ним вернуться в следующем году, но опять же в роли практиканта. И вернулся.

Как я уже говорил, практика – отличная возможность понять: стоит ли тебе работать в школе. Понятное дело, что далеко не у всех все получается с первого раза, и студент, которого на первом же пробном уроке разудалые школьники с улюлюканьем вынесли из класса, вполне может со временем превратиться в классного специалиста. Жизнь и не такие сюрпризы преподносит. Но какие-то выводы после практики делать все же можно.

Я почувствовал, что школа – это мое, после первого же самостоятельно проведенного урока литературы. Не скажу, что все прошло, как по маслу, но и, теряя ботинки, бежать из пугающего здания с диким криком желания не появилось. А вот провести еще парочку уроков хотелось!

Переживал я, конечно, жутко, прям до дрожи в коленях. «Господи, нашел причину для волнения!» – можете сказать вы, но, уверяю вас, заставить тридцать незнакомых детей слушать стоящего у доски, по сути, такого же ребенка, просто чуть старше, не самая простая задача. А к тому же выглядел я в то время намного моложе своих лет: замаскироваться под среднестатистического восьмиклассника проблемы бы для меня точно не составило. Да еще, как назло, опыт других студентов, на

чьих уроках я присутствовал, показывал, что буквально за одну секунду урок может с легкостью превратиться в балаган, где для полноты картины не хватает только зажигательных бразильских танцев и пушистых медведей с балалайками. Все-таки разницу между настоящим учителем и зеленым практикантом дети улавливают мгновенно.

Почти неделю я упорно репетировал перед зеркалом каждое слово своего конспекта, точнее конспектов, потому что на всякий случай я их написал несколько, а то вдруг что-то пойдет не так. В результате к моменту Х я знал наизусть не только свои слова, но и почти все отрывки из «Кавказского пленника» Толстого, которые мы должны были анализировать с пятиклассниками.

Большинство одногруппников, судя по нашим разговорам на переменах, отнеслось к практике гораздо проще, чем я, но у меня есть замечательное хобби: я очень люблю себя накручивать и постоянно представляю самые плохие варианты развития событий. А на уроке этих самых вариантов множество.

Да, оптимизм – это не про меня.

А если они будут работать слишком медленно и мы ничего не успеем? А если – слишком быстро и я не буду знать, чем занять их в конце урока? А если никто не будет отвечать? А если они будут разговаривать, или смеяться, или сидеть в телефоне, или… Список деструктивного для моего тщательно спланированного урока поведения можно было продолжать долго. В общем, чем больше я думал о предстоящем дебюте у доски, тем ярче услужливая фантазия рисовала пугающие в своей красочности картины грядущего провала. «Если» росли быстрее, чем прыщи на лице подростка.

И уже сейчас, проведя сотни или даже тысячи уроков, я понимаю, что мои опасения не были лишены оснований. Нет, в ту памятную для меня практику школьники, наверное, чувствуя мое волнение, вели себя просто идеально, но ситуации, когда ученик может позволить себе буквально все, отнюдь не редкость.

Кто сказал «мяу»?

Представьте себе урок. Самый обычный урок. Скрипят о бумагу ручки, из окна доносятся радостные крики первоклашек, у них уже закончились уроки, и они с довольными воплями носятся по спортивной площадке. Можно было бы закрыть окно, чтобы посторонние звуки не мешали пресловутому «учебному процессу», но май выдался настолько жарким, что свежий воздух – единственная возможность не расплавиться прямо за партой. Серьезная пожилая учительница, стоя у темно-зеленой доски, в очередной раз объясняет пятиклассникам особенности глагола «to be». Завтра итоговая контрольная. Все напряжены и сосредоточены: у Евгении Петровны не забалуешь, да и близость столь важной проверочной не добавляет поводов для веселья.

Неожиданно над головами школьников проносится «кря». Отличница Света, всегда сидевшая за первой партой, недовольно поморщившись, оглянулась назад: «Наверное, показалось». Подружки Оля и Катя, улыбнувшись, одновременно пожали плечами. «Ты тоже слышала?» – читался в их глазах безмолвный вопрос. На первом ряду кто-то сдавленно хихикнул. «Кря» было таким отрывистым и неожиданным и так быстро утонуло в тишине класса, так резко контрастировавшей с весельем за окнами, что действительно было сложно понять: «А был ли мальчик?». Евгения Петровна, похоже, не заметила звука или решила сделать вид, что не заметила, и продолжила заполнять доску примерами глаголов, которые могли встретиться на контрольной.

«Кряяя!» – уже гораздо громче и протяжнее раздался из-за последней парты тот же самый звук. Теперь уже все могли точно указать источник шума. Петя сиял как медный таз: внимание всех одноклассников было направлено исключительно на него.

«Кря-кря-кря! Кря-кря-кря!» – издевательски улыбаясь во все свои тридцать два зуба, мальчик уже не сдерживался, а просто кричал, добавляя эффектности своему представлению покачиванием на стуле.

– Ерёмушкин! – рявкнула Евгения Петровна, делая акцент на букве Ё. От неожиданности Оля и Катя даже улыбаться перестали.

– А что Ерёмушкин? – «искренне» удивился парень, картинно захлопав огромными, почти женскими ресницами. – Я сегодня уточка! – и с этими словами мальчишка выскочил из-за парты. Похоже, этого не ожидал даже стул новоявленной птички, потому что он решил с грохотом рухнуть на пол. Соседка Петьки Машка аж взвизгнула и инстинктивно прижала руки к груди.

Продолжая крякать, Петя опустился на корточки и пошел гусиным шагом в сторону доски. Оторопевшая на секунду Евгения Петровна пришла в себя и продолжила повторять фамилию нарушителя, но уже не так уверенно.

– Ерёмушкин… Ерёмушкин… Сейчас же урок! Ты что??? А ну вернись на свое место.

– Это у вас урок! А я уточка, – помахал «крыльями» утенок и, поравнявшись с первой партой, направился к третьему ряду.

– Я тебе двойку поставлю! – бросив учебник на стол, крикнула учительница.

– Не имеете права! – равнодушно хмыкнул Петя. Уж в чем в чем, а в своих птичьих правах он отлично разбирался. В глаголе «to be» не особенно, но вот то, что за поведение нельзя ставить оценки, он усвоил твердо. – Кря-кря!

– Если ты сейчас же не успокоишься, я позвоню твоему отцу! – Евгения Петровна решила воспользоваться последним оружием. На долю секунды мальчишка действительно задумался, пытаясь оценить масштаб грядущих потерь, но уже через пару мгновений он стоял перед растерянной учительницей английского с телефоном в руках.

– Звоните! – издевательски улыбаясь, протягивал аппарат Петя.

– И позвоню, – снова схватив учебник со стола, будто пытаясь им защититься, с плохо скрываемой неуверенностью произнесла Евгения Петровна.

– Ну чего же вы не звоните? Кря!

– А ну марш к директору! – изо всех сил завопила женщина.

Даже те немногие пятиклассники, кто сидел с улыбкой, тут же испуганно опустили глаза. Все отлично знали, что с Евгенией Петровной шутки плохи, это не какая-нибудь учительница музыки, на уроках которой можно было бросаться бумажками и сидеть в телефоне. Это Евгения Петровна! Ее слушались все: дети, родители, даже директор в ее присутствии слегка робел. А тут такое!

На английском ручку-то было страшно уронить, потому что это «мешало учебному процессу». Некоторые ученики свято верили, что Евгения Петровна может оторвать голову, никто, конечно, не проверял, но даже у меня складывалось подобное впечатление. При всем при этом она очень редко повышала голос, но действовала на детей, как удав на кролика. Но, как только что убедился 5-й «Б», голова у Ерёмушкина осталась на месте, более того он смотрел на всех как настоящий чемпион. В этом раунде победа явно осталась за ним.

От Петьки Ерёмушкина вполне можно было ожидать

подобной выходки: он неоднократно срывал уроки, спорил с учителями, сбегал с занятий, его ловили с сигаретами в туалете. Но все это происходило на других уроках, но никак не на английском. В кабинете у Евгении Петровны Петька, точно так же, как и все остальные, сидел тише воды, ниже травы, записывал новые слова в помятый словарик, переводил скучные диалоги про Сережу, зачем-то отправившегося в Лондон, – в общем, вел жизнь самого обычного троечника.

– К директору! – зажмурившись, еще раз завопила Евгения Петровна.

– Да ради бога, – хмыкнул Ерёмушкин и с равнодушным видом направился к выходу из класса. Подойдя к двери, парень слегка замешкался, и его протянутая рука так и зависла в воздухе, будто опасаясь, что металлическая ручка двери окажется горячей и обожжет пальцы. – Кря! – собравшись с силами, все же крикнул Петька и выскочил из кабинета.

В классе повисла очень неприятная тишина. Все отлично понимали: сейчас что-то будет.

Что может школа?

Но давайте пока оставим нашего «утенка», беззаботно перепрыгивавшего через ступеньки и без всякого страха направлявшегося в кабинет директора, за пять лет учебы дорогу туда он уже успел отлично выучить, и порассуждаем о том, а что же на самом деле может школа. И конкретно учитель.

На первый взгляд у преподавателей целое море возможностей повлиять на поведение ученика. Первое, что приходит в голову, конечно же, оценки. А конкретно, двойки. Но, как абсолютно правильно заметил Петька, за поведение ставить оценки нельзя. Это знают все: учителя, родители, ученики, – но профилактические лебеди, тем не менее, периодически демонстрируют свои красивые изогнутые шеи в дневниках у особо отличившихся товарищей.

Можно дать дополнительное задание. Поймал взглядом крутящегося Иванова и тут же осчастливил его карточкой с проверочной работой по последней теме. Убиваешь двух зазевавшихся зайцев одним точным выстрелом. Тут и самый острый на язычок школьник не прикопается: оценку он получит не за нарушение дисциплины, а за свою работу. И времени на болтовню у него не останется: надо успеть до конца урока все задания сделать. Идеально! В теории.

Если школьник переживает за свои оценки или если родители следят за успеваемостью своего ненаглядного чада, последнее, кстати, иногда даже более эффективно, страх этой самой злополучной двойки заставит ребенка и на уроке работать, и дополнительные задания выполнять, и держать себя хоть в каких-то рамках приличия.

Да-да, я знаю, что движущим моментом в учебе должен быть не страх оценки, а интерес. Я это знаю, вы это знаете, тетя Маруся из третьего подъезда это знает, но для миллионов школьников что тогда, что сейчас волшебная головомойка от мамы является лучшим мотиватором.

> *И, не волнуйтесь: об интересе к учебе мы с вами еще поговорим. И не раз.*

Но есть дети, которые плевали с высокой колокольни и на двойки, и на мнение родителей, но тут стоит отметить, что чаще всего и их родителям точно так же безразличны школьные успехи их детей. Звучит, конечно, дико, но, уверяю вас, есть немало мам и пап, которые не только не переживают из-за проблем с учебой

своего Васеньки, но за весь год ни разу не заглядывают в его дневник. Да что там дневник…

Минутка реальных историй. Одна очень ответственная мама, чей сынок был моим учеником, не знала, в каком классе учится ее дите. И нет, я не про букву, мать не знала, в шестой или седьмой класс ходит сын. Выяснилось это в кабинете директора, на совете профилактики. Было очень неприятно и неловко. Мне. Не маме.

Так что, если родители не проявляют никакого интереса к учебе ребенка, можете смело засовывать свою спасительную карточку с дополнительным заданием… обратно в коробку, потому что вероятность того, что нарушитель общественного порядка тут же заявит вам: «Ставьте два!» – опасно приближается к ста процентам.

«А как же знания, будущее, поступление? Неужели это его не волнует?» – можете спросить вы.

Не волнует. Уж в шестом классе точно.

Когда ребенок, склонный к асоциальному поведению, начинает чувствовать, что над ним никого нет и он существует в некой параллельной Вселенной относительно своих родителей, то есть они, конечно, есть, но их вполне можно вынести за скобки, ситуация может начать развиваться двумя путями.

Первый и наиболее вероятный – школьник, глядя на остальных одноклассников, продолжит играть роль ученика. Будет ходить на занятия, списывать домашку, периодически отвечать на уроках, в общем, не особо отличаться от сверстников. Просто периодически в это спокойное житье-бытье будут врываться прогулы, нарушение дисциплины, вызывающее поведение и прочие прелести типичного трудного подростка. Редко, но метко. У кого-то уже нередко, но все так же метко.

Соблюдать, хотя бы внешне, школьные правила банально проще, чем выслушивать постоянные нравоучения учителей. Да и близко знакомиться с администрацией – та еще перспектива.

Да, даже в двадцать первом веке некоторые школьники все еще побаиваются разговора с родителями в кабинете завуча, беседы с директором, совета профилактики – всех этих пугающих и для многих непонятных слов. Но есть и те, молодые революционеры, которые в какой-то момент набрались смелости пойти до самого конца и на личном опыте убедились, что бояться-то в сущности и нечего.

Они удостоверились в том, что все, чем пугает, грозно потрясая длинной указкой у исписанной доски, Мариванна, – фикция. Главное – немножко потерпеть, пропустить мимо ушей поток нравоучений и не обращать внимания на заламывание рук! Дальше будет легче. Это и есть тот самый второй путь. И когда

ребенок понимает всю суть этих потемкинских деревень, перед ним открываются просто безграничные возможности.

Ломай меня полностью!

Давайте проследим типичный круговорот безответственных учеников в природе. Допустим, тебе совершенно не хочется тратить свое время на скучные дискриминанты с параболами, и более того, душа требует музыки. Ну вот захотелось тебе попеть на алгебре. Всякое в жизни бывает.

– Чего??? А по лбу получить тебе не захотелось? – наверняка поинтересуется возмущенный читатель.

Но вариант с физическим насилием рассматривать не будем, потому что… зачем зря мечтать.

> *Успокойтесь, это шутка! Естественно, я против применения физической силы. Если только розги… Ладно-ладно, проехали!*

И вот наша новоявленная звезда эстрады решает попеть. Между прочим, эта ситуация не плод моего воспаленного воображения, а вполне себе реальный случай на уроке алгебры.

Начинается все с замечания – на него вполне можно не реагировать. Продолжаем петь. Дальше, скорее всего, на нас повысят голос – неприятно, но пережить вполне можно. Расскажут сказку о потерявшейся совести – продолжаем музицировать. Попросят дневник – у нас его нет. И не было. Пообещают позвонить родителям – пожелаем удачи дозвониться: мама не поднимает трубку, если звонит незнакомый номер. Отправят к директору – не упустим возможности напомнить, что если с тобой что-то случится по дороге в его кабинет, то отвечать будет мадам у доски. Но вовремя вспоминаем, что демонстрировать свой талант гораздо приятнее большому количеству зрителей, поэтому уверенной походкой с радостью направляемся в кабинет директора или завуча, это уж как повезет.

Администрация школы либо попытается выяснить причины нашего неадекватного, с их точки зрения, поведения, либо сразу перейдет к угрозам. Тут варианта два: послушно киваем, обещая исправиться, и затем повторяем встречу с этими же самыми людьми в этом же самом месте через неделю, или продолжаем практиковаться в вокале и просим сразу же выкладывать все карты на стол. А карта-то у них в рукаве, по сути, одна – родители. Но и мы не лыком шиты. У нас есть огромное преимущество: к восьмому классу мы уже отлично уяснили, что маме плевать и на нашу учебу, и на нас. А вот директор, пытающийся напугать нас мамой у себя в кабинете, этого не

знает. Ух, как вены на шее надулись:

– А что скажет твоя мама, когда узнает, как ты ведешь себя на алгебре?

– А ничего она не скажет, – внутренне улыбаемся мы, но для вида смущенно опускаем глаза в пол: зря, что ли, человек старается. Пусть почувствует собственную значимость.

На следующий день в школу приходит мама. Стоп! Никуда она не приходит. Во всяком случае, после первого приглашения. Здесь все, как в театре: ждем третьего звонка.

– Мама сказала, что она сможет прийти только в пятницу. Ее с работы не отпустили, – радостно сообщаем мы классному руководителю и отправляемся продолжать играть на нервах математички. Потому что не пустить на уроках она нас не может. Вернее, может, но потом этот факт мы же и используем против нее. Так что…

– Здрасьте, Марьванна, это я! – заглядывая в кабинет, радостно машем рукой любимому преподавателю, у которой от нашей улыбки тут же портится настроение. – Не, не волнуйтесь, сегодня петь не буду: сегодня я плюю в одноклассников из ручки, но если вы против, я могу и в коридоре посидеть. Как вы это называете? Коридорная система обучения? – с неподдельным интересом уточняем мы. – Опять к директору отправляете? Ваше дело. Интересно, как быстро ему это надоест и он обвинит вас в профнепригодности. Ну, я пошел! – захлопываем дверь с такой силой, чтобы даже на первом этаже все поняли, что для нас сегодня с математикой покончено.

Мама все-таки приходит в школу, правда, не в пятницу, а в понедельник. Именно тогда, когда у математички методический день.

– В любой день, кроме понедельника, говорите? Ну-ну.

Классная стоит рядом с директором, сидящим за широким массивным столом, и заливается соловьем, рассказывая о наших, чего уж скрывать, не самых лучших оценках и достижениях. О, а вот и парочка докладных!

Не понимающая, что она здесь забыла, мама, у которой через полчаса коррекция ногтей, молча кивает и обещает принять меры. Но через месяц мы встречаемся на том же самом месте в том же составе. Только на этот раз математичка добавилась. В ход уже идет тяжелая артиллерия: завуч обещает поставить нас на внутришкольный контроль. У-у-у, напугала-то как! Аж коленки затряслись!

В конце месяца состоялся совет профилактики, куда собрали самых отъявленных разгильдяев и двоечников вместе с их родителями и где мама ошарашила всех.

– Ольга Анатольевна, если оценки и поведение вашего сына не изменятся, мы будем вынуждены оставить его на второй год, – подвел неутешительный итог директор и для пущей важности захлопнул папку с какими-то непонятными документами.

– Оставляйте, – безразлично пожала плечами мама. – Я все равно не знаю, что с ним делать.

Шах и мат! Математичка как стояла, так и села.

Совет в Филях?

Ситуация, которую я описал в предыдущей главе, я наблюдал собственными глазами, так как у этого «певца» я преподавал русский и, соответственно, присутствовал на том совете профилактики.

Что из себя представлял этот совет? Раз в один или два месяца в кабинете директора собираются директор, завуч, социальный педагог, классный руководитель и учителя-предметники для разговора с проблемными детьми в присутствии родителей.

Роль учителей обычно исполнял я, хотя претензий у преподавателей к двоечникам обычно много, но оставаться после уроков еще на несколько часов у многих не было ни желания, ни возможности: как бы это удивительно ни прозвучало, но некоторых учителей дома и собственные дети ждут.

> *Понятное дело, что это касается только плохих специалистов, все же знают, что настоящий учитель должен быть женат исключительно на работе. Это же призвание!*

А так как детей у меня не было, в школе я каждый день сидел до вечера, то и упустить порой единственный шанс поговорить с родителями своих учеников я не мог.

На моих уроках юный «вокалист» не пел и не плясал, более того, когда директор заглянул в электронный дневник, оказалось, что у парня выходит за четверть всего две пятерки по русскому и физкультуре. Как я этого добился, и почему к моменту, когда в моей жизни появилась эта «звезда эстрады», ни у кого из моих учеников не возникало желания продемонстрировать свои вокальные таланты или устроить бой на стульях, мы разберемся потом.

> *Что-то я много на потом оставляю, но, не волнуйтесь, обещаю осветить все темные места.*

Когда в какой-нибудь передаче обсуждают очередное вирусное видео, в котором школьники с довольными физиономиями творят какой-то трэш, разной степени отбитости, и снимают это на камеру, в обязательном порядке кто-нибудь произнесет сакраментальную фразу:

– А почему школа не предприняла мер?

А какие меры? Давайте посмотрим на предыдущую ситуацию. Ногами учитель алгебры потопала, беседы с администрацией в присутствии родителей проводили, вторым годом угрожали. Именно что угрожали, потому что в современных российских реалиях оставить ученика на второй год практически невозможно. Нет, прецеденты, конечно же, случаются. Но завучу и учителям предстоит заполнить столько бумажек и потратить огромное количество сил, доказывая всевозможным проверкам, что они действительно сделали все, что могли, что проще просто закрыть глаза и молча перевести в следующий класс.

В этом плане вузы находятся в гораздо более выигрышной ситуации: за пять лет учебы в университете только с моего курса отчислили, наверное, человек двадцать, если не больше. За восемь же лет работы в школе, а работал я в далеко не самых престижных учебных заведениях, на второй год оставили всего двух учеников. ДВУХ!

И вы искренне полагаете, что школьники этого не понимают? Я вас умоляю!

Школа всегда рассчитывает на родителей. Учитель, вызывая отца или мать в школу, надеется, что родители смогут повлиять на свое ненаглядное чадо, потому что вот как раз таки у них эти самые меры воздействия есть. Но когда школа сталкивается с тем, что родители не хотят или не могут хоть как-то повлиять на ребенка, складывается патовая ситуация.

Остается только одна возможность – обратиться к государству. Детская комната милиции, совет по делам несовершеннолетних и прочие серьезные организации с не менее серьезными наименованиями. Но если от действий ученика никто серьезно не пострадал, он не приносил в школу оружие (на моей практике один такой случай был) и не репостил мемасики на своей стене в ВК, никто и слушать ваши жалобы не станет. Ребенок обут, одет, сыт и ходит в школу без синяков – значит, мама справляется со своими обязанностями.

– Какие к маме претензии? – спросит серьезный товарищ в форме. – Не следит за успеваемостью сына? Мама, будете контролировать оценки? – мужчина повернется к раскрасневшейся родительнице.

– Буду, – едва слышно выронит мамаша и часто-часто закивает кудрявой головой. И, естественно, не будет.

– Вот и отлично!

И вот теперь-то наш «певец» прошел все круги школьного ада и на своей шкуре испытал все ужасы школьных мер воздействия. И что он вынес из этого потрясающего опыта? НИЧЕГО! Ничего, кроме сотрясания воздуха громкими словами, взрослые люди

сделать не могут. В его случае.

Если бы мальчик знал, что за любое свое действие в школе ему придется отвечать не только перед чужой тетей у доски, но и перед родителями, которые могут лишить его многих приятных вещей, ситуация с песней исчерпала бы себя еще в момент первого недовольного взгляда учителя. Конечно, обычно даже самые «ответственные» родители вспоминают о своих обязанностях после того, как школа начнет брать их измором со своими постоянными звонками, разговорами в кабинете директора и прочими увеселениями. Обычно, но не всегда.

И, уверяю вас, нет ничего более страшного, чем школьник, осознавший свою полную безнаказанность. Но об этом мне только предстояло узнать, а пока я только готовился приступить к работе.

В деревню, в глушь, в…

Не знаю: многие ли сейчас в нашей стране могут сказать, что их обеспечил работой университет, но в моем случае это действительно так. Вместе с дипломом каждому из выпускников вручили листок, на котором красовалось название учебного заведения, готового принять молодого специалиста.

К моменту окончания университета я уже настолько сроднился с электричками, что твердо решил: в Москве работать не буду, по крайней мере, первое время. Тратить по четыре часа в день на дорогу – очень сомнительное удовольствие. Очень. За пять лет я вдоволь натолкался в тамбурах, наслушался бедных музыкантов и отоварился всяческой фигней на двадцать лет вперед.

В результате распределения мне досталась школа, расположенная в десяти минутах езды на электричке от моего города. Да, опять электричка, но всего десять минут, так что:

– Официант, заверните две!

Некоторым особо удачливым сокурсникам предложили школы, до которых предстояло добираться на перекладных, да еще и в другие районы Подмосковья. С точки зрения бумаг тебя, и в самом деле, обеспечили рабочим местом, а то, что ты физически не сможешь добраться до него к первому уроку, – это уже другой вопрос, который решать будешь уже только ты. Но сам факт, что распределение в нашем университете было, – громаднейший плюс.

Школы в своем городе я даже не рассматривал. У меня перед глазами был пример мамы, у которой выездные сессии родительского собрания проходили практически каждый день. Идешь по улице? «А как там успехи у моего Коли?» Стоишь в очереди за молоком? «Татьяна Павловна, мы с мужем не смогли на прошлой неделе подойти: расскажите, что вы там с родителями обсуждали».

– Мам, пошли уже домой! – тряс я уже не принадлежавшую мне родительницу за рукав, но нет, очередному собеседнику срочно нужно было выяснить, как нужно было записать ответ в номере пятьсот сорок восемь.

Но постоянные разговоры – это наименьшая из проблем. Когда учитель работает рядом с домом, каждый его шаг сопровождается массой заинтересованных взглядов:

– А куда это он пошел?

– А что купил?

– С кем это она говорит?

А уж если вас угораздило зайти в ресторан или бар, где продают алкоголь, можете не сомневаться: слава заправского выпивохи теперь с вами навсегда. При этом не имеет никакого значения, выпивали вы в компании друзей или просто зашли поесть пиццы. Надо просто смириться, что учитель никогда не должен… И дальше идет огромный список ограничений, при этом половина из них вообще никакого отношения к профессиональным качествам педагога не имеет.

В головах у очень многих людей, особенно у младших школьников, все еще цветет и пахнет стереотип, что учителя живут где-то между доской и своим столом с тетрадками. Никогда не забуду искреннее удивление одной пятиклассницы, когда она узнала, что я бываю в «Макдоналдсе» и периодически хожу в кинотеатр.

– Но вы же учитель? – глаза девочки непонимающе захлопали.

– И что?

Объяснить причину своего удивления она так и не смогла, но всякий раз, когда ученики узнавали какую-нибудь новую информацию обо мне, доказывавшую, что я обычный человек со своими вкусами и интересами, реакция была точно такой же.

Нравится тебе это или нет, но родители с учениками всегда будут оценивать не только профессиональные качества педагога, но и его поведение за пределами школы, его личную жизнь, круг общения да даже банально одежду. Исполнять роль учителя еще и в свое свободное время мне совершенно не хотелось. Школа и так забирает самый большой кусок твоей жизни, поэтому тащить работу за собой на прогулку, в магазин, в тренажерный зал,

> *Не знаю, где еще тебя могут встретить разговоры об оценках и тетрадках.*

спасибо, но я как-нибудь обойдусь. Поэтому что в Москве, что в Подмосковье я работал в школах, которые были расположены достаточно далеко от моего дома, это позволяло хоть немного переключаться.

Найди пять отличий

В своих роликах на Youtube я достаточно часто рассказываю о своем опыте работы учителем. И практически под каждым подобным видео зрители начинают вести горячие баталии:

– А вот у нас все не так! – удивляется один.

– Наши учителя такого не делают! – вторит первому другой комментатор.

– Такого вообще не бывает! – безапелляционно заявляет третий, попутно обвиняя меня во вранье.

– Я сама работаю в школе уже пятнадцать лет и каждый день встречаюсь с подобными ситуациями, – не соглашается четвертая.

И в таком разночтении нет ничего необычного, потому что наш школьный опыт может очень сильно отличаться в зависимости от учебного заведения, которое мы заканчивали, да даже в одной и той же школе учеба в параллельных классах может кардинально различаться.

Первые пять лет после института я работал в Подмосковье, потом еще три года преподавал в Москве. И это были совершенно разные периоды в моей жизни. И, признаюсь, если бы я попал в свою первую школу после московской, я бы сбежал оттуда после первой же четверти.

Первый день осенних каникул. Я собрал журналы всех классов, в которых я работаю, и направился в кабинет завуча – сдавать журналы. Очень увлекательное занятие, скажу я вам: садишься рядом с кем-нибудь из администрации, открываешь журнал, тематическое планирование и мгновенно возвращаешься в студенческие годы в период сессии. Сейчас тебя будут оценивать.

Завуч внимательно проверяет, как ты заполнял журнал: не пропустил ли какое-нибудь число, не ошибся ли где-то.

> *До сих пор с содроганием вспоминаю, как случайно открыл журнал на странице биологии и увидел тему урока «ЖЫвотный мир». ЖЫвотный!!!*

И самая главная цель проверки – оценить корректность выставления оценок. Плюс, по каждому классу и предмету нужно было заполнить здоровенную таблицу. В общем, кто-то отдыхает (ученики), а у кого-то работа только начинается (учителя).

О том, что в новой школе что-то не так, я догадался уже тогда, когда спокойно сумел найти все необходимые мне журналы. Предыдущие пять лет в последние дни четверти и в

первые дни каникул эти драгоценные фолианты становились чем-то вроде Священного Грааля, все о них слышали, но никто не видел и не имел ни малейшего представления, где их надо было искать. И если каким-то чудесным образом журнал оказывался в твоих потных ручонках, нужно было, не теряя ни минуты, отправляться в самый укромный уголок школы, чтобы успеть выполнить все необходимые манипуляции, пока никто не узнал, что ты сумел отхватить такое сокровище. Самые предприимчивые педагоги собирались в группы, отвоевывали как можно больше журналов и уже совместно пытались отстоять свое право разобраться с документацией первыми.

Боже, благослови электронные журналы!

Уточню: благослови хорошо работающие, нелагающие электронные журналы.

В этот же раз все журналы оказались у меня безо всяких приключений, более того, одна из коллег настойчиво пыталась вручить мне журнал девятого класса, хотя я в нем и не работал. Что-то тут нечисто!

Захожу в кабинет завуча и интересуюсь, когда можно сдать журналы.

– В любое время, – оторвавшись от бумаг, рассеянно проговорила она. – Павел Викторович, вы что, у нас первый день работаете? Относите в учебную часть и ставите в нужную ячейку.

– Нет, вы не поняли… – попытался объяснить я, но оказалось, что это я не понимал.

Ни о какой проверке журналов здесь и не слышали, так же как и о многих других вещах. Например, о миллионе всевозможных мероприятий в течение года. Нет, День учителя, Новый год, 8 марта и иже с ними мы, конечно, отмечали, но в моей первой школе общешкольные активности шли друг за другом, практически не останавливаясь. Мы постоянно к чему-то готовились, что-то репетировали и украшали, в некоторые моменты мне казалось, что еще чуть-чуть – и воспитательная работа просто поглотит или выставит учебу за дверь за ненадобностью. И, можете мне поверить, скучными свои школьные дни ученики вряд ли могли назвать.

Первые полгода на новом месте я постоянно ходил с широко распахнутыми глазами, как Алиса в Стране чудес, и удивлялся:

– А что, и это делать не надо? И вот эту бумажку заполнять не заставляют?

Огромное количество требований на первом месте работы настолько меня выдрессировало, что в плане заполнения всевозможной документации мне, пожалуй, не было равных в

новой школе. Может быть, это прозвучит нескромно, да чего уж там, это точно прозвучит нескромно, но, если бы администрация решила установить доску почета, моя довольная физиономия там бы точно красовалась, а ниже подпись «Сдает все раньше всех».

И я бы не сказал, что здесь ко всему относились спустя рукава, нет, но работа тут, действительно, коренным образом отличалась от предыдущего опыта, вплоть до того момента, как моя школа влилась в огромный образовательный комплекс.

В те осенние каникулы мне предстояло еще не раз удивиться. Чего только стоил педсовет, напоминавший скорее шутку, по сравнению с тем, в чем я участвовал прежде. Но о своих первых педсоветах стоит рассказать поподробнее.

Прозаседавшиеся

Педсовет – это, конечно, отдельная песня. Заунывная песня бурлаков. Каждый раз, выходя после очередного многочасового заседания, я повторял одну и ту же фразу:

– Пристрелите меня!

По-моему, это все-таки талант, так провести совещание педагогических работников, что после него хотелось повеситься прям тут же, в кабинете.

Начнем с продолжительности. Три – четыре часа минимум. Что там можно столько обсуждать? Для меня самого это до сих пор загадка.

Я всегда садился за последнюю парту, и поэтому мне было отлично видно, как с каждым часом учителя все больше и больше напоминали школьников. Разговоры, записки, сдавленные смешки – все, как в обычном классе. Вон преподавательницы ИЗО и технологии, совсем как пятиклассницы, поставили на край стола сумки, чтобы никто из выступающих не видел, как они заполняют журналы. На первом ряду учительница математики проверяет самостоятельные, физрук читает газету, географичка требует открыть окно, иначе она упадет в обморок, но открыть нельзя, так как биологичке дует. Знакомо? А у доски завуч вещает об очередных нововведениях.

– Что придумали нового? – именно с такой мыслью приходили на педсовет многие педагоги.

Красной нитью во всех докладах проходила мысль: вы не справляетесь со своими прямыми обязанностями, поэтому вот вам еще парочка. Мало отличников, много троечников, в других школах результаты ЕГЭ лучше, учителя старшей школы, равняйтесь на преподавателей начальной, они во всем опережают вас, нет, повышения зарплаты не будет, вы и так получаете больше всех в районе.

Особенно мне запомнились три педсовета.

Если очень захотеть…

На первом директор выдала сакраментальную фразу, которую, как мне кажется, с радостью поддержат родители:

– Необучаемых детей не бывает.

И дальше последовало двадцатиминутное объяснение, почему мы не имеем право ставить двойки за четверть, и что, если ты ставишь ребенку неудовлетворительную оценку, то ты, товарищ, тем самым расписываешься в своей полной профнепригодности.

Аминь!

Правда, по ее же логике у нее у самой были большие проблемы, так как двойки ее ученики получали регулярно. Но что позволено генералу…

В той или иной вариации я слышал мантру про отсутствие необучаемых детей от многих педагогических работников. По странному совпадению все они занимали руководящие посты, кто-то возглавлял школу, другой – департамент образования района.

– Что? У Васи выходит двойка по математике? – делаем круглые глаза и недовольно кривим рот. – Как же вы это допустили? Ведь необучаемых детей не бывает.

Как же замечательно это смотрится в теории. Сидит в классе тридцать детей с идеально пустыми головушками, и ты, как библейский сеятель, отправляешь в их сознание живительные семена теорем и правил. Поливаешь их целебной водичкой повторения, удобряешь домашней работой, и вуаля – стобалльник на ЕГЭ готов.

Наверное, приблизительно так это и работает в каких-нибудь школах, где ученики в пятом классе сдают экзамены, чтобы учиться именно в этом престижном учебном заведении. Утверждать не могу, но хочется верить.

«Если очень захотеть, можно в космос полететь!» Чем учитель хуже космонавта? Если педагог как следует постарается, то даже самый слабый и немотивированный школьник легко справится со всеми трудностями. Правда?

НЕПРАВДА!

Не подумайте, я не пытаюсь снять ответственность с учителей, и глупо было бы спорить, что от педагога, действительно, зависит очень многое. Многое, но не все.

Мои иллюзии о собственном всесилии разбились о суровую реальность, буквально в первый год работы в школе.

Моя твоя не понимать

Середина ноября, урок истории в шестом классе. Неожиданно распахивается дверь, и в кабинет входит улыбающийся классный руководитель вместе с перепуганной девочкой с огромными карими глазами и длиннющими ресницами.

– Наверное, новенькая, – подумал я и не ошибся.

Девочка оказалась очень скромной, спокойной и тихой. Очень тихой. Я бы даже сказал чересчур. Но разве это недостаток? Наверное, большинство учителей согласится, что с такими детьми работать гораздо проще, чем с их гиперактивными сверстниками, у которых рот закрывается только во время сна. Она внимательно слушала объяснения, совершенно не отвлекалась, аккуратно переписывала схемы с доски, не бегала по коридорам на переменах, никогда не опаздывала на занятия. Идеальные тетрадки, новенькие учебники, красивый дневничок. Ну все задатки типичной отличницы. Одна проблема – девочка не умела говорить по-русски. Совсем.

Каким образом ребенок, только что приехавший из Средней Азии и не знавший ни одного русского слова, оказался в шестом (!!!) классе, – тайна за семью печатями! Но, так или иначе, вот она сидит за первой партой, внимательно на тебя смотрит и ни черта не понимает. И двойки за четверть у нее, как вы понимаете, быть не может, потому что НЕОБУЧАЕМЫХ ДЕТЕЙ НЕ БЫВАЕТ!

И нет, я не передергиваю, подобные ученики тоже включались администрацией в категорию тех, у кого, как минимум (МИНИМУМ!!!) должна быть тройка. А если по каким-то совершенно непонятным причинам эту оценку ты слепить не можешь,

> *А попытки оценить таких школьников как раз таки процесс лепки и напоминали.*

тебе стоит задуматься об уровне своего профессионализма.

Это не был единичный случай. Периодически подобные дети сваливались на школу в середине учебного года, как бомбы из реактивного самолета. И у всех была одна и та же, будто под копирку история: родители переехали из бывшей советской республики в Подмосковье, ребенок никогда не говорил на русском, но, не волнуйтесь, Павел Викторович, он очень быстро втянется, администрация поможет. А спустя два месяца тебя вызывают к завучу, чтобы выяснить, почему у Махмуда двойка за административный диктант.

– Даже не знаю… Может быть, потому, что мы изучаем причастия, а Махмуд не может даже в туалет отпроситься, потому что не знает подходящих слов? – развожу руками я.

– Павел Викторович, давайте обойдемся без ваших шуточек.

Интересно, а кто здесь шутил?

Кто последний, тот и вода

В школе у всех, а особенно у администрации, очень короткая память. Очень. Прямо до безобразия. А еще обязательно должен быть виновный, а так как, по мнению руководителей, ребенок в 99,99 % ни в чем не виноват, то, скорее всего, расхлебывать кашу будешь именно ты. Даже если ты ее и не заваривал, даже если за столом не сидел, а просто мимо кухни проходил. Неважно!

– Как Вы это допустили?!

И вот тут очень важный момент, конечно, завуч с директором будут взывать к совести ученика, обвинять его во всех смертных грехах, пугать и топать ногами, но… Громадное НО! Как только за безответственным лоботрясом захлопнется тяжелая дверь, всех собак спустят на предметника, а, если повезет, и настроение будет соответствующим, еще и классному руководителю достанется. За компанию.

Когда придется отчитываться за каждого двоечника и второгодника,

А школе придется, не переживайте.

никто не будет слушать рассказы директора о Саше или Маше. Когда речь заходит о рейтингах и баллах, личности отдельных учеников вообще никого не интересуют. Двоек быть не должно. Точка. А если они есть, то, значит, вы, Петр Степанович, плохо справляетесь со своей ролью руководителя образовательного учреждения. И отлично все это понимая, точно так же Петр Степанович не будет слушать и своих работников.

И дальше начинается замечательная народная игра «Горячая картошка». Кто последний Махмуду поставил оценку, тот и виноват.

Лучше всего справляется с этой игрой начальная школа.

О некоторых «звездных» учениках преподаватели старшего звена наслышаны еще до того, как школьники переходят в пятый класс. Все знают, что Вася – круглый двоечник, никогда не выполняет домашнюю работу, грубит учителям, дерется с одноклассниками и делает три ошибки в своей фамилии. По-хорошему Васенька должен сидеть в первом классе и заново учить алфавит. Но оставить ребенка на второй год в начальной школе – это вообще что-то из разряда фантастики, легче слона заставить станцевать польку в балетной пачке. Поэтому мы имеем то, что имеем, и наш Василий гордо плывет по коридору старшей школы. Вася – пятиклассник! Поздравляем Василия и его родителей,

искренне сочувствуем его новым учителям и классному руководителю.

Первую же контрольную наш герой пишет на кол, потому что за двадцать восемь ошибок в словарном диктанте из пятнадцати слов

Эту цифру я не с потолка взял.

ставить двойку – преступление. Такой же результат наш герой демонстрирует и на всех последующих самостоятельных.

Что мы обсуждаем на совещании? Правильно! Почему старшая школа – такое дно, которое ничему не может научить ребенка? И плевать мы хотели, что учитель начальной школы за четыре года не смог объяснить Васе, что такое подлежащее и сказуемое.

Это не камень в огород начальной школы, никто бы не смог.

А вот Павел Викторович должен был решить все его проблемы за два месяца. Не смог?

– Поставил двойку самому себе! – подводит неутешительный итог директор.

Совершенно неожиданно всплывает факт, что Василий отстает в развитии

И кто бы мог подумать?

и должен получать образование в специализированном заведении, но в последнее время подобные дети учатся в общеобразовательных классах и требования к ним предъявляются, как и к здоровым ученикам. Почему? Потому.

Серьезно, я не могу найти другого ответа на этот вопрос. Просто смиритесь. ПОТОМУ.

Не менее удивительно, что и от их учителей требуют, чтобы дети с врожденными серьезнейшими заболеваниями показывали результаты на уровне остальных. Как этого добиться? Неизвестно. Но надо! Надо, Федя, надо! Иначе школа опустится в рейтинге!

Берите пример с Павла Викторовича!

Каждый раз, когда я начинал работу с новым пятым классом, я хранил все их первые самостоятельные работы, чтобы был виден прогресс. Во всяком случае, я очень надеялся, что он будет виден.

Ежегодно в конце сентября обычно проходило совместное совещание учителей пятого класса и начальной школы: разбирали проблемы детей, связанные с переходом в среднее звено, делились впечатлениями, анализировали первые результаты. И каждый раз на подобные заседания я приходил с охапками этих самых работ в руках. Отлично зная короткую школьную память, я пытался донести до администрации простую мысль: «Посмотрите, я еще не успел никого испортить!»

– Да мы же вас и не обвиняем, мы отлично понимаем, что класс сложный и уровень подготовки серьезно хромает, – разводила руками завуч и через два месяца удивленно заявляла: – А как так получилось, что в классе столько детей не справилось с диктантом?

Действительно, почему пятнадцать двоек в начале сентября магическим образом не превратились в пятнадцать пятерок в ноябре? Чем вы там на уроках занимаетесь???

Одна ситуация особенно меня «порадовала» и научила никогда не доверять словам администрации.

В параллели было два девятых класса. В сильном, начиная с шестого класса, работал я, в другом же, балансировавшем на грани почетного звания «класс коррекции», вплоть до конца восьмого преподавала очень опытная учительница. Опыта у нее, действительно, было много, но вот результаты у ее учеников были просто плачевные. Не у всех, а конкретно у этих.

Хуже класса в школе просто не было. Я в течение года вел в нем историю и обществознание и до сих пор вспоминаю это время с содроганием. Два класса, один и тот же педагог, один и тот же учебник истории: с первым классом я успеваю пройти тему, выполнить массу дополнительных заданий, со вторым же… Если мы доходили хотя бы до середины плана урока – это уже был праздник. И серьезный! Часть детей банально не умела списывать с доски, большинство не могло прочитать даже пары предложений. И это в шестом классе! С первым классом изучаем научные статьи, со вторым – на теме «Феодальная раздробленность» рисуем в тетради разноцветные кусочки пиццы, чтобы хоть как-то понять, о чем идет речь в учебнике.

И дело здесь не столько в отсутствии мотивации у школьников или педагогической запущенности, сколько в том,

что для большинства учеников русский язык не являлся родным. Дети просто не понимали, что от них требуют. Какие склонения и спряжения, когда ребенок только приехал из Узбекистана и не представляет, как тетрадь подписать, и на русском он не говорил ни дня.

Все учителя отлично понимали, что в школе находится бомба замедленного действия, которая рано или поздно взорвется с таким грохотом, что мало никому не покажется. Никто, конечно, не мешал смиренно закрывать глаза и рисовать, с благословления администрации, тройки и дальше, только вот впереди уже маячил девятый класс и неизбежный ОГЭ. На какие результаты можно было рассчитывать, если некоторые выпускники даже задания прочитать не смогут?

Неожиданно гром грянул оттуда, откуда не ждали. Перед самым началом учебного года, в последние дни августа, увольняется учитель русского, работавшая в этом классе. Нужно срочно искать замену. Кому доверить почетную обязанность готовить детей к экзамену? Конечно же, молодой преподавательнице, которая только вернулась из декрета. До сих пор не понимаю, как меня эта чаша миновала?

К чести молодой мамы, стоит отметить, что сопротивлялась она до последнего: об учебных успехах звездного класса знали даже те, кто несколько лет не был в стенах школы. Но когда администрация решила на тебя что-то повесить, она, будьте уверены, это сделает.

– Да о чем ты переживаешь? Мы знаем, что класс очень сложный. К тебе никаких претензий в любом случае не будет. Все всё отлично понимают. Тебе главное – довести их до экзамена. Мы поможем, – хором уверяли завучи.

Помогли!

В конце сентября девятиклассники пишут первый пробный экзамен. С нетерпением ждем результатов. В моем классе всего две тройки, в параллельном тоже две, вот, правда, остальные – двойки…

Удивились ли преподаватель, дети, родители? Нет. Все отлично знали, чего можно было ожидать. Зато вот удивлению завучей не было предела.

– Как так получилось? Это неприемлемо! Ты обязана все исправить! Детей, вообще-то, готовить нужно!

Вспомнил ли хоть кто-то о своих обещаниях? Нет. Вспомнили ли о том, что преподаватель работает с классом меньше месяца? Естественно, нет! Дали ли совет? Конечно!

– Учитесь у Павла Викторовича: вот он умеет с детьми работать! Почему вы так не можете?

Действительно, почему?

В школе никто не будет разбираться, кто и в чем виноват, никто не станет поднимать старые работы и следить за прогрессом класса. Спрашивать всегда будут с того, кто в данный момент работает с детьми, и совершенно не важно, будет ли это пять лет или пять месяцев. Виноват в любом случае будет последний преподаватель.

Веселая игра!

Голосуй за НАШЕГО кандидата

Но не только обсуждением успеваемости очередного Петеньки и никчемности педагогов были интересны педсоветы. Иногда на повестку дня выходила политика.

Наверное, только самые далекие от Интернета люди не видели занимательные ролики с избирательных участков с учителями в главных ролях. Описывать их содержание, я думаю, смысла нет: кто видел и так все понял, а кто впервые сейчас об этом слышит – завидую вам.

Сам я никогда не работал на выборах, хотя мои коллеги неоднократно принимали участие в их организации, но никаких секретных разговоров и предписаний мне слышать не приходилось. Так что тут мне вас порадовать нечем: никаких жареных подробностей, заговоров массонов и срывов покровов.

Несколько раз на совещаниях нам настоятельно советовали проявить активную гражданскую позицию и проголосовать. Хотя, наверное, слово совет не совсем применимо в данной ситуации. Мы были обязаны позвонить завучу до двенадцати часов дня и сообщить, что наш бюллетень успешно опустился в избирательную корзину.

– Если не позвоните или, не дай бог, не проголосуете, вы подставите школу!

Хорошо, хоть не говорили, за кого проголосовать. И на этом спасибо! Хотя, подождите…

На одном из затянувшихся педсоветов, после обсуждения, казалось бы, уже всех учебных вопросов, директор предложила нам передохнуть пять минут, потому что нам предстояло обсудить еще одну очень важную тему.

Выборы.

Заняв почетное место у доски, директриса решила поинтересоваться: знаем ли мы, что у школы есть определенные проблемы. Неухоженная территория, старое здание, отсутствие капитального ремонта – в общем, все то, что и так бросалось в глаза любому, кто работал или учился в этом здании. Оказывается, это очень здорово, когда интересы образовательного учреждения отстаивает свой человек в администрации района, потому что школ много, а финансов, естественно, мало. Но, чтобы на наши проблемы обратили внимание, нам необходимо показать НАШЕМУ кандидату, что мы готовы его поддержать.

– Поэтому я вас, конечно, ни к чему не призываю, но, если вы хотите, чтобы нам начали оказывать поддержку…

Да уж, никакого навязывания…

А еще интересно: без поддержки с нашей стороны уважаемый политик не поймет, что медицина и образование – самые важные отрасли в любом нормальном обществе. Нет? Тогда я все же воздержусь от поддержки такого кандидата, уж простите.

Вот так, не успев родиться, умерла моя вера в политику.

Помню, больше этой ситуации с выборами меня поразил только случай на педсовете перед Новым годом. После каждого выступления представителя администрации и обсуждения очередного вопроса учителям напоминали, что в конце заседания их ожидает очень приятный сюрприз. ОЧЕНЬ!

– Вы работаете в новогоднюю ночь, – шепнула мне сидящая рядом учительница истории, как и я, успевшая привыкнуть к тому, что словосочетание «приятный сюрприз» в стенах школы порой имеет весьма необычное значение.

Зарплата у вас не повысится, но зато и не понизится. Некоторым из вас предстоит в июле одновременно работать и в лагере, и организаторами на ЕГЭ, но зато, ПРИЯТНЫЙ СЮРПРИЗ, вы сможете отдохнуть в июле. Теперь вы обязаны (вставьте нужную указивку), но зато вас не уволят.

– Или мы открываем школьный лагерь на каникулах, – хихикнул в ответ я.

Про зимний лагерь речь, действительно, зашла. Черт меня за язык дернул! Оказалось, что родители сильно устают от детей за время праздников, и поэтому было бы неплохо, если бы дети могли ходить в школу и в самом начале января. Учительница физкультуры, спрятавшаяся за спинами коллег на последней парте и незаметно попивавшая кофе, едва не захлебнулась, услышав об этой новости. У меня кофе не было, но желание захлебнуться от подобной формулировки появилось.

Но, как оказалось, приятный сюрприз заключался не в этом. После душещипательного рассказа о том, в каком упадке находится бюджет района и что денег на образование нет и не предвидится,

Наверное, НАШ кандидат все-таки не удостоверился в поддержке школы.

директор с сияющим видом заявила, что сумела выбить всем новогоднюю премию. В размере, внимание, тысячи рублей.

Я думаю, вы и сами понимаете, что подобная неслыханная

щедрость тут же вернула мне веру в Деда Мороза, Снегурочку, Снеговика и во всех остальных сказочных существ вместе взятых. В следующем декабре я уже работал в московской школе, где без всяких совещаний нам просто заплатили тринадцатую зарплату. НАШ кандидат для этого не понадобился. Конец истории.

Ты мне дай островок

Но, по-моему, я очень сильно забежал вперед. Давайте все-таки вернемся к тому августу, когда я только пришел устраиваться в школу.

И да, сделаем вид, что прыгать по временной ленте вперед и назад – это такой тонкий литературный прием. Договорились?

Что мы имели после первого разговора с директором? Уроки русского языка в пятом и шестом классах, уроки истории и обществознания в шестых и десятом. Скажу честно, на историю я совершенно не рассчитывал, но оказалось, что в школе был всего лишь один историк на все параллели, так что, как понимаете, особо не разгуляешься. В итоге, тридцать два часа в неделю. Если бы я тогда знал, что это такое, сбежал бы, не раздумывая.

Чего мы не имели? Кабинета. Тогда я не обратил на это внимания, но уже в первую неделю сентября понял, что это полный провал.

Кабинет в жизни предметника… Об этом можно рассуждать долго. Когда в течение дня мне ставили все уроки в одном кабинете, жить было можно. Приходилось, правда, мириться с тем, что ты здесь никто и звать тебя никак.

– Чувствуйте себя, как дома, – мило улыбается преподаватель математики. – Только не трогайте ничего на столе! У меня тут свой порядок!

Ну, порядок так порядок… И вот ты сидишь с журналом на коленях, потому что весь стол просто завален тетрадями, дидактическими карточками. Это что, коробка чая? Действительно, как дома.

– И да, мел я покупаю свой, поэтому забираю его домой, – аккуратно складывая белые прямоугольники в яркую коробку, сообщает коллега. – Вам же он не понадобится?

Нет, что вы. Я же всего лишь русский преподаю, зачем нам мел? Можете и доску сразу же с собой прихватить: нам она все равно не нужна. Без мела особенно.

– После каждого урока вы должны проходить и проверять каждую парту. Я знаю классы, в которых вы работаете, они наверняка мне всю мебель изрисуют, – увещевала другой математик.

Только когда у меня у самого появился кабинет, я понял, что такое отношение учителей к «квартирантам» объясняется все тем

же правилом «горячей картошки». В конце года отвечать за состояние кабинета будешь ты, а не те учителя, которые проводили свои занятия здесь. Твой кабинет – твои проблемы.

Но, протаскавшись целый год по чужим кабинетам и наслушавшись множество интереснейших историй о себе и своих учениках, я дал себе слово, что, когда уже в моем классе

Он же у меня когда-нибудь появится?

в методический день будут работать другие педагоги, я не буду превращать их жизнь в ад. Наверное, именно поэтому однажды утром я нашел в кабинете сломанную первую парту, оторванная крышка которой была заботливо прислонена к стене, а в следующий раз уже мой шкаф оказался без дверцы. Виновных, естественно, найти не удалось. Все как в обычной жизни.

Но главное веселье, безусловно, начиналось тогда, когда каждое новое занятие необходимо было проводить в новом помещении. И на перемене, вместо того чтобы готовиться к уроку, ты, выпучив глаза, совсем как пятиклассник, прыгая через три ступеньки с двумя пачками тетрадей наперевес, бежал с четвертого этажа на первый. Зато после подобных тренировок отпадала необходимость в абонементе в фитнес-клуб.

Хотя с моей тогдашней зарплатой я бы в любом случае не мог бы себе его позволить.

Естественно, во время забега из пункта А в пункт Б необходимо было заглянуть в кабинет В, в котором располагалась моя полочка. На ней стоит остановиться поподробнее.

Когда директор во время собеседования сказала, что свободных кабинетов в школе нет, она успокоила меня тем, что все свои вещи я смогу спокойно расположить в кабинете английского языка. С преподавателем, якобы, уже все обсудили.

– У нее часов мало, поэтому и вещей не так много, – направив меня в соответствующий кабинет, подвела итог директриса.

Вещей, действительно, было немного, правда, мебели было еще меньше. Вытянутая тумбочка времен Второй мировой, покосившаяся полка над ней, коричневая доска, такого же цвета парты и стулья, два стенда – вот, собственно, и все богатство. Теперь стало понятно, почему мне досталась всего одна полка: предложить что-то еще кабинет был просто не в состоянии.

– Проживем, – подумал я, достав из сумки пару новеньких методичек и торжественно водрузив их на свою новую собственность. Хотя «новая», это, наверное, все-таки не то прилагательное, которое стоит употреблять при разговоре о

мебели в деревенской школе.

Получив в библиотеке все необходимые в этом году учебники и переправив из дома большинство нужных словарей и пособий, я с нескрываемым удовольствием отметил, что все сошлось просто идеально. Все вещи поместились.

Только вот тогда я еще не знал, что вовсе не книги занимают львиную долю шкафов филолога. Тетради! Тетради были везде. Если Скрудж Макдак в заставке известного мультфильма девяностых плавал в золоте, то я вполне мог наполнить бассейн тетрадями. Маленький, но все же бассейн.

Что, по идее, должно храниться в кабинете у учителя русского языка? Рабочие тетради, тетради для контрольных работ, для развития речи, тетради на печатной основе. И это только один класс. А у меня их было три, и, соответственно, двенадцать пачек тетрадей. А вот чего у меня не было, так это кабинета, где всю эту макулатуру предстояло хранить. Полочка в кабинете английского, как вы отлично понимаете, при всем желании не могла вместить такие богатства. А жаль.

Осознав в начале сентября масштабы бедствия, я направился в учительскую, в надежде там найти угол для своих летописей. Увы, свободных углов не нашлось. Все шкафы были заняты такими же беспризорными учителями. Но, слава богу, в учительской стояло несколько парт, и одну из них я гордо провозгласил

Ну, как гордо… никто об этом, конечно же, не знал.

своим кабинетом. Вот на нее все эти двенадцать пачек и приземлились.

Помощь пришла, откуда не ждали, мои горы тетрадей замечает преподавательница ИЗО и предлагает, о Боже, целый шкаф в своем кабинете. ШКАФ! Так что в моем распоряжении оказывается полочка, стол и шкаф. Живем!

Теперь нужно всего лишь после урока проверить каждую парту на наличие нежелательных рисунков, удостовериться в отсутствии меловых разводов на доске, мусора на полу (иначе интервью с пристрастием с учителем математики не избежать), схватить свои вещи и собранные тетради, закрыть кабинет на ключ, спуститься на второй этаж, в надежде, что кабинет ИЗО окажется открыт, поменять учебники и тетради, забежать в учительскую за новым ключом и бежать на первый этаж открывать кабинет истории, пока шестиклассники без меня не переубивали друг друга в коридоре.

– Павел Викторович, вы можете своих детей раньше запускать в кабинет? Они тут орут, как сумасшедшие, – ловит меня на

подходе к классу учительница музыки, которая сегодня дежурит в коридоре.

Еще, конечно, было бы неплохо раздать и собрать тетради, записать тему урока на доске, включить компьютер и настроить проектор для презентации, положить на каждую парту карточку с дополнительными заданиями и еще… В общем, много чего хотелось бы успеть сделать за время перемены, но, с другой стороны, зачем нам даны сорок пять минут урока?..

Первый урок

Свой первый настоящий урок

Практика все же не в счет, так как там присутствовали другие учителя.

я провел первого сентября. Пятый класс. Для них это тоже был дебют, но только в старшей школе.

Сразу же после торжественной линейки и классного часа 5-й «А» направился ко мне. В тот самый кабинет английского, с моей полочкой.

Не знаю, кто боялся больше: я их или они меня? Наверное, все-таки они.

– А это кабинет русского языка? – осторожно просунув голову, поинтересовалась девочка с двумя громадными бантами, которые почти полностью закрывали обзор другим любопытным лицам, которым очень хотелось узнать, что же им предстоит на первом настоящем уроке в старшей школе.

Огромная карта Великобритании за моей спиной буквально кричала, что русским здесь и не пахнет, но я решил не вдаваться в подробности особенностей распределения кабинетов в школе и просто предложил детям входить.

Молча вошли, молча сели, молча приготовились к уроку. Двадцать восемь пар глаз начали сверлить меня в ожидании. Только вот в ожидании чего?

– Сейчас перемена, вы можете погулять и пообщаться, – попытался я разрядить атмосферу, так как эта тишина уже и меня начинала напрягать.

Молчание.

Почувствовав, что поддержки от сверстников не дождешься, все та же девочка, что первой заглянула в класс, все-таки отлипла от стула, сидела она за последней партой, и под четким наблюдением одноклассников подошла к первой парте, за которой, как я потом узнал, сидела ее лучшая подруга. Та посмотрела на нее совершенно перепуганными глазами, всем своим видом давая понять, что ни общаться, ни гулять по коридору она сейчас точно не намерена. Переведя взгляд с подруги на меня, пятиклассница быстро развернулась и, по-моему, с облегчением вернулась на свое место.

Все продолжили ждать спасительного звонка.

Спустя пятнадцать минут занятия, я едва сдерживался, чтобы не ущипнуть себя, настолько идеально все проходило. Уж не сплю

ли. Я ожидал чего угодно, но только не этого. Мне казалось, что я попал в советскую кинохронику, настолько образцово-показательно вели себя дети на уроке. Никто не отвлекался, не крутился, они даже руку поднимали, как в советских фильмах о школе: локоток на парте, аккуратная ладошка возле щеки. Это вообще законно?!

Если перед уроком я еще переживал: а смогу ли, а на своем ли я месте, а вдруг не получится, то в конце занятия я уже был убежден: у меня настоящий педагогический талант. Какие проблемы с дисциплиной? Вы о чем?

До сих пор с улыбкой вспоминаю, как после звонка ко мне с дневником подошел Стас, который выполнял упражнение у доски. Сделал он все правильно, но вот в фонетическом разборе пару раз запнулся.

– Что же тебе поставить? – глядя на идеально заполненный дневник, улыбнулся я.

– Ну, это уже на ваше усмотрение, – пожал плечами пятиклассник и переложил пакет со сменкой в другую руку.

Меня от этого «вашего усмотрения» чуть не разорвало от умиления, и я, стараясь запомнить этот момент, поставил свою первую пятерку. С минусом.

Вредный я все же, вредный.

Переполненный восторгом от своего первого урока, я решил встретить шестой класс, который должен был быть у меня следующим по расписанию, в коридоре, а то вдруг их тоже смутит табличка «английский язык» на дверях кабинета.

Но выйти я не успел, так как едва моя нога очутилась за порогом, меня буквально внесли обратно два парня, которых, судя по их скорости и крику, никакие таблички явно не смущали.

– Чё? Мы у вас? – не дождавшись ответа, шестиклассник отправил свой рюкзак в воздушное путешествие через весь класс. Портфель, естественно, незакрытый, с готовностью поделился своим содержимым с кабинетом. Ручки, тетради, учебники веселым фейерверком опустились на соседние парты. – А, пофиг, – пожал плечами метатель и выскочил из класса по своим делам.

Наверное, именно в тот момент, а может, когда и остальные шестиклассники вошли в кабинет

Хотя слово «вошли» здесь вряд ли уместно.

и тут же принялись с криками выяснять отношения, или когда они не услышали звонка, а еще вероятнее, когда оказалось,

что большая часть класса опоздала на пять минут, я понял, что со своим педагогическим талантом я несколько погорячился.

Война и никакого мира

Первый же урок в шестом классе вернул меня с небес на землю. Оказывается, школьникам было гораздо интереснее сидеть в телефоне, разговаривать с соседями по парте, рисовать, рассматривать особенности своего макияжа, да вообще, заниматься чем угодно, только не слушать меня. Обидно.

Наверное, каждый учитель, приходя работать в новый класс, сталкивается с «проверкой на вшивость». В зависимости от опыта учителя и смелости класса эта проверка может проходить либо практически безболезненно с редкими эксцессами, либо превращаться в самую настоящую войну, с неминуемыми жертвами в виде ваших нервных клеток. Детям обязательно нужно выяснить, где расположены пределы дозволенного. Что вроде бы нельзя, но все-таки можно, а где начинается настоящая зона невозврата, вступив на которую на следующий же день родители каким-то магическим образом материализуются в кабинете классного руководителя, а то и директора.

Вполне логично, что если ученики привыкли стоять на ушах и кидаться учебниками на большинстве уроков, то на все ваши призывы к общественному порядку они ответят непонимающим взглядом, и это еще в лучшем случае. Школьники будут отстаивать свое «законное» право ничего не делать, и в этом нет ничего удивительного.

«А что будет, если?» Именно в эту игру мы играли с шестиклассниками практически весь сентябрь.

– А я домашнее задание дома забыл, – с порога заявляет Сережа.

– Я буду писать карандашом, мне так удобнее, – с хитрой улыбкой говорит Маша.

– Какой дневник? Мы еще не купили. – непонимающе разводит руками Света.

– У меня нет учебника, поэтому я буду сидеть с Петей, – докладывает Игорь.

– Рука после математики болит, я просто посижу, – развалившись на парте, бурчит Денис.

– Я историю учил, поэтому не сделал третий номер! – возмущается моей несправедливости Леша и отправляет свой дневник в мусорное ведро.

Мой первый дневник в мусорке… Сколько воспоминаний! За первые пару месяцев Алексей еще неоднократно будет предлагать своему дневнику отдохнуть среди потемневших огрызков и испорченных бумаг. Но тот первый полет я до сих пор помню.

– Я не разговаривала, я просто спрашивала, – хмурит брови отличница Вера.

За следующие пять лет я, наверное, не сделал ей больше ни единого замечания, но в начале того сентября разговаривала на уроке даже она. Успокоишь один ряд, начнет веселиться другой, приведешь в чувства второй и третий, у кого-нибудь обязательно упадет учебник или пенал, да с таким грохотом, что весь класс начнет сотрясаться от хохота. Домашние задания не делаем, тетради не сдаем, дневники не приносим.

Обращаюсь за помощью к коллеге, которая уже второй год работала в этом классе, и получаю гениальный совет:

– Кричите на них. Они нормального языка не понимают.

Спасибо, помогли…

Если бы у меня не было пятого класса, я бы, наверное, сбежал из школы буквально через месяц. Рабочий день превращался в зебру, где на белых участках был русский у пятиклассников, с идеальной дисциплиной, творческими заданиями, разговорами на переменах, подготовкой к конкурсам. А на черных – уроки в шестом, с бесконечными замечаниями, невыполненными заданиями, дикими криками на перемене и ролью Цербера в клетке, который может только расхаживать вдоль прутьев, но никого укусить не в состоянии.

– Какая, нафиг, презентация и игровые моменты на занятии? Мы хотим смеяться, разбрасывать бумажки и выяснять, почему Светка на меня так странно посмотрела на природоведении.

Пытаюсь заинтересовать их предметом на уроке, подбираю оригинальные задания и нестандартные ходы – пустота, провожу викторины и соревнования на литературе – все становится еще хуже. От обиды и бессилия опускаются руки, но я продолжаю работать, требовать, гнуть свою линию и не кричать. Хотя, признаюсь, сдерживаться было очень сложно. Очень. Но, если ты не можешь контролировать свои эмоции, то в школе тебе делать, на мой взгляд, нечего, потому что ученики тебя свяжут, скрутят, пропустят через мясорубку и глазом не моргнут. Моргать с мокрыми глазами придется тебе.

Для меня стало настоящим открытием, что некоторые дети буквально жаждут увидеть «настоящие» эмоции и всеми силами пытаются вывести преподавателя на этот самый крик беспомощности. Потому что это почти всегда признак отчаяния. Если учитель начинает орать, как иерихонская труба, значит, предложить какие-то другие меры воздействия он уже не в силах. Всё. Финишная черта. Довели. И тогда остается только на каждом уроке тягаться в силе голоса с Шаляпиным, но, правда, дети у такого учителя отсутствие разговора на повышенных тонах будут

воспринимать, как карт-бланш на дебош.

– Если бы на самом деле было нельзя, заорал бы!

Затишье перед бурей

– Павел Викторович, а чем вы недовольны? – вытирая доску, интересуется хорошистка Оля, оставшаяся дежурить после последнего урока. – Мы же у вас себя хорошо ведем, вы бы к нам на биологию пришли: вот там настоящая жесть, – задумчиво заключила девочка.

Только вот проблема в том, что наши понятия о хорошем поведении «слегка» отличались.

Под своими роликами на YouTube я постоянно получаю комментарии: «Вот бы ты был моим учителем!», «Почему ты не работаешь в моей школе?» и т. д. Многим подписчикам кажется, что попади они ко мне на урок, они смогли бы веселиться двадцать четыре на семь, ведь я иногда дурачусь в своих видео и совсем не похож на типичную строгую училку с указкой в руке. И, действительно, я очень часто шутил во время занятий, старался поддерживать легкую, непринужденную атмосферу во время урока, но это вовсе не отменяет того факта, что с самых первых дней я требовал на своих уроках идеальной дисциплины.

Не «детки, давайте чуть потише!», не «у меня на уроках рабочий шум», а если говорю я, то все остальные молчат и слушают, если мы пишем, то пишем все, а не только те, у кого сегодня есть желание. Наверное, это звучит не очень красиво и современно, но я искренне верю, что пока на уроке не будет тишины, а у учеников рабочего настроя и четкого понимания границ, ни о каком процессе обучения говорить не приходится. Перекрикивать Петю с последней парты, закрывать глаза на телефон Маши, не замечать переданную записку, терпеть панибратство – это все не про меня.

Вспоминая учителей, чьи ученики добивались наибольших успехов в учебе, мне всегда приходит в голову одно и то же определение, присущее каждому из этих преподавателей, – строгий. Нет, на этом, естественно, положительные качества педагога не заканчиваются, но вспомнить успешную размазню, которая позволяла бы из себя веревки вить, но при этом ее ученики могли похвастаться настоящими знаниями, я не могу.

Только вот очень важно, чтобы за определением «строгий» обязательно следовало прилагательное «справедливый» и нигде рядом не маячило слово «истеричный».

– Мы же по кабинету не ходим и в карты не играм, – наверное, попыталась поддержать меня Оля и, разобравшись с левой створкой доски, перешла к центральной.

– Уже достижение, – подсчитывая количество учеников,

которые снова не сдали домашнюю работу, кивнул я.

– А вот на биологии… – и дальше последовал душещипательный рассказ о недавней битве с применением рюкзаков и стульев.

На следующий день прихожу пораньше в школу, первым уроком литература в шестом классе. Как раз закончили изучение большой темы, и обобщающий урок решаю провести в виде викторины: все еще не оставляю попыток заинтересовать предметом.

До прихода учеников раскладываю на полу зеленую, красную и желтую дорожку из цветного картона, все как в телевизионных «Умниках и умницах». За пару дней до этого подобный урок в пятом классе вызвал массу положительных эмоций и у меня, и у детей, которые потребовали пообещать им, что это не последняя наша интеллектуальная игра.

Шестиклассники тоже проявили живой интерес к викторине, к тому моменту как я вернулся из учительской с журналом, все игровые поля-картонки были скомканы и разорваны. Девочки решили поиграть в классики, а мальчишки помочь им добить несчастный реквизит.

– И что вы нам сделаете? – так и читалось на улыбающихся лицах запыхавшихся «спортсменов».

Главное – не сдаваться и не подавать виду. Главное… А, к черту, не хотите игровой урок, отлично, пишем самостоятельную по пройденному материалу, как изначально и было запланировано в программе.

– Да, все оценки в журнал, – недовольные возгласы раздаются из разных концов класса, но игривый настрой у «победителей» тут же пропадает.

Через пару недель снова пытаюсь провести нестандартный урок: делю класс на четыре команды, готовлю забавные задания, раздаю конверты и карты с карточками. На этот раз уже ни у кого не возникает желание все разорвать и выбросить. Писать самостоятельную не хочет никто.

В начале урока напоминаю, что на перемене необходимо будет помочь дежурным расставить парты в первоначальное состояние и убрать всё, что мы используем во время игры.

– Конечно-конечно, – синхронно кивают дети.

Конечно же, после того, как я вернулся с совещания, на которое меня вызвали в самом начале перемены, все осталось в точно таком же нетронутом виде. Ну, то есть как нетронутом, парты все еще стоят несколькими полукругами, кое-какие стулья уже лежат на полу, и по всему классу разбросаны разорванные листы А4. Открытые фломастеры и сломанные карандаши только

дополняли картину. Как они карандаши-то умудрились сломать? В общем, П – порядок!

Поднимаюсь на третий этаж и направляюсь в кабинет математики, где, судя по расписанию, и должны были находиться виновники торжества. Захожу в класс вместе со звонком, нахожу дежурных и напоминаю им об их обязанностях.

– Мы убрались, – хлопая невинными глазками, бессовестно врет Ксюша, спускаясь по лестнице. – Просто не до конца, – оценив масштаб «порядка», добавляет она, замерев на пороге.

Казалось, что на любое мое действие у шестиклассников находилось противодействие. До сих пор удивляюсь своему упорству и, честно говоря, не уверен, что столкни меня сейчас жизнь с подобными крепкими орешками, не спасовал бы я теперь. Но тогда на каждый урок я настраивался, как на самый настоящий бой, только музыки из «Рокки» не хватало для полного погружения в образ. Каждое утро я обещал себе, что продолжу гнуть свою линию, что продолжу спокойно и методично работать, что сегодня мы начнем наконец учиться, а не выяснять, кто и почему не сделал домашнее задание, почему у Алексея опять дневник в мусорном ведре, и почему выучить слова-исключения – значит выучить, а не прочитать два раза перед уроком.

И знаете, как оказалось, если долго биться головой о стену, иногда эту самую стену можно и пробить. Важно – в какой-то момент не махнуть рукой, не смириться с тем, что на твоих уроках всегда шумно, что половина учеников занимается своими делами, что некоторые подростки вполне могут в лицо нагрубить, что по большому счету твое слово не имеет никакого веса для твоих подопечных. А самое главное – не успокаивать себя мыслью: «Зато они хотя бы не дерутся стульями на уроках». Это, кстати, дословная цитата одного учителя.

Уже к концу сентября мои отношения с шестым классом заметно потеплели, дневники некоторых особо ярких товарищей все еще периодически летали в мусорное ведро, это прекратилось только через полгода, но общая обстановка на уроке явно изменилась.

Мои правила

Не хочу делать вид, что я якобы знаю ответы на все вопросы, но со всеми классами, с которыми меня сталкивала жизнь, мне всегда удавалось найти общий язык. И достаточно часто я получал вопрос: «Почему у вас на уроках они такие спокойные?»

Сразу же оговорюсь, что это касается только тех классов, где я, действительно, работал в течение длительного времени. Если же говорить о заменах… Когда я узнавал, что мне предстоит заменять заболевшего преподавателя, я морально настраивался на сорок пять минут ада. Не умею я наводить порядок одним взглядом, поднятой бровью или нахмуренным носом. Или чем там так мастерски владеют опытные преподаватели. Я брал детей «измором».

Первое, что я для себя достаточно быстро уяснил, было то, что работу над дисциплиной в классе ты должен начинать с себя. Можно потратить массу свободного времени на подготовку интересной презентации и нестандартного урока, а можно ограничиться разработкой из методички или еще лучше – учебника. И шанс, что дети заскучают, во втором случае увеличивается в разы.

На второй год работы в школе, когда я уже стал классным руководителем, в какой-то момент меня обязали посещать все уроки природоведения своего класса, потому что мои дети «сходят с ума». Первый урок – читаем по цепочке, отвечаем на вопросы в конце параграфа, второй урок – читаем и отвечаем, третий – читаем и… (зевает). Да мне самому хотелось начать разговаривать с соседом по парте, благо, что его у меня не было. А чего ожидать от пятиклассников? Ребенку скучно, и он тянется к телефону или ищет веселья в компании разговорчивого друга – удивительно.

Вспомню все тот же проблемный шестой класс, с которым мне так долго пришлось бороться. На уроках истории, которые у них вел тоже я, они практически сразу же сидели тише воды ниже травы и с раскрытыми ртами в придачу, потому что я каждый вечер искал такие факты, которые уж точно не оставят их равнодушными. Даже метатель Леша, постоянно закатывавший истерики на русском, на истории получал исключительно пятерки, потому что ему было интересно. А ведь можно было тоже просто читать параграф по цепочке и переписывать даты из учебника.

Дети достаточно быстро понимают, насколько подкован преподаватель и как он сам относится к своему предмету. Если в

вас самих светится внутренний огонь любви к Пушкину, Лермонтову или правилу буравчика, велика вероятность, что и дети, глядя в ваши горящие глаза, проникнутся интересом.

Но давайте перейдем к чему-то более конкретному, что помогало мне во время работы.

Не требуйте от учеников много, потому что это самый простой способ превратить свои требования в пустой звук и простое сотрясание воздуха. Если у вас на занятии миллион правил, тысячи требований, а школьник должен выполнить полсотни предписаний, велика вероятность, что вы в какой-то момент не сможете проконтролировать их выполнение. А значит, в голове у ученика рано или поздно зародится гениальная мысль, что ваши требования периодически можно игнорировать.

Но если уж вы требуете что-то от ученика, то вы ОБЯЗАНЫ добиться неукоснительного выполнения своего предписания, хоть в лепешку разбейтесь, но не закрывайте глаза на свои же правила. Ребенок должен знать, что при любых обстоятельствах вы проконтролируете его деятельность. А если правила все-таки были нарушены, НЕПРЕМЕННО последует наказание.

А еще неплохо, если это самое наказание прилетает на голову распоясавшегося ученика немедленно. Мне в этом плане очень помогали карточки и тесты. Решил достать телефон на уроке – вот тебе карточка, никаких криков, нравоучений, просто:

– Твое время пошло, через пять минут сдаешь работу, оценка в журнал.

И на ближайшие несколько минут школьнику не до веселья, телефона или разговоров. Более того, и остальные ученики еще десять раз подумают, а стоит ли этот самый телефон доставать. И внимание – вы ставите оценку за продемонстрированные знания, а не за поведение.

> *Но, как я и говорил раньше, этот метод работает только в том случае, если ученик понимает, что за его школьными успехами и неудачами следят родители.*

Я всегда старался избегать пустых угроз. Если обещал поставить двойку, ставил, даже если знал, что за эту оценку администрация меня явно по головке не погладит. Но до сих пор верю, что это гораздо лучше, чем стать в глазах учеников балаболом. Обещал позвонить родителям – звонил. И не через неделю, после сорокового замечания и двадцатой угрозы, а в тот же день. И постепенно у учеников сложится понимание, что вы слов на ветер не бросаете.

Очень важно, чтобы правила поведения были одинаковы для всех. Ведь у детей обостренное чувство справедливости. Никаких

любимчиков и поблажек. И этим любимчиком не можете быть и вы сами. Понятное дело, что то, что позволено генералу, не позволено рядовому. Но когда вы требуете от детей идеальной подготовки к уроку, а сами плаваете в материале, запрещаете опаздывать, но при этом частенько задерживаетесь в столовой, не позволяете повышать голос, но зачастую кричите на детей, как резаный. Не удивляйтесь, если ученики перестанут вас уважать. Вы сами должны стать образцом. А если у вас не получается соблюдать свои же собственные правила, то глупо ожидать, что у какого-нибудь пятиклассника Виталика неожиданно окажется больше терпения и выдержки, чем у вас.

Помню молодую учительницу английского языка, которая все уроки напролет сидела в «Вконтакте» и переписывалась с подружками на глазах у учеников, но при этом топала ногами и запрещала детям доставать телефоны из портфеля. Не лицемерие ли?

Отчитываем ребенка за то, что его телефон был не выключен и помешал учебному процессу, а через пять минут уже наш аппарат оглашает кабинет веселенькой мелодией последнего хита? Не удивляйтесь, что рано или поздно найдется ученик, который выскажет вам в лицо все, что он думает по поводу этой несправедливости.

Не бойтесь признавать свои ошибки и просчеты. Вам задали каверзный вопрос, и вы, о боже, не знаете ответа, признайтесь в этом. Да, всего знать невозможно, удивительно, но это так. Не юлите и не придумывайте глупых отговорок, а просто пообещайте узнать ответ к завтрашнему уроку. И будьте готовы завтра же его озвучить. Да, вы обычный человек, хоть и учитель, и вы тоже можете ошибиться по невнимательности, посмейтесь над собой, а не идите по проторенной дорожке:

– Я вас проверяла, – над которой не шутил разве что ленивый.

Никогда не позволяйте себе унижать ребенка или насмехаться над ним, особенно в присутствии одноклассников. Каким бы вы ни были замечательным специалистом, эти «шутки» вам никогда не простят. НИКОГДА. Как бы ни издевался, ни кривлялся и ни выносил вам мозг условный Петя, он все равно ученик, и вы не имеете права высказывать ему все, что вы о нем думаете. Как бы вам ни хотелось схватить огромную линейку и наконец начать заниматься воспитанием Егора, раз уж родители последнего с этим не справляются, проглатываете обиду и работаете дальше. Иначе никак.

Растопить лед с тем же шестым классом мне очень помог случай, который позволил детям понять, что мне на них не

наплевать. Что я не просто какой-то чудик, едва старше их, но при этом требующий непонятного порядка и тишины на уроке, но и человек, который действительно за них переживает.

В конце октября заболел классный руководитель шестого класса. А это как раз самое жаркое время осени, когда нужно подтягивать хвосты, сдавать долги,

Написал эту строчку и понял, что намазал хлеб масляным маслом: долги-хвосты.

выставлять оценки. Без классного руководителя тут, естественно, не обойтись. Почетная обязанность довести детей до финишной ленты первой четверти досталась, конечно же, мне. Моей «радости» не было предела. Мало того, что мы на уроках бесконечно воюем, еще и после занятий теперь придется наслаждаться друг другом.

Две недели я решал различные организационные вопросы, доводил нерадивых учеников за ручку

В буквальном смысле.

на дополнительные занятия, помогал решать недопонимания между своими новыми подопечными и другими учителями. А эти самые недопонимания в обязательном порядке появляются в период выставления оценок за четверть, потому что очень часто школьники и преподаватели смотрят совершенно по-разному на учебные успехи. Надо, конечно, видеть лицо удивленного Миши, который при наличии восьми троек подряд, понятное дело, рассчитывал на итоговую четверку.

– В смысле, тройка???

Провел пару классных часов, собирал дневники, выставлял оценки, общался с родителями. В общем, вел нормальную жизнь классного руководителя. И за эти две недели мои отношения с шестиклассниками полностью изменились. Когда дети видят, что ты отстаиваешь их интересы, проводишь с ними время и в любой момент готов протянуть руку – это не может остаться незамеченным. И наладить этот самый контакт отлично помогает совместная внеурочная активность, которая позволяет ученикам увидеть тебя с другой стороны.

Магия вне Хогвартса

Если копнуть глубже, то за нарушениями дисциплины на уроках всегда что-то скрывается. Иногда скука, порой желание привлечь к себе внимание, пускай даже и негативное. И именно последнее очень часто и толкает самых «проблемных» учеников показывать свои «таланты» растерянным одноклассникам и ошарашенному преподавателю во время урока. Ведь если подумать, то у троечника Васи не так уж много возможностей обратить на себя внимание. Отличница Таня вечно получает пятерки и постоянно купается в похвалах, хорошист Петя только что решил задачу у доски и получил очередную пятерку, вон какой довольный сидит, а Васе ни у доски, ни уж тем более во время самостоятельной работы успеха точно не видать. Он это знает, учитель это знает, одноклассники это знают. Но одно дело – молча получать двойки и плестись в хвосте сверстников, и другое – демонстративно нарушать школьные правила и всем своим видом показывать, что это не я с программой не справляюсь, а мне просто на нее чихать с высокой колокольни. И вот я уже не безмолвный зритель с последних рядов, а самая настоящая звезда сцены, чье имя снова и снова разносится по кабинету.

– Иванов, прекрати! Иванов, перестань! Иванов, сколько можно?!

Наверное, каждый из нас помнит ситуацию, когда в начале четверти ты обещаешь себе начать хорошо учиться, исправить все оценки и, вообще, взяться за ум. А потом проходит буквально пара дней, и ты понимаешь, что дорога к заветным пятеркам совсем не прямая и не такая уж легкая, и в отличие от истории Элли никакого желтого кирпича на пути не предвидится.

Стоит передо мной мама семиклассника со своим нерадивым сыночком, которому грозит двойка за четверть, и уверяет, что уже с завтрашнего дня ее детинушку будет просто не узнать. И в глазах мальчика, действительно, читается желание все исправить. И всякий раз, когда я слышал эти искренние клятвы, мне становилось грустно, потому что проблема в том, что за день, неделю или даже месяц заполнить пробелы, которые копились годами по таким предметам, как русский, математика, химия, практически невозможно. Это вам не один параграф бездумно выучить и оттарабанить заученный текст у доски. Если грамотности нет в понедельник, во вторник она магическим образом не появится. Никак.

И вот на следующий день приходит ученик в новеньком

черном пиджачке и с твердым намерением взять непослушного учебного быка за его блестящие школьные рога. Садится за первую парту, как вчера мы и договорились с мамой, старательно переписывает все с доски и на этот раз даже пишет относительно аккуратно, пытается отвечать и не отвлекаться. Вот оно, долгожданное перерождение Васи. А в конце урока получает двойку за словарный диктант. И на следующий день проваливает изложение, и контрольную работу в пятницу пишет так же «удачно».

Старался ли он? Да! Очень. Даже домашнюю работу сделал. Пару раз. Только тридцать ошибок в классной работе не могут сами собой исчезнуть. Впереди огромная работа. И чтобы добиться успеха или, в случае Васи, хотя бы твердой тройки, нужно пахать и пахать.

Вот сидит он, весь такой чистенький, и изо всех сил пытается хоть что-то понять, даже учебник на этот раз не забыл и в столовой не задержался. Но никто его за это хвалить не будет. Он в седьмом классе, он и так обязан все это делать. И вот это, на мой взгляд, огромная проблема.

Слишком многое нами воспринимается, как само собой разумеющееся. Ученик должен… И дальше идет громадный список. А почему? Должен, потому что должен. Точка. И даже если школьник выполняет все требования, предъявляемые к послушному ученику, но при этом у него есть проблемы с успеваемостью, никакой похвалы в свой адрес он, скорее всего, не услышит. Вот и получается, что гораздо проще ни в чем себя не ограничивать на уроке и со спокойной совестью заниматься своими делами, раз успех в любом случае теряется где-то там, за горизонтом.

До чего дошел прогресс…

Исправить эту ситуацию, а заодно и практически полностью забыть о каких-либо серьезных проблемах с дисциплиной мне помог технический прогресс. А конкретно одна разработка американских педагогов. Искренне жалею, что я познакомился с этой программой уже в последние годы работы в школе. Она, действительно, буквально перевернула мое представление об уроке.

По опыту своего блога на YouTube сразу же скажу: «Это не реклама!» Мне никто не платил. Все, о чем я буду говорить дальше, исключительно от души душевно в душу.

> *Но, если вдруг американским коллегам захочется поддержать мою заинтересованность в их продукте материально, они всегда могут найти способ связаться со мной.*

Идея разработчиков заключалась в том, что за любое положительное действие ученика на занятии или перемене в обязательном порядке должно следовать поощрение. Причем немедленно. Это не какая-то там мифическая пятерка за год или возможность через пять лет поступить в престижный вуз,

> *Так и вижу шестиклассника, которого безумно прельщает эта перспектива. Ага, конечно.*

нет, это мгновенная реакция на твой конкретный поступок.

На каждом уроке на интерактивной доске у меня висел список класса, по своей форме немного напоминавший шахматную доску. Фамилия ребенка была заключена в достаточно объемный прямоугольник, и рядом с именем располагался аватар, который ученик сам мог поменять в своем приложении на телефоне. Да, у меня, у школьников и у их родителей были свои версии одной и той же программы.

В каждой клетке, кроме фамилии и фотографии, были еще и баллы, самая соль приложения. Ребенок приготовился к уроку на перемене, а не потратил пять минут в начале занятия на поиск ручки и тетради, – плюс один балл. Не приготовился – минус балл. Поднял руку и правильно ответил – балл. Решил пообщаться с соседом по парте – минус. Написал диктант на пятерку – плюс пять баллов. Не сделал домашнее задание – минус. Вы сами решаете, за что выставлять эти самые баллы и в

каком количестве. И весь процесс происходит у ребенка на глазах.

Я забыл, что такое класс, не успевший подготовиться к уроку, даже самые отъявленные разгильдяи спешили в кабинет, чтобы, по их словам, «получить балл на халяву». Разговоры, телефоны, записки – все пропало, как по мановению волшебной палочки, буквально на второй день. Потому что одно дело, когда учитель делает тебе очередное бессмысленное замечание, за которым, скорее всего, ничего не последует,

Ну, покричит Нина Ивановна и успокоится.

и совсем другое – потеря кровно заработанных баллов.

В такой системе наш Вася, решивший встать на путь исправления, тут же видел плоды своего труда: на его глазах число рядом с его именем становилось все более и более внушительным. Да, он все еще получит двойку за диктант, но его первые попытки трудиться не останутся незамеченными не только системой и учителем, но и самое главное – одноклассниками. Теперь для того, чтобы твое имя прозвучало на уроке и все обратили на тебя внимание, не обязательно было стоять на голове и дерзить учителю, достаточно было просто следовать установленным на уроке правилам поведения.

Звучит, конечно, странно и неправдоподобно. Наверное, я бы и сам этому не поверил, если бы не видел все своими глазами. Но у меня двоечники приходили ПО СВОЕМУ ЖЕЛАНИЮ после уроков, чтобы выполнить дополнительные задания, ведь за них можно было получить еще больше баллов.

Всем учителям знаком вопрос:

– А оценка будет?

В моих классах он сменился на:

– А баллы поставите?

Зачем же эти самые баллы, собственно, были нужны? Ведь по сути это воздух, и те же самые оценки не особо-то стимулируют многих учеников.

– Двойка? Да хоть кол ставьте! Меня мама за оценки не ругает, – и потрепанный синий дневник летит на учительский стол.

В понедельник перед первым уроком у моего кабинета всегда толпились дети из разных классов: все хотели увидеть результаты. В начале каждой недели я вешал на стенд листы со статистикой каждого класса. Имена школьников располагались в зависимости от количества набранных за неделю баллов. Первая пятерка получала различные преференции: возможность не делать домашнюю работу на понедельник, пятерку и самое главное для абсолютного большинства – код, который позволял

изменить вид своей аватарки, которая была видна всему классу. Казалось бы, какая разница? Стандартная картинка представляла собой забавного мультяшного монстра, и не все ли равно, как он выглядит. Но оказалось, что возможность поменять ему прическу, цвет, форму, одежду была очень важна не только для пятиклассников, но даже для учеников восьмого класса. Дети готовы были делать массу дополнительных заданий, лишь бы получить заветный код и в понедельник гордо продемонстрировать одноклассникам свое обновленное альтер-эго.

Соревновательный момент серьезно захлестывал школьников: всем хотелось оказаться повыше в недельном рейтинге. При этом каждый находил для себя свою цель: кто-то хотел оказаться на первом месте, другой во что бы то ни стало опередить соседа по парте, а третий просто установить личный рекорд. А с учетом, что баллы обнулялись каждый понедельник, необходимость тащить на себе груз прошлых ошибок исчезала. Ты, действительно, мог начать учебу с чистого листа. Практически.

Естественно, рейтинговая система не нова и применяется во многих школах. Но давайте признаемся, что двоечников и троечников она чаще всего не интересует от слова совсем, потому что они отлично понимают, что высокие места им все равно там не светят. А тут неожиданно дети осознали, что оценивается все, что они делают, и их глаза по-настоящему загорелись.

У меня чуть глаза на лоб не полезли, когда на третий день после начала эксперимента мой Леша, у которого тетрадь-то не всегда находилась, достал из рюкзака линейку с карандашом. На вопросительный взгляд отличницы Люси, которая была удивлена этой картиной не меньше моего, парень пожал плечами и заявил:

– Вообще-то, Павел Викторович баллы снимает, если подчеркиваешь ручкой.

> *Шах и мат, атеисты! А вы говорите, что Бога не существует. Что это, если не божественное вмешательство?*

Самое интересное, что буквально пару дней назад Алексея абсолютно не волновали мои замечания по поводу его ведения тетради.

> *Да, я тот самый вредный злюка, который требовал аккуратных записей и подчеркиваний по линеечке. Признаю – виновен.*

Опередить друг друга пытались не только отдельные

ученики, но и целые классы. Программа суммировала все набранные учениками баллы и выдавала средний результат: какой процент от общего количества был положительным. И бонусом шла симпатичная и понятная диаграмма, которая тоже по понедельникам красовалась на стенде. Теперь, страдая фигней на уроке, ты не только зарабатывал заслуженное замечание от учителя, но и, получается, весь класс подводил, позволяя «ашкам» вырваться вперед.

Оценил я и приложение для родителей. Каждый вечер мама могла зайти в программу и посмотреть, чем конкретно занимался ее ребенок на уроке. Вот, пожалуйста, нет учебника, не сделана домашняя работа, разговор с соседом, да еще и телефон вызывал активный интерес. Но зато три раза ответил устно. Удобно. И никаких вопросов: что еще за «неудовлетворительное поведение» на уроке?

Не буду обманывать, естественно, далеко не все родители стремились быть в курсе успехов своих детей и воспользовались новинкой. Чему удивляться, в электронный журнал-то заходит, дай бог, каждый второй.

Сейчас удивлю некоторых родителей, но учителя могут видеть: заглядываете вы в электронный журнал или нет. Вот до чего прогресс дошел.

Но когда родители приходили ко мне на беседу, я мог показать развернутое досье на каждого ученика, которое отражало его успехи и неудачи с точностью до минуты. Тут уже и самым отъявленным спорщикам-шестиклашкам приходилось склонить голову и признать:

– Виновен!

Компьютер все же не обманешь.

Конечно же, эффект новизны прошел, и постепенно пугающие картины, когда ВСЕ, я не утрирую, ВСЕ ученики класса поднимают руку, чтобы ответить, буквально, выпрыгивая из-за парты, сменились на более привычные. Но… Привычка – вторая натура. И школьники банально привыкли, что на уроках русского языка и литературы мы себя хорошо ведем, слушаем объяснения Павла Викторовича и работаем. И поэтому, когда баллы потеряли такую неоспоримую ценность в глазах детей, дисциплина никуда не делась. Хотя и спустя три года каждый понедельник первое, что делали ученики, заходя в мой кабинет, отправлялись к стенду смотреть свои результаты. А уж когда восьмиклассник уже басом справедливо замечает, что ты забыл приплюсовать ему балл…

Понятное дело, что попытка уследить и оценить каждый чих ребенка на уроке требует огромного напряжения и внимания, а планшет, с помощью которого ты управляешь программой на

интерактивной доске, и вовсе становится продолжением руки, так как ты его в принципе перестаешь опускать. Но эффект превосходит все ожидания. А уж когда происходят такие моменты…

Павел Викторович, а вы что скажете?

Воспользовавшись окном в расписании, решаю пообедать и отправляюсь на пятом уроке в столовую.

Окно… Как же я полюбил это слово за время работы в школе. Лучше только «зарплата» и «в этом году вы не будете организатором ЕГЭ». Проверить тетради, заполнить журнал, подготовить кабинет к следующему уроку – сколько важных дел можно было успеть переделать за эти благословенные сорок пять минут относительной свободы. Только просто посидеть отдохнуть у меня никогда не получалось. Но вот вырваться пообедать – это святое. Никакие пачки тетрадей и десятки «срочно заполните» бумажек не могли встать между мной и обедом. Шутки шутками, но провести семь уроков, когда последний прием пищи был в шесть утра – такое себе удовольствие.

А вы еще удивляетесь, почему какая-нибудь Ирина Сергеевна вечно такая злая, она просто есть хочет.

Для того чтобы добраться до столовой, мне нужно было спуститься на первый этаж, дойти до учебной части с кабинетом директора и потом повернуть по коридору направо. За время этого недолгого пути можно было помечтать о сегодняшнем меню. С завтраком, на который я, естественно, никогда не попадал, все было просто: с самого детства я обожал запеканку со сгущенкой, поэтому в своих диких фантазиях я всегда мечтал именно о ней, а вот с обедом были варианты. Но в этот раз школьному борщу предстояло быть съеденным не мной. Мои благостные мысли о разбавленных супах и черствых бутербродах прервал знакомый голос, раздававшийся из учебной части. Я и сейчас безошибочно его узнаю. Петька Ерёмушкин.

Заглядываю в кабинет, точно – он. Стоит, как и всегда, в незаправленной рубашке и с беззаботным видом беседует с директором и завучем, которые, судя по их лицам, потихоньку выпадали в осадок от его рассказа. Аппетит у меня тут же пропал, потому что нахождение ученика в учебной части в середине урока явно ни к чему хорошему для меня не вело. За последний год я уже привык, что проблемы Ерёмушкина – это мои проблемы.

Я еще не говорил, что я обожал классное руководство? Значит, сейчас отмечу этот факт.

– Павел Викторович, здравствуйте, – улыбнулся, завидев меня, мальчик и даже приветливо помахал рукой.

Я в свою бытность школьником в кабинете директора не был, но что-то мне подсказывает, что вряд ли бы я улыбался и размахивал руками, окажись я один на один с администрацией. Но Петьку подобное соседство явно не смущало.

– И вы здесь? – удивился Ерёмушкин.

Признаюсь, я не был в таком же восторге от нашей встречи, столовая с ароматным супом тут же удалилась на пару десятков километров. Опять физрук все слопает.

Оказалось, что когда директор вернулся с совещания, у кабинета его уже поджидал улыбающийся Ерёмушкин, который с беззаботным видом сообщил, что его сюда направила Евгения Петровна, так как он крякал на уроке английского.

– В смысле крякал? – к тому моменту я уже работал в школе шесть лет, но кряканья на уроке еще не встречал. – Петь, с тобой все нормально?

Мальчишка пожал плечами и, пока завуч посвящала меня в детали произошедшего, продолжил с подчеркнутым интересом изучать стенды на стене. Похоже, вся эта ситуация его не особо напрягала.

Напрягаться пришлось мне.

На следующий день в кабинете директора собрались учителя, работавшие в моем пятом классе, завуч и Петя с отцом. Евгения Петровна в красках описала события прошлого урока: кряканье и «возмутительное поведение вашего сына». Учитель математики пригрозила двойкой за четверть, преподаватель технологии показала отцу работы Петьки за прошедшие два месяца, а точнее их полное отсутствие. Учительница музыки была настроена наиболее серьезно и заявила, что больше не пустит Ерёмушкина на порог своего кабинета. Каким-то непонятным для меня образом все присутствующие очень быстро сошлись на мысли, что теперь я должен буду посещать все уроки музыки и следить за дисциплиной, потому что «певческий талант» открылся не только у Петьки, но и у его друзей.

– А что вы скажете, Павел Викторович? – повернулась ко мне Евгения Петровна, щеки которой буквально пылали от негодования: с утятами на своем уроке она тоже столкнулась впервые.

«Почему я должен следить за дисциплиной на чужом уроке?!» – хотел возмутиться я, но англичанка опередила меня и уточнила свой вопрос.

– Как у вас Ерёмушкин учится? Тоже, наверное, двойка выходит? – женщина бросила уничижающий взгляд на

шестиклассника, занимавшегося изучением содержимого своих карманов. – А ну вытащи руки! – так неожиданно гаркнула она, что даже у меня ручка из рук выпала.

– Все зависит от контрольного диктанта, – уклончиво начал я, отлично понимая, что мой дальнейший ответ вызовет совершенно не ту реакцию, на которую рассчитывали все присутствующие. – Скорее, четверка, но шанс на пятерку все еще есть.

– Пятерку??? – лица преподавателей музыки и математики синхронно вытянулись. – Какую еще пятерку? Он домашнюю работу вообще не делает.

– По русскому делает, – понимая, что закапываю себя еще глубже, не согласился я. Ерёмушкин, действительно, чаще всего занимал верхние места в рейтинге класса.

– Ах да, вы же с ними в игрушки играете, – поджала губы учительница музыки.

– Петя Павла Викторовича очень уважает, – впервые за все время подал голос отец Ерёмушкина.

Лучше бы он молчал.

– А других он не уважает? – подскочила со стула Евгения Петровна. – На русском что, свет клином сошелся? На остальных уроках можно черт знает как себя вести?

– Нет… – растерялся мужчина. – Я просто имел в виду… – но договорить ему уже не удалось.

– Это вообще ни в какие ворота! – женщину уже было не остановить.

Когда весь педагогический состав высказался о возмутительном поведении Ерёмушкина, безответственности отца и необходимости принимать решительные меры, мальчик пробурчал себе под нос что-то о том, что он больше так не будет, отец пообещал поговорить с сыном:

– Хотя я и так с ним каждый вечер о поведении беседую.

– Ремня ему надо, а не беседу, – захлопнув толстый ежедневник, заявила учитель математики Ирина Сергеевна и под одобрительные замечания коллег отправилась на следующий урок.

Стандартный разговор, обычные обещания, типичные итоги.

На следующем английском, который был через два дня после совещания, крякал уже не только Ерёмушкин, но и Пилкин.

Снова беседа в кабинете директора, опять отец в школе, те же заламывания рук англичанки, все такие же обещания поговорить с сыном.

В понедельник к Ерёмушкину и Пилкину присоединился Чиркин, только на этот раз мальчишки уже не крякали, а изображали червяков, ползая по полу прямо во время занятия на

глазах у шокированных одноклассников, которые все еще не могли поверить, что нечто подобное можно вытворять на уроке английского.

Родители, беседы, угрозы. День сурка в действии. Даже родительский состав не изменился, потому что мать Вити Чиркина заявила, что ни в какую школу она не пойдет, у нее и так полно дел, а если у учителей есть претензии к ее сыну, то пусть сначала сами работать научатся.

Не знаю, чем бы закончилась эта история, потому что разговоры с администрацией и увещевания отца не возымели совершенно никакого эффекта, а больше школе предложить, в общем-то, было и нечего, если бы на помощь не подоспел конец учебного года. В сентябре же Ерёмушкина на пару с Чиркиным перевели в другую группу по английскому. И все посчитали, что проблему, скажем так, решили. А так как во второй группе и так все дети стояли на ушах, то выкрутасы Ерёмушкина уже не вызывали всеобщего негодования. А на нет и суда нет.

У микрофона

Для меня история с Ерёмушкиным не прошла незамеченной не только потому, что теперь я был вынужден посещать все уроки музыки своего класса. Ура! (нет)

Отдельно об этой почетной обязанности мне еще предстоит высказаться в специальной главе.

Но и потому, что ситуация, когда у большинства учителей школьник из двоек не вылезает, а у меня, каким-то магическим образом, претендует на пятерку, заинтересовала администрацию школу. Что-то тут явно нечисто.

Несколько моих уроков посетила завуч, оценила особенности моего нововведения с баллами, попросила объяснить суть программы и со словами:

– С этим нужно что-то сделать, – с улыбкой удалилась.

На следующий день встретился я с ней уже в кабинете директора, куда меня вызвали после третьего урока.

Директор спросил, знаю ли я, что у школы есть определенные проблемы с дисциплиной. Учитывая, что список предметов, на которые я ОБЯЗАН был ходить со своим классом, все ширился и рос, я не стал делать удивленное лицо, а честно признался, что давно уже это замечаю.

– И раз у вас на уроках даже Ерёмушкин работает, – произнеся фамилию Петьки, Виктор Иванович посмотрел на завуча, пытаясь удостовериться в том, что это действительно правда, и после подтверждающего кивка коллеги продолжил – то вам явно есть чем поделиться с коллективом на педсовете.

Честно говоря, меня эта идея не особенно обрадовала, потому что я изначально знал результат. На лицах абсолютного большинства педагогов будет читаться одна и та же фраза: «Что ты нам впариваешь?»

Почти все учителя, которые работали со мной в одних и тех же классах, знали о системе баллов, потому что дети в первые же дни появления забавных монстров на моей интерактивной доске буквально все уши им прожужжали. А пятый класс и вовсе заставил прийти свою первую учительницу ко мне в кабинет, чтобы продемонстрировать свои успехи. Так что удивления мое выступление не вызвало.

Я описал все особенности программы, поделился успехами, рассказал о принципах поощрения за любое положительное действие, и первое, что я услышал из зала:

– Ага, ваш класс только поощрять осталось, чтобы они совсем совесть потеряли! – и едва слышный гул поддержки пронесся по задним рядам.

– Нам некогда в игрушки играть, мы здесь детей учим, – закатила глаза учительница на первом ряду, всем своим видом давая понять, что большего бреда она еще не слышала. На следующий урок она, естественно, вызовет меня успокаивать детей, потому что «они совершенно не управляемые и даже на крик уже не реагируют».

В общем, все пришли к выводу, что если кому-то нечем заняться на своих уроках, то есть мне, то ради бога, а у нас и так забот полон рот. Директор отметил, что он очень надеется, что подобная система проведения уроков станет «фишкой» нашей школы.

Как показало время, не стала.

Когда через год наша школа вошла в состав огромного образовательного комплекса (процесс, знакомый многим москвичам), каждое здание новой гимназии должно было представить свой опыт работы, ту самую уникальную «фишку», которая бы отличала школу от других.

Кого, как вы думаете, послали защищать честь родных стен? Конечно же, меня.

Неожиданным образом оказалось, что программа, которую представил на том педсовете я, это и есть то самое новое слово, которое используют наши педагоги. В моем лице.

Наслушался я в тот день о себе много хорошего. Завуч главного здания, выслушав мой рассказ, вообще, обвинила меня в антипедагогичности.

Оказывается:

– Мы не имеем право оценивать детей и их знания.

До сих пор интересно, она сама-то понимала, что говорила.

– А какая разница, выставляю я оценки исключительно в журнал или заношу их еще и в специальную программу, которая позволяет ученикам следить за своими успехами? И да, вы знания своих учеников не оцениваете?

– Вы вообще не понимаете, что говорите, молодой человек. В нашей школе все совсем по-другому. Вы просто не понимаете, какой вред наносите своим детям.

Действительно, я не понимал тогда и сейчас все еще не понимаю, что она пыталась доказать своей тирадой. И почему двоечник, который наконец-то начал заниматься, – это начало Апокалипсиса. Но ей, конечно, виднее. Опыт, все дела.

Если вам повезло попасть в учебное заведение, которое

обладает какой-то своей учебной концепцией, а у этой гимназии она как раз была, не дай бог, вам высказать свою точку зрения на образовательный процесс или попытаться предложить альтернативный взгляд. Вас пережуют, выплюнут, а потом еще раз для верности вставными челюстями пройдутся, чтобы закрепить результат.

И в этом нет ничего удивительного. Во многих школах любые новшества принимают в штыки. Большинство учителей настолько загружены, что любое предложение:

– А давайте попробуем вот это, – тут же вызывает всплеск недовольства.

– Работали же как-то без этого, – слышится шепот с последнего ряда.

И на изменения обычно соглашаются только в двух случаях. Инновацию вводит министерство образования, и тут уже хмурься – не хмурься, а отвертеться не получится. Как бы учитель математики Вера Сергеевна ни относилась к ЕГЭ, а готовить учеников к экзамену в любом случае придется, и максимум, что она может себе позволить, – это жаловаться за кружкой остывшего кофе на современное образование в тесной учительской. Второй путь вхождения новшеств в школьную реальность связан с администрацией школы, которая заставляет всех участвовать в эксперименте.

– С первого сентября следующего года наша школа становится площадкой для…

Не предлагает, а именно заставляет. И тут тоже либо соглашаешься, либо на твое место найдут более сговорчивого. Хотя никто мнения конкретного учителя спрашивать, конечно, не будет. Нравится – не нравится… Реализуй!

И вот гимназия, которая объединила вокруг себя несколько школ и получила новые площадки для апробации своих экспериментов,

> *Про их анализ произведения Достоевского я уже рассказывал в начале книги.*

представляет восторженным и не очень слушателям свое видение учебного будущего. А тут парень, которому еще и тридцати не исполнилось, не соглашается с их картиной мира, да еще и своим опытом делится. Какая первая и самая правильная реакция? Обвинить в антипедагогичности.

Отличное слово, которое, как яркие магниты на холодильник, любят приклеивать к неугодным педагогам. А зато эффект какой! Учителя, которые еще пару минут назад с интересом следили за рассуждениями и одобрительно кивали, теперь смотрят на тебя

минимум как на предателя Родины.

И вот стоишь и думаешь, то ли ты дурак, то ли жизнь такая. Учитель, который аж горло срывает от крика на своих учеников, заявляет, что ты развращаешь детей, пытаясь заинтересовать их предметом.

Нет, все же что-то я явно не понимаю в этой жизни.

А вы наверняка, если работаете в школе, к этому моменту уже несколько раз про себя поинтересовались:

– Как программа называется-то? Сколько можно тянуть, Ирод!

ClassDojo. Зайдите, посмотрите, возможно, кому-то, как и мне, она изменит школьные будни. Если, конечно, не боитесь упреков в антипедагогичности в свой адрес получить.

Дружба крепкая

Как бы вы тщательно ни выбирали профессию и место работы, как бы ни любили свои обязанности, но если отношения с коллегами не сложатся, то, скорее всего, каждый день вам придется сталкиваться с навязчивым желанием закинуть все свои вещички со стола в сумку, схватить пиджак и бежать не останавливаясь, лишь бы не видеть эти «любящие» лица. Конечно, есть люди, которые могут успешно работать в любых условиях и не позволяют окружению влиять на их жизнь. Но я, сразу скажу, не из их числа. Мне очень важны хорошие отношения с коллегами.

Все мы слышали байки про женский коллектив и особенности работы в нем. Представить себе более женское место, чем школа, сложно. Я не имею в виду, что учитель – это женская профессия, наоборот, мне кажется, что очень важно, чтобы в процессе обучения ребенка окружали как мужчины, так и женщины. Но и оспаривать тот факт, что мужчина в школе – редкий фрукт, тоже вряд ли кто-то станет. Сейчас, конечно, ситуация стала несколько исправляться, но все же. Поэтому ко мне в обеих школах относились по-особенному, бережно, что ли: а то вдруг сбегу. Сбежал, но совсем не из-за женского коллектива. Никаких проблем и серьезных конфликтов у меня не было. Безусловно, недопонимания и какие-то мелкие обиды случались. Мы все живые люди, но сейчас я с теплотой вспоминаю годы работы в школе во многом именно из-за тех людей, с которыми мне довелось там познакомиться.

Не могу сказать, что я душа компании и очень легко схожусь с людьми, но что в первой, что во второй школе да и на каких-то конференциях, экзаменах мне всегда удавалось легко найти общий язык с другими учителями. И дело здесь отнюдь не в природном обаянии, а в том, что, наверное, никто так хорошо не поймет учителя, как другой учитель. Друзья, родственники, знакомые, конечно, с интересом выслушают твой рассказ об очередном школьном дне, посочувствуют неудачам, порадуются успехам, но до конца все же не поймут. Только поварившись какое-то время в этой кухне, начинаешь понимать, что на самом деле стоит за всеми этими тетрадками, учебниками и родительскими собраниями. Учителя всегда найдут, о чем поговорить, в учительской всегда окажется коллега, готовый выслушать тебя и понимающе глубоко вздохнуть, потому что он сам буквально на прошлом уроке сталкивался практически с такими же проблемами. Или это только мне так везло?

Знаю, что в некоторых школах педагоги плетут интриги, доносят друг на друга, выслуживаясь перед администрацией, буквально вгрызаются друг другу в глотки ради дополнительных часов, но я со всем этим никогда не сталкивался.

Вот с чем мне точно повезло, так это с ровесниками в школе. Когда только переступаешь порог школы в новой для себя роли учителя, очень важна поддержка опытных педагогов, которые могут посоветовать, поделиться наработками, где-то пожурить, а порой просто сказать, что они тоже сталкиваются с похожими проблемами и ты не один такой пропащий. Это, действительно, важно. Никогда не забуду, как в мой первый сентябрь ко мне подошла учитель математики и предложила посетить ее занятие, так как она услышала, что у меня возникли проблемы в шестом классе, а у нее как раз должен был быть у них урок.

Но как же здорово, когда вместе с тобой все премудрости учительской жизни постигают такие же неопытные и зеленые вчерашние студенты. У вас возникают похожие вопросы, вы вместе учитесь на своих ошибках, которые не совершает, наверное, только самые идеальные люди. Но кому они интересны.

Вместе со мной в тот год в школу пришли пять молодых учителей, а через год в нашу команду влились еще двое. Не скажу, что мы стали лучшими друзьями и дружно шагали в ногу с сентября по июнь, но с некоторыми из них мы на самом деле стали своеобразной командой.

Горы тетрадей, кипа отчетностей, очередное мероприятие, к которому нужно было срочно подготовиться, – со многими из этих прелестей мы боролись вместе. Нет, учитель математики не помогал мне проверять тетради, не волнуйтесь. Но достаточно часто мы собирались после уроков в моем кабинете, и каждый начинал выполнять свои дела. И работать в такой связке было действительно легче. Как минимум, психологически. А когда на второй год работы на нас с подругой одновременно свалилось классное руководство в пятых классах, мы сразу же решили, что все мероприятия и экскурсии будем проводить вместе.

Если вы только пришли работать в школу, ищите себе друзей среди молодых коллег, шагать по школьным просторам действительно веселее вместе.

Хотя возраст – возрастом, а, допустим, во второй школе самые лучшие отношения у меня сложились с учителями биологии и английского, которые были значительно старше меня, и учителем физкультуры, который был младше, так что тут все относительно. Главное – найти этих самых близких по духу людей, потому что, если ничего кроме уроков, обязанностей и гор тетрадей в школе не видеть, желание ежедневно приходить в это

место может быстро улетучиться. Плюс, не стоит забывать и о том, что если работать не просто для галочки (провел урок – ушел), а действительно готовиться к каждому занятию, достаточно быстро начинаешь понимать, что едва ли не единственная возможность пообщаться со взрослым человеком – это как раз таки коллеги. Потому что на друзей из «прошлой» жизни времени будет катастрофически не хватать.

Потемкинские деревни

А вот с кем конфликты и недопонимания случались, так это с администрацией.

Власть портит людей. Не всех, но многих. Возможность управлять другими подчас затуманивает глаза. И с высоты своего пусть и деревянного трона начинаешь по-другому воспринимать окружающих и по-новому оценивать себя. А уж если человек изначально считал себя гениальным специалистом и на голову лучше остальных, что я могу сказать, крепитесь, подчиненные. Сейчас вас научат работать, а в некоторых случаях и жить.

– Любой учитель, поставивший ребенку двойку, расписывается в собственной профнепригодности, – размахивая руками, доказывает с трибуны на очередном педсовете директор. Случайно открываю

Реально, случайно.

журнал на странице ее предмета, мы работали в одном классе, и неожиданно наблюдаю несколько двоек за полугодие…

– Вы просто не умеете работать, ну, не может класс так плохо учиться, – закатывает глаза завуч, откладывая в сторону результаты среза шестого класса. Через год ей самой приходится работать с этими детьми, и, о боже! – Срочно вызываем родителей в школу, это же просто кошмар, а не класс, там же просто невозможно преподавать! – Ну, раз вы так говорите.

И я отлично понимаю, что работать директором или завучем в школе очень сложно, и даже в самые юные годы у меня в голове никогда не проносилась шальная мысль: «Эх, а вот если бы я стал директором…» В конечном итоге, именно администрация будет отчитывать за все успехи или неудачи образовательного учреждения, и хочешь – не хочешь, приходится быть строгим и требовательным. Но тут, как и с другими учителями: очень легко превратиться в лицемера.

Мне кажется, я бы не смог проводить ежегодные мероприятия, посвященные борьбе с алкоголем и курением, если бы был шанс, что мои же ученики после очередной лекции о вреде никотина встретили бы меня в парке с сигаретой в зубах и бутылкой водки. Благо, я не пью и не курю (да, знаю, хороший мальчик) и поэтому с чистой совестью потрясал различными исследованиями об опасности табака перед носом очередного малолетнего курильщика. Понимаю, что то, что делает учитель за пределами школы, касается исключительно его, но… Но не

понять мне, как можно сначала на сцене вместе с классом прыгать и скакать, исполняя песню «Сигарета – это смерть», а буквально через полчаса спокойно стоять с коллегами за углом школы и мирно затягиваться очередной папироской, отлично осознавая, что тебя могут увидеть твои же ученики. Куришь – кури, но не рядом же со школой.

Так же и с администрацией. Понятно, что руководство в первую очередь должно умело управлять школой, обладать задатками мудрого лидера, но когда собирается совещание, на котором и в хвост и в гриву разносят учителей, которые не успевают заполнить журнал.

> *Нет, это не личная обида, вот с чем-чем, а с бумажками у меня никогда не было проблем, наверное, сказывается «синдром отличника»: все отчеты я всегда сдавал одним из первых. Хороший мальчик в квадрате.*

И вот ты с пеной у рта потрясаешь журналами, называешь фамилии провинившихся педагогов, грозишься штрафами и выговорами, а у самой уже месяц не выставлены оценки, и вся школа об этом знает, выглядит это, мягко говоря, так себе. Виноваты ли учителя, не заполнившие журналы? Конечно! Имеешь ли ты право возмущаться и взывать к совести, когда сам допускаешь те же самые ошибки? Да, но…

Тут все, как с детьми, ты имеешь полное право отчитывать пятиклассника, пойманного в школьном туалете с сигаретой, в красках расписывать опасности и ужасающие последствия сего действа, но, если завтра с этой самой сигаретой он встретит на улице уже тебя, не удивляйся, что уважать он тебя вряд ли будет.

Любовь зла

Но от директоров и завучей давайте перейдем к чему-нибудь более приземленному. Например, к домашнему заданию. Домашнюю работу не любит никто. Ни дети, которым приходится проводить за ней долгие часы после учебы, ни учителя, вынужденные потом проверять ее не менее долгими вечерами, ни родители, на плечи которых ложится контроль за выполнением этого самого задания.

Один из самых больших «грехов» учителей – мысль, что кроме твоего предмета у школьников больше ничего в расписании нет. Когда ты задаешь законспектировать небольшую статью, пересказать крохотный параграф, заполнить микроскопическую контурную карту, письменно ответить на парочку малюсеньких вопросов, нужно понимать, что таких параграфов, карт, статей и вопросов у старшеклассников к седьмому уроку набрался уже полный дневник. И между выполнением всего этого веселья школьнику неплохо бы успеть поесть и заняться хоть чем-нибудь помимо учебы.

> *Знаю-знаю, преступная мысль. Чем им еще заниматься, кроме учебы? Но если вы считаете, что дети не устают за день и им не нужен отдых, то вы глубоко ошибаетесь.*

Причем самое обидное – весь этот неподъемный пласт домашки придавливает самых старательных учеников, тех, которые и задачу по алгебре должны решить, и диалог на английском выучить. Тех же, кто не делает ничего, объемы домашнего задания волнуют только в момент его появления на доске в конце урока, дома он все равно учебник не откроет.

Возможно, сказывался мой возраст, я еще сам хорошо помнил свои уроки и задания, но я всегда стремился задавать максимально компактное домашнее задание, отлично понимая, что, кроме моих наиважнейших русского и литературы, у детей есть еще целая толпа других предметов. Но вот за выполнением этого самого задания следил строго. Если ребенок сдавал тетрадь и вместо нужного упражнения там красовалась пустота, или вдруг обострение склероза не вовремя разыгрывалось, и тетрадь с, конечно же, выполненным заданием оставалась дома на кровати, я ставил в журнал двойку. Карандашом. Если к следующему уроку ребенок приносил работу, двойка исчезала, если же нет… Сами понимаете.

Как я уже говорил в начале книги, если вы что-то требуете от детей, то стойте на своем до конца. Задали упражнение – проверьте, обещали наказать лентяев – накажите. Такая система заставляла даже самых «отъявленных двоечников» хоть немного шевелиться. Но, конечно же, не всех.

Замечаю, что вторую неделю подряд Коля из пятого класса не делает домашнюю работу. Совсем. Двойки в тетради, двойки в дневнике, сообщение родителям в нем же, разговор с классным руководителем – все стандартные этапы пройдены. Вызываю мать Николая, решившего устроить себе каникулы в середине октября.

На следующий день знакомлюсь с мамой, блондинкой лет тридцати пяти с забавными почти детскими хвостиками, затянутыми ярко-розовыми резинками. Интересуюсь, знает ли она о проблемах своего сына с учебой.

– Конечно, – удивленно поднимает она брови. – Я все ваши замечания в дневнике Коленьки видела.

> *Всякий раз, когда в разговоре с родителями достаточно взрослых детей всплывают Коленьки, Юляши, Натусеньки, Марусеньки и прочие – еньки, дальше будет какая-то жесть. Как вы понимаете, этот раз тоже не стал исключением.*

– Когда я пытаюсь, заставить Коленьку, – непроизвольно перевожу взгляд на Коленьку, который по росту почти сравнялся с матерью, – садиться за уроки, он начинает кричать и плакать, – еще раз смотрю на Коленьку и как-то с трудом представляю его плачущим. – Он говорит, что я его не люблю, раз заставляю учиться.

Тут я уже не стал смотреть на Николая, потому что… а что на него смотреть-то, в данной ситуации это точно не поможет.

– Поэтому мы договорились, что он не будет делать домашнюю работу по русскому и математике, – продолжая говорить, женщина быстрым движением поправила волосы на голове сына.

– Вы дого… Чего? – я редко теряю дар речи, но в этот раз было самое время для дебюта. Ребенок учится в пятом классе, и мама не находит ничего лучшего, как разрешить ему не делать задания по двум основным предметам. В ПЯТОМ классе!

– Я люблю своего ребенка, поэтому не хочу с ним портить отношения, – заметив мою реакцию, попыталась объяснить свое решение родительница.

– А-а-а-а, вот оно что, – понимающе закивал я, одновременно ощущая, как мой мозг начал капать на пол.

– Вы могли бы почаще Коленьку на уроке спрашивать, чтобы

он двойки ответами на уроке закрыл, или, может быть, после уроков он будет к вам приходить и здесь с вами делать домашнюю работу?

Вы когда-нибудь слышали более заманчивое предложение? Вот я – нет. Ни до, ни после. Мамы они такие… Не хотят портить отношения с детьми, любовь, все дела…

Жили у бабуси

Но некоторые ученики относятся к домашней работе совсем по-другому. Ответственно, скажем так.

Сказали сделать два упражнения – сделали, даже лишние слова записали, настолько ответственно подошли… к переписыванию из ГДЗ.

Совет на будущее, лайфхак, если хотите, хотя бы сравните, что написано в вашем учебнике и что приведено в том тексте, откуда вы так старательно перекатываете строчку за строчкой. Год издания ГДЗ и учебника могут не совпасть, и тогда…

– Павел Викторович, а почему у меня двойка за домашнюю? Я же все сделала!

Отлично понимая, что существуют не только готовые домашние задания, но сборники «лучших» сочинений… Тут, наверное, и четырех кавычек мало было бы. Еще в мою бытность школьником я встречал в этих замечательных кладезях мудростей «Евгения Онегина» Лермонтова, Татьяну Ларину, вышедшую замуж за подпоручика, няню Пушкина Анну Родионовну и прочих сомнительных личностей. А соблазн заглянуть в подобную книженцию или на соответствующий сайт слишком велик, ну, понимаете, ответственность, все дела. Сказали написать сочинение – написали, то есть списали. Именно поэтому я всегда старался с учениками средней школы, где объем этих самых творческих работ еще не стремится перещеголять само произведение, по которому они были написаны, писать сочинения в классе. Во избежание, скажем так, недопониманий.

Но вот в учебнике русского языка периодически встречаются задания требующие создать если и не полноценный текст, то небольшое высказывание. Я старательно избегал подобных номеров, отлично понимая, что я скорее всего обнаружу в тетрадях. Потому что сколько бы раз я не перечеркивал скопированные из Интернета упражнения, «старательные» ученики нет-нет, но все же пытались схитрить в надежде, что уж в этот раз их коварый план не будет раскрыт.

– Придумайте шесть слов с корнем – раст- / – ращ- / – рос-, – требовал учебник.

– Растение, растущий, выращенный, выросли, расту, заросли, – советовал услужливый решебник.

– А как вы узнали, что я списал? – удивлялся раздосадованный ученик.

– Действительно, как? – пожимал плечами я.

– Мы просто думаем одинаково, – пытался оправдаться

другой «везунчик», который, похоже, начинал понимать секреты моего ясновидения.

Но в этот раз задание было предельно простое, и поэтому я решил именно с него и начать творческие домашние работы. Опишите любой предмет, животное или человека. Используйте как можно больше прилагательных. Вроде бы с таким заданием может справиться любой, даже тот, у кого предательски закончился Интернет.

– А можно описать собаку? – интересовался Петя.

– Можно.

– А кошку? – уточнила Женя.

– И кошку, – киваю я.

– А если у меня хомячок? – звучит откуда-то с последних парт.

– А у меня только сестра, – вздыхает Люся за первой. – Вообще, писать не о чем…

Спустя пару десятков вопросов пятиклассники все же поверили, что описать, действительно, можно все, что угодно.

– Даже компьютер? – недоверчиво зажмурил правый глаз Денис.

– Да хоть приставку, – поставил точку в обсуждении я.

– А вас можно? – уже выходя из класса, все же решила поинтересоваться Юля.

– Можно и меня, – киваю и продолжаю раздавать карточки уже для шестого класса.

– Отлично, тогда либо про вас, либо про морскую свинку напишу, – улыбается девочка и выскакивает в коридор.

Сочинения получились очень хорошие. Наверное, именно эта самая полная свобода выбора заставила детей включить фантазию на полную катушку. Особенно про меня удалось. Между мной и морской свинкой Юля все же остановила свой выбор на мне.

По-моему, явный успех. А чего добились вы?

Но даже ее работе было очень далеко до сочинения Светы о бабушке.

В некоторых сочинениях бывает видна душа. Вот это как раз и было одно из них, тех немногих.

Бабушка Светы прошла войну медсестрой, в мирное время работала в сельской поликлинике, воспитала шестерых детей. Муж Глафиры, а именно так звали героическую женщину, трагически погиб незадолго до взятия Берлина, но даже несмотря на это она успевала уделять внимание и детям, и корове Машке, и козе Поле, следить за курами и гусями, выращивать на огороде

все необходимое, ходить в лес за сладкими ягодами и ароматными грибами, готовить заготовки на долгую сибирскую зиму. Сейчас бабушка Глафира живет уже не в деревне, а в городе, но все равно даже в таком почтенном возрасте она продолжает помогать всей семье. Света гордится своей бабушкой и мечтает быть похожей на нее.

А я гордился Светой, точнее Катей, ведь ее сочинение про бабушку Глафиру с коровой Машкой и козой Полей я прочитал первым пару минут назад.

К чести Кати со Светой стоит сказать, что они подошли к списыванию творчески: одна выкинула тут пару слов, вторая из следующего предложения кусок опустила. Не прикопаешься!

– Но у нас не слово в слово все одинаковое, – возмущалась Катя, когда перед следующим уроком я устроил внучкам героических бабушек допрос с пристрастием. – У нас просто похожие бабушки, мы сами удивились.

– То есть вы хотите сказать, что у вас обеих бабушек зовут Глафира?

– Да, – неуверенно ответила Света, которая начала думать, что лучше бы она все же остановилась на описании кошки, как изначально и хотела.

– И родились они в один год, в одном селе, и вся история жизни у них совпадает до мельчайших подробностей?

– Ну да, – радостно кивнула Катя, которая надеялась, что до меня, наконец-то, дошло. – Такое бывает.

– Угу, бывает, – буркнула себе под нос Света. – Павел Викторович, я списала сочинение из Интернета, простите, пожалуйста, можно я на следующий урок свое принесу?

– Можно, – конечно же, согласился я. – Ну а ты что? – повернулся я к Кате, которая, несмотря на признание подруги, не потеряла присутствие духа.

– А я что? – удивилась пятиклассница. – Я ниоткуда не списывала.

– Но Света же только что призналась, что взяла весь этот рассказ из Сети, – теперь уже настало мое время удивляться стойкости девочки. – Точно такой же рассказ.

– А вы не думали, что, может быть, это о моей бабушке в Интернете написали?

Честно скажу: не думал!

Наташка

На второй год работы в школе к моему пятому и шестому добавилась литература в десятом классе. «Война и мир», «Преступление и наказание», «Отцы и дети» и прочие шедевры, изучаемые именно на десятый год обучения в школе, и так не всегда легко даются ученикам, но в данном классе ситуация была просто плачевная.

Каждый раз, когда я задавал какой-нибудь вопрос по прочитанному тексту или интересовался, что школьники думают о том или ином герое, создавалось ощущение, что дети с трудом сдерживаются, чтобы не ответить:

– Ничего! Ничего мы не думаем.

Уроки с десятиклассниками отлично описывают строчки из песни Аллы Борисовны Пугачевой: «Крикну, а в ответ тишина!» Только у окна плакала не женщина, а я.

Любой, даже самый маленький ответ приходилось буквально щипцами вытаскивать изо рта. Какие уж там развернутые высказывания и суждения, «да» и «нет» уже были настоящим праздником. А уж если в процессе занятия возникал вопрос «почему?», можно было спокойно выходить из кабинета и выключать свет.

> *Зачем зря электроэнергию тратить, ответа все равно не дождешься.*

Создавалось ощущение, что в девятом классе их указкой по пальцам били за неправильный ответ. Никакой попытки самостоятельно мыслить, начинаем копаться в записях, листать учебник в надежде найти нужный ответ.

Пришлось работать над тем, чтобы доказать, что свое мнение в учебнике найти нельзя, на то оно и свое. И процитировать высказывание умного дяди, жившего в девятнадцатом веке, конечно, бывает полезно, но раскинуть своими мозгами и попытаться самому проанализировать тот или иной эпизод и сделать собственные выводы все же гораздо интереснее.

Когда класс привык к тому, что я готов выслушивать ИХ мнение и не пытаюсь навязать свою точку зрения, с неизменными «Пушкин считал», «Достоевский утверждал» и прочими ультимативными суждениями, дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки. Они заговорили. Не все, конечно. Но ощущение, что разговариваешь с экспонатами греческого зала пушкинского музея, пропало. Стали даже споры возникать, дебаты с

отстаиванием своей позиции.

– Пока вы можете доказать свою точку зрения примерами из текста, она имеет право на жизнь, – неизменно повторял я, пытаясь сподвигнуть старшеклассников на участие в обсуждении. – Даже если я с ней не согласен.

Как доказал один случай, кусок с «примерами из текста» некоторые особо увлеченные спорщики пропустили мимо ушей.

«Война и мир». Один из последних уроков по произведению. С дубом уже встретились, на небо Аустерлица полюбовались, начинаем набирать материал к сочинению. Обсуждаем образ Наташи Ростовой.

Кто-то рассказал про детство, другой сконцентрировался на поведении героини в Москве во время войны 1812 года, третья негодует из-за финала романа, в котором Наташа, по мнению ученицы, растеряла все свое очарование.

– А можно мне сказать? – поднимает руку Алена, почти до самого конца урока не принимавшая участия в дискуссии, что для нее было совершенно не характерно, так как с самых первых уроков она была одной из немногих, кто всегда был готов ответить. – Я считаю, что Наташа Ростова – дура! – ошарашила всех присутствующих девушка.

У нас, конечно, были резкие высказывания и в адрес Обломова, и Раскольникова, но «дураками» до сегодняшнего дня еще никто не разбрасывался.

– Да, самая натуральная дура, – завладев всеобщим вниманием, повторяет Алена и впивается в меня дерзким взглядом, наверное, ожидая, что я начну возмущаться и тут же брошусь на поддержку героини Толстова.

– Отлично. И почему? – буднично интересуюсь я.

– Ну… – похоже, она рассчитывала на несколько иную реакцию. – Просто считаю, что она ведет себя, как дура, – голос звучит уже не так по-боевому.

– В каких конкретно моментах? – не отстаю я.

– Ну… не знаю. Я просто не читала.

– А-а-а, тогда все понятно, – улыбаюсь я.

– Но это мое мнение, я так считаю, – попыталась возмутиться Алена, но это у нее не очень хорошо получилось.

– Правильно, не читал, но осуждаю.

– Вы же сами говорили, что мы можем высказывать свою точку зрения.

– Да, на прочитанный текст. Вот как для тебя он таковым станет, можно будет еще раз обсудить умственные способности Наташи Ростовой, а пока это не мнение…

– А пук в воду, – тихо, но достаточно четко, для того чтобы

все услышали, хмыкнул сосед Алены по парте.

– Сначала просят говорить, как думаешь, а потом еще и осуждают…

Вот так, поверишь учителю, раскроешь душу, а он не оценит твоего душевного порыва. Мораль – не верьте учителям.

Денег много не бывает

Обойти в этой книге финансовый вопрос я никак не мог. Потому что, чтобы мы ни говорили о призвании, любви к детям, душевных порывах и прочих высоких субстанциях, есть хочется всем. Даже учителям. А некоторые еще и одеться хотят прилично, а кто-то, как бы это удивительно ни звучало, еще и отдыхать хочет не только в ближайшем парке.

Честно говоря, долгое время я был уверен, что практически каждый россиянин знает, что в реалиях нашей страны означает словосочетание «средняя зарплата».

Сам не знаю, почему, дожив до тридцати двух лет, я продолжаю хорошо думать о людях…

Вплоть до того момента, как я начал вести свой блог. Под каждым роликом, в котором хотя бы вскользь упоминаются учителя, находится как минимум парочка мамкиных экономистов, заявляющих что-нибудь из серии:

– Зарплата у них в районе шестидесяти тысяч!

– У моей подруги мама – учитель, и она получает за семьдесят.

– У учителя моего сына новый iPhone и шестикомнатная квартира.

Ну, возможно, с шестью комнатами я слегка погорячился, но смысл вы поняли.

Большинство комментаторов всегда сходятся в одном: в Москве зарплата педагогов уже давно приблизилась к ста тысячам, а они все ноют и требуют больше.

Только вот ключевое слово здесь – Москва. А Москва не равно Россия. Совсем. И средняя зарплата по стране, если выкинуть столицу и Питер, будет очень сильно отличаться от тех цифр, которыми так любит щеголять телевидение.

Я получаю сто тысяч, ты – двадцать, а вот в среднем мы получаем шестьдесят. Вот такая веселая арифметика. Про среднюю температуру по больнице и голубцы, я думаю, тоже все помнят.

Когда очередной житель столицы, обожающий считать чужие деньги, начинает что-то там возмущенно верещать о баснословных зарплатах бюджетников, так и хочется его взять и в условный Воронеж на месяцок перенести. Вот разрыв шаблона-то

будет.

Да, безусловно, глупо отрицать, что московские учителя и врачи имеют возможность найти место с приличной зарплатой. И рассказы об этих пресловутых шестидесяти тысячах являются правдой. Работая в московской школе, я и сам неплохо получал, правда, не шестьдесят тысяч, но все же. Жаловаться не приходилось. До сих пор мне на электронную почту приходят вакансии с весьма красивыми числами в заголовке.

Но, во-первых, далеко не каждая московская школа предлагает такие зарплаты, а во-вторых, и это главное, основная масса людей живет не в Москве и не в Питере, а в провинции доходы не идут ни в какое сравнение со столичными. Москва, Питер и пара северных городов являются теми самыми локомотивами, которые и позволяют рисовать в отчетах те самые красивые цифры. Но об этом по причине удивительного выборочного склероза забывают журналисты, телевизионщики и политики, рапортующие о новом повышении благосостояния населения. А когда на очередной прямой линии с президентом или премьером какой-нибудь учитель или санитар «Скорой помощи» озвучит свою настоящую зарплату, все вокруг сделают удивленные глазки, начнут недоверчиво озираться и размахивать бумагами, а потом, все же собравшись с силами, выдадут:

– Здесь что-то неправильно. Такого просто быть не может. Это у вас, наверное, просто директор деньги ворует.

И буквально на следующий месяц телевизор продолжит петь знакомую песню об очередном повышении зарплаты. Красота!

И ладно, когда в эти старые песни о главном верят жители столиц, которые на самом деле знают, что бюджетники в их городах живут неплохо. Но когда родители в какой-нибудь сельской школе в Сибири начинают доказывать учителю, что он получает просто баснословные деньги, – это уже финиш. И не сомневайтесь, школьники и их родители будут верить именно телевизору, а не растерянному преподавателю.

С понятием «средняя зарплата» мне пришлось столкнуться лично. Первые пять лет, как я уже рассказывал, я проработал в подмосковной школе, и денег на мой банковский счет приходило настолько много и в таком невообразимом объеме, что мне даже пришлось устроиться на вторую работу, чтобы иметь возможность покупать себе не только методички и бумагу для принтера.

И вот один из моих наиболее политически подкованных коллег все никак не мог понять, куда же я свои миллионы складирую и зачем мне в принципе нужна вторая работа, неужели настолько жадный. Потому что он-то точно знал, что в школе меньше шестидесяти тысяч

У меня скоро от этих слов глаз дергаться начнет.

вообще невозможно получить. При этом на все мои доводы он приводил примеры своих знакомых учителей из Москвы. Успокоился товарищ и утер пену с губ только тогда, когда я показал ему свой квиток с зарплатой. Восемнадцать тысяч.

> *До сих пор не понимаю, почему я в те годы на такие деньжищи так в кругосветное путешествие и не отправился.*

Что самое удивительное: в этой же школе работало несколько преподавателей из Смоленской области, и вот они уже были безумно довольны этим суммам, потому что в школах своего города они о таких деньгах даже мечтать не могли.

Стоило мне распрощаться с Подмосковьем, сесть в электричку, проехать два часа и добраться до московской школы, как моя зарплата увеличилась практически в три раза. Можно, конечно, подумать: «Хочешь нормальные деньги – отправляйся в столицу. Кто мешает?» Только вот она не резиновая, да и в принципе ситуация, когда ты живешь в самой большой стране на планете, а адекватные деньги за свой труд могут получать жители двух с половиной городов, не вселяет особого энтузиазма.

И самое главное – эти самые московские финансы отбирают у жителей других городов даже моральное право заикаться о своих проблемах. Апелляции к московским зарплатам отлично помогают замалчивать социальные проблемы: средняя зарплата же высокая! А если тебе все еще мало, загребущая ты душонка, – топай в бизнес.

Вперед к миллионам!

О знаменитом выступлении Дмитрия Анатольевича с призывом всем недовольным педагогам отправляться покорять новые вершины притягательного мира бизнеса знают, наверное, все. К тому моменту, когда ответ премьера учителю взорвал Интернет, я уже привык слышать одни и те же ответы на все те же самые вопросы:

– Да-да, проблемы, есть. Конечно-конечно, будем искать финансы. Мы знаем о маленьких зарплатах педагогов, образование – наша первоочередная цель.

Но к подобному повороту жизнь меня не готовила.

Не нравится – уматывай. Грубо, конечно. Но, думаю, вы согласитесь, что смысл именно такой. Ты что, деньги хочешь за свой труд получать? А больше ничего не надо, может быть, еще ковровую дорожку постелить?

– Вы сами знали, на что шли! – отличный ответ, который все чаще встречается в Сети в темах об образовании, еще бы, само правительство формулировку подсказало. Да, ты будешь влачить жалкое существование, получать копейки, заполнять миллион бумажек, забивать на семью и детей, но ты же сам это выбрал. Так что терпи! И желательно молча, так как твои вздохи только раздражают тех, у кого ума хватило выбрать нормальную профессию.

Я так и вижу, как толпы энергичных молодых людей, с отличием закончивших школу, выбирают педагогический вуз.

А нет, простите, показалось…

Кто в здравом уме пойдет работать в школу, если тебе прямым текстом правительство говорит, что нормальных денег ты получать не будешь. Фанаты своего дела? Или, может быть, те, кому в другие вузы баллов не хватило?

«У нас в образовании не хватает молодых педагогов», – снова и снова звучат зазубренные фразы. А откуда они возьмутся? Да, вот такие мы, молодые, меркантильные, хотим жить, а не существовать, иметь возможность нормально функционировать не только в кабинете и школьном коридоре, но и, например, в магазине, и не исключительно рядом с полкой с уценкой.

Наверное, это здорово, что люди, стоящие у руля страны, перестали даже пытаться делать хорошую мину при плохой игре и кормить бюджетников постоянными завтраками и сказками про светлое будущее, а уже в открытую заявляют:

– Денег у тебя не будет!

Спасибо за честность. Наверное…

Только вот проблема в том, что когда руководители страны не понимают или делают вид, что не понимают, что самые светлые головы поколения как раз таки и должны идти в педагогические и медицинские вузы, потому что именно от них будет зависеть будущее государства, ни к чему хорошему это, увы, не приведет.

Платите копейку, а требуете работы на рубль? Отличная идея, посмотрим, кто в результате этого эксперимента останется.

Заглянем в чужой кошелек

Удостовериться в том, что материальное положение современного учителя далеко от сказок Венского леса, представленных в новостях государственных каналов, проще пареной репы. Заходим на любой сайт по трудоустройству и с недовольным шепотом:

– Ух, зажрались! – начинаем листать многочисленные вакансии.

С осуждением посмотрите на зарплаты московских учителей, а потом просто поменяйте город на какую-нибудь Вологду. Цифры вас приятно удивят.

– Но вообще-то у них в провинции и цены другие, поэтому и зарплаты там маленькие, – написали мне как-то под одним из роликов.

Правильно, именно поэтому я всю свою электронику покупаю в Улан- Удэ, там же все ГОРАЗДО дешевле. Разве нет? Или технику и фирменные вещи должны приобретать только жители столиц, а остальные пусть умерят свои аппетиты. Да, безусловно, цены на жилье в Москве несоизмеримо больше, чем в других городах. Но на этом самом жилье все, в общем-то, и заканчивается. Что во Владивостоке, что в Калининграде какой-нибудь бургер, во всем известном ресторане быстрого питания, вы приобретете за одну и ту же цену.

Но вернемся к нашему сайту с вакансиями. Самара. Учитель начальных классов. Сколько нам предложит администрация? Судя по просто бесконечному списку должностных обязанностей, которые даже на экран компьютера все не помещаются, минимум шестьдесят?

Нет, глаз все же начал дергаться…

Ну или хотя бы тридцать пять, те самые средние по стране. Десять…

В смысле ДЕСЯТЬ???

Вот вам и суровая реальность. Но педагогам Самары я предлагаю взбодриться и не унывать, ведь они могут быть довольны за своих московских коллег, в среднем с ними они как раз на магические тридцать пять тысяч и выйдут. Купить на них, правда, ничего не получится, потому что ты-то получаешь десять, но зато по бумагам ты вполне себе средний класс. Класс!

Хотя, знаете, возможно, это только Самара – такой город. Самарская аномалия. Давайте в Воронеж, к примеру, заглянем. Средняя общеобразовательная школа номер восемнадцать ищет учителя музыки, предлагая кандидату те же самые заоблачные десять тысяч рублей. А вот в детский сад номер девяносто три требуется опытный учитель, готовый работать за девять с половиной тысяч рублей.

Удачи с поисками! Искренне надеюсь, что никто не откликнется на такое заманчивое предложение.

Можно было бы, конечно, еще поговорить на такую замечательную тему, как повышение зарплаты учителей и врачей с понижением этой самой зарплаты. Да, появилось у нас в последние годы такое восьмое чудо света, когда тебе повышают оклад, но зато снимают все надбавки, и в итоге ты опять в шоке сидишь у телевизора, с экрана которого белозубый ведущий отчитывается об очередном повышении зарплаты бюджетников. Правда вот расчетный лист у тебя в руках сигнализирует совсем о другом, но главное, что в глазах всей страны ты стал жить гораздо лучше. Даже не так. ГОООООРАЗДО! Так что не кисни: дорога в бизнес же всегда открыта!

Раз плюнуть!

С другой стороны, раз уж мы с вами заговорили о финансовой стороне вопроса, то стоит осветить и еще один сопутствующий момент. Как мне однажды заявил в комментариях подписчик: «А чего Вы хотите, если у всех нормальных людей рабочий день длится до шести-семи вечера, а учителя уже в два часа дня свободны!» Дальше следовал подробный рассказ о том, какие все педагоги лентяи и тунеядцы, которые привыкли сидеть на пятой точке ровно, но при этом постоянно чем-то недовольны и вечно что-то требуют.

ДВА. ЧАСА. ДНЯ.

От этих магических слов у меня начинает дергаться уже второй глаз.

Сколько бы лет ни прошло, сколько бы копий ни было сломано, умственный труд всегда будет восприниматься, как нечто легкое и по большому счету несерьезное. Вот перекопать огород – дело, а сидеть заполнять бессмысленные отчеты и перебирать никому не нужные бумажки (а многие именно так и представляют себе работу в офисе) – максимум баловство, за которое еще и деньги платят.

В головах у очень многих работа учителя практически равна учебе ученика. Пятиклассник находится в школе до двух часов, значит, и его педагог направляется домой в то же самое время. У детей начинаются каникулы в июне, следовательно, и весь педагогический состав отправляется на Мальдивы приблизительно в те же числа.

Ох уж этот летний отпуск и «свободные» июньские деньки… Да-да, вы правильно поняли: мы снова дошли до того момента книги, когда я обещаю обязательно рассмотреть этот вопрос, но немного позже. Пообещал? Можно продолжать.

В свой первый рабочий сентябрь я приходил домой, ложился на кровать и в течение часа молча смотрел в потолок. Не спал, не дремал, ни о чем не думал, а просто лежал симпатичным бессловесным бревнышком и пытался собрать себя в кучку. Странное состояние, никому его не пожелаю испытать.

С самого детства у меня перед глазами пример мамы, которая проводила все свое свободное время за тетрадями, планами, поделками и прочими милыми «забавностями», сопутствующими работе учителя начальных классов. Но, только ощутив всю легкость школьного бытия на своей шкуре, я понял, что значит

труд учителя. Поэтому, в каких бы красках я сейчас ни описывал все эти сложности, пока ты сам не переступишь порог класса с указкой в руках, прочувствовать это в полной мере вряд ли получится, точно так же, как и у меня, трудности, кроющиеся в других профессиях. Скажу лишь, что когда первый шок прошел, и я более-менее втянулся в рабочий ритм, и стандартный час изучения в горизонтальном положении особенностей потолка больше не требовался, я стал избегать всего мягкого в квартире: постели, дивана, даже кресла. Потому что стоило мне приземлиться на них, меня тут же вырубало на несколько часов. Решения этой проблемы за все восемь лет в школе я так и не нашел, поэтому приходилось сидеть на чем-то твердом и неудобном, иначе организм мгновенно отключался.

А вот что поймет любой здравомыслящий человек, даже совершенно далекий от образования, так это несостоятельность сентенций про короткий день и те самые два часа.

Постараюсь описать свой стандартный рабочий день. Шесть уроков. Минимум. Последний заканчивается в 14:10.

> *Понятное дело, что когда у меня были выпускные классы, там были и седьмые, и даже восьмые. Привет тебе, любимый элективный курс!*

Дальше в обязательном порядке минимум час занимался с отстающими. Каждый день. Заполняем электронный журнал, потому что в течение дня успеть разобраться со всей документацией крайне проблематично, а уж если ты еще был дежурным по этажу, то в твоем журнале конь явно не валялся. После этого нужно приготовиться к следующему учебному дню, а это значит написать шесть конспектов и составить столько же презентаций. Нет, конечно, можно пойти по легкому пути и просто заставить детей делать все упражнения из учебника подряд, а самому в это время спокойненько сидеть заполнять журнал и попивать дымящийся горячий кофеек. Но мне бы совесть этого не позволила.

Не буду сейчас строить из себя учителя года

> *В этом конкурсе я, кстати, участвовал и даже победил в номинации «Лучший молодой педагог района». Ну, согласитесь, я должен был об этом упомянуть: надо же похвастаться.*

и говорить, что я никогда не пользовался разработками из Сети и не скачивал презентации из Интернета. НО! Каждую презентацию приходилось переделывать под свой класс и

особенности своего стиля преподавания. В какой-то момент я понял, что мне проще все самому делать с нуля, чем тратить время на поиски, а потом редактировать.

Сколько занимала времени подготовка? Скажем так: много. Очень много. Но в любом случае, дальше шла лучшая и наиболее любимая часть дня –

Если что, это был сарказм.

проверка тетрадей.

Помню, с какой радостью и трепетом я впервые сел проверять тетради пятого класса. Волшебный момент. Ты берешь красную ручку, раскрываешь первую тетрадку, которая, конечно же, оказывается тетрадью отличника, и пока еще не до конца уверенной рукой выводишь аккуратную пятерку, ПЕРВУЮ, тем самым реализуя мечту практически каждого школьника – самому поставить оценку. К сожалению, уже к концу первой пачки эта магия испаряется. И, возможно, это только мой случай, но больше она уже не возвращается.

Предположим, что учитель тратит на проверку одной тетради одну минуту.

Не знаю ни одного учителя, которой смог бы проверить сочинение одиннадцатиклассника за минуту, но допустим.

Три класса. Девяносто человек. Девяносто тетрадей. Полтора часа. МИНИМУМ. И это если тратить на проверку всего минуту.

Боюсь даже представить, что и как там можно за минуту напроверять.

А если классов не три, а четыре, а если пять? Ну что? Все еще получается короткий рабочий день? Основная проблема в работе учителя –

Ладно, может быть, не основная, но одна из точно.

твой рабочий день только начинается после того, как он вроде бы закончился. Нет, конечно, можно быстренько собрать свои вещички, смахнуть все необходимое в сумку и, обгоняя учеников, направиться к выходу, едва прозвенит звонок, но тогда вся подготовка просто переместится домой. И все.

Давайте сейчас не будем говорить об учителях, которые забивают на свои обязанности, не готовятся к

урокам и, действительно, исчезают из поля зрения едва ли не раньше конца шестого урока. Все мы отлично понимаем, что таких горе-специалистов достаточно в любой сфере, речь не о них.

По большому счету выбора у тебя всего два. Ладно, три, но о последнем я только что сказал. Ты либо сидишь до самого вечера в душном кабинете, чтобы не тащить работу домой, либо уходишь относительно рано,

Элективы и седьмые уроки все равно никто не отменял.

но всю бумажную волокиту переносишь на дом. И да, ты вроде как дома в окружении семьи, только вместо того, чтобы смотреть фильм или заниматься с ребенком, как любой нормальный человек, ты сочиняешь тест для седьмого класса, составляешь интересные вопросы по «Преступлению и наказанию» для «немого» десятого, а потом вспоминаешь, что на подоконнике тебя все еще дожидается непроверенная пачка шестого класса.

Так что, нет, сегодня я с вами встретиться не смогу. Давайте на выходных. А еще лучше на каникулах. Летних.

А так да. Твой рабочий день заканчивается в 14:30. Вот повезло-то!

Урок рисования

Как я уже упоминал, двойки в школе ставить нельзя. Ну, то есть, конечно, можно, текущие, но за четверть – ни-ни. Что бы школьник ни делал, точнее, даже если за все уроки он на самом деле ничего так и не сделал, ты обязан нарисовать эту самую тройку. Иначе… Последствия я уже описывал.

Но я, каюсь, двойки ставил. И неоднократно. Да, вот такой вот я плохой и непрофессиональный.

Никогда не понимал учителей, которые постоянно жалуются на то, что их ученики ничего не хотят делать, демонстрируют полнейшее равнодушие к учебе и знаниям, не могут справиться с простейшими заданиями, а порой в принципе не появляются на занятиях неделями, и после всех этих «подвигов» учитель все равно, закрыв глаза и отвернувшись, рисует «удовлетворительно». Наступает следующая четверть, и все повторяется вновь: те же самые угрозы, топот ногами у доски, пугающие обещания не допустить до экзамена, только вот что преподаватель, что нерадивый школьник уже отлично знают, что все Марья Ивановна, как миленькая, поставит. И все громкие слова – всего лишь шум, за которым в реальности не стоит ничего.

Еще больше меня поражали ситуации, когда учителя с каким-то фанатичным рвением и практически религиозным восторгом бросались помогать каждому двоечнику на экзаменах, когда те проходили еще в своей школе. И нет, сейчас я не говорю о тех моментах, когда администрация прямым текстом заставляла педагогов решать экзаменационные варианты за отстающих, и не о случаях, когда вся школа просто молилась, чтобы какой-нибудь Ванечка все же сдал ОГЭ и, наконец-то, отправился во взрослую жизнь, тем самым прекратив мучения и свои, и одноклассников, и учителей.

Я неоднократно слышал разговоры сердобольных учителей, вещавших что-нибудь из серии:

– Это же наши детки! Мы обязаны сделать все, чтобы у них все прошло легко и замечательно! Неужели вы не понимаете?!

Нет, не понимаю. Я искренне не понимаю, почему я должен хитрить и изворачиваться ради того, чтобы какой-нибудь Васенька, который девять лет ничего не делал, безо всяких проблем преодолел экзамен и с чистой душой направился в десятый класс. Оценка-то у него в итоге ого-го!

– Что вы, Павел Викторович, Васе лишь бы экзамен сдать, он о десятом классе даже и не задумывается.

Как вы думаете, кто первого сентября курил за углом школы,

готовясь к линейке? Правильно, Вася и все те «точно уйду после девятого». Кто будет плакаться в учительской и заламывать руки? Верно, те самые добренькие Марьи Петровны и Валерии Сергеевны, которые были обязаны помочь деткам.

Возможно, я бесчувственный человек и меня на пушечный выстрел нельзя подпускать к детям, но я не считаю, что здоровый лоб,

А девятиклассника точно ребеночком назвать не получится.

сознательно выбравший отдых работе, заслуживает понимания и жалости с моей стороны. Как мне кажется, школа должна не просто вдолбить в голову химические формулы, орфографические правила и физические законы, но и показать, что за каждым действием скрываются последствия. Ничего не делаешь – получаешь двойку, работаешь и стараешься – можешь рассчитывать на поддержку и понимание. Кто-то ради этой несчастной тройки всю четверть пахал, а тут появляется розовощекий Егорушка, впервые залетевший на урок, и отхватывает точно такую же оценку. Очень педагогично и справедливо.

Я был организатором экзамена у девочки с раком крови, и вот ей мне хотелось помочь, потому что ребенок, действительно, столкнулся с ужасающими трудностями. А вот лентяи у меня симпатии не вызывают. У нас свободная страна: хочешь лежать на диване и смотреть телевизор вместо уроков – отлично, но тогда и не удивляйся, заглянув в дневник.

Мы постоянно слышим ужасные истории о непрофессиональных врачах, инженерах, юристах, экономистах. А чему тут удивляться? Если с самого детства в ребенка закладывается понимание, что по большому счету можно сидеть на попе ровно, и уж тройка-то точно с неба свалится. ТРОЙКУ ТОЖЕ НУЖНО ЗАРАБОТАТЬ!

Поэтому, несмотря на все увещевания администрации, я ставил двойки. Не могу сказать, что они у меня вылетали, как из рога изобилия, но все же.

Возникает логичный вопрос: «Ты же сам сказал, что их нельзя ставить, тебе-то почему разрешали?»

Дело в том, что

Эх, озвучу я сейчас крамольную мысль.

я никогда не держался за свою работу, всегда был уверен, что, если что-то не срастется на этом месте, у меня будет возможность реализовать себя в другой школе или даже профессии.

Как в итоге и получилось.

Мне повезло, что мне не надо было кормить троих детей, пушистую кошку и огромную собаку и держаться за место в школе обеими руками. Да и жил я не в глуши, а поэтому выбор школ был большой. И я достаточно быстро донес эту простую мысль до администрации.

– Не нравится? Увольняйте.

Если начальник чувствует, что, потеряв свою должность, твоя жизнь развалится, а сам ты останешься у разбитого корыта, это открывает огромные перспективы для манипуляций. Всем нужны сотрудники, которые дрожат, как осиновые листы, и боятся пикнуть. Если же руководитель понимает, что ты легко найдешь себе место и получше, правила игры меняются. Когда у меня получилось зарекомендовать себя, заручиться поддержкой учеников и родителей, уже директору и завучу приходилось идти на определенные уступки. Потому что родители некоторых сильных учеников открыто заявляли:

– Уходит Павел Викторович, уходим и мы.

Нет, я не сидел с наглым видом сложа руки и отвечал отказом на любое требование, аргументируя это тем, что:

– Сейчас заявление напишу.

У меня не было никаких открытых конфликтов, я заполнял все бумаги, исполнял все должностные обязанности, но на лицемерие и рисование оценок я не соглашался. И это позволило мне доказать своим ученикам, что оценки – вещь серьезная.

> *Нет, не важнее знаний, не беспокойтесь. Просто уверен, что кто-нибудь обязательно прицепится к этой фразе.*

И если у тебя за день до каникул выходит двойка, в тройку она наутро магическим образом не превратится.

Да, из-за этого у меня портилась статистика, те самые важные показатели, по которым сейчас и оценивают успешность педагога, но зато и в глаза старательным троечникам я мог смотреть смело. А, на мой взгляд, это чего-то да стоит!

Спокойной ночи, малыши!

Если у ребенка выходила двойка за четверть, то я всегда давал возможность исправить оценку на каникулах: предлагал несколько раз позаниматься в индивидуальном порядке.

Ну, то есть как предлагал, я был обязан заниматься с отстающими.

Это к вопросу о том, чем занимаются учителя на каникулах. Что делали в своих кабинетах ударники труда, у которых ученики никогда ниже четверки оценки не получали, я не знаю, у меня же расписание было ничуть не хуже рабочего. Друг за другом плотной шеренгой шли занятия с двоечниками, с ребятами, кто много болел в этой четверти, детьми, которые только начинали знакомство с русским языком, и теми школьниками, которые сами чувствовали, что им нужно дополнительно поработать над той или иной темой.

Как вы понимаете, список получался обширный.

И обычно никаких проблем не возникало. Не скажу, что дети с радостью и веселыми песнями бежали в школу в каникулы, но и оставаться с двойкой по русскому – та еще перспектива, поэтому все что-то делали, готовили, отвечали. Проблема пришла оттуда, откуда не ждали. Взбунтовалась мама.

Вы наверняка знаете таких людей, чье появление вызывает настоящий фурор в классе или группе:

– Ничего себе! Ты живая!

Вот ее дочурка относилась как раз таки к этой группе. То мы болели, то проспали, поехали с мамой к зубному, записались в бассейн, мама решила, что на улице слишком холодно, поэтому мне нужно остаться дома, а вот сегодня уже слишком жарко, мы вчера были у бабушки в гостях. В общем, стандартный набор.

Домашнюю работу девочка, естественно, тоже не делала, но мама утверждала, что они ходят к репетитору и занимаются буквально днями и ночами.

Только вот интересно: чем?

Поэтому, когда за четверть у шестиклассницы вышла двойка, никто не удивился. Кроме мамы, хотя я ее предупреждал раз десять точно. Замечания в дневнике, разговоры по телефону, беседы в кабинете директора.

И зачем только время тратил?

Дальше, само собой, начались всем знакомые просьбы и обещания:

– Мы на все готовы!

Как оказалось, не на все.

– Нам двойка не нужна! Мы будем заниматься! Так заниматься, что аж ручка задымится от усердия. Я все проконтролирую, мы все сможем.

Сошлись на том, что с понедельника по пятницу в одиннадцать тридцать Маша приходит ко мне исправлять оценки.

– Обязательно придем, Павел Викторович! Будем ждать у дверей, Павел Викторович!

Надо было уточнить: у каких конкретно дверей они ждать собираются.

Понятное дело, что в понедельник в одиннадцать часов никто не пришел. То есть пришли то все, кроме Маши с мамой, которая, наверное, слишком контролем увлеклась.

Двенадцать, двенадцать тридцать, час… Я решил узнать, что там приключилось, а то, знаете, всякое бывает: вышел ребенок в школу, попрощался с родителями, а потом вспомнил, что жизнь всего одна и тратить ее исключительно на учебу довольно глупо.

Звоню маме. Лучше бы не звонил: именно в тот день мой мозг потерял свою невинность.

– А вы кто? – невнятно бурчит на том конце заспанный голос.

Объясняю, что мы договаривались, я вас жду. И тут последовал просто гениальный в своей простоте ответ:

– А что вы нам в такую рань звоните?

Время – час дня! Какая рань?!

– Вообще-то мы еще спим, сейчас каникулы, и мы с дочкой хотим отоспаться перед новой четвертью! Сон – это очень важная вещь, а вы в этой вашей школе постоянно наших детей перегружаете!

И на десерт!

– Мы можем прийти в четыре. Нам так удобнее: мы как раз выспимся.

Интересуюсь: зачем вообще нужно было соглашаться на дополнительные занятия, если все равно спать собирались? Достойное начало разговора, конечно же, имело не менее достойное окончание.

– А я думала, что вы тогда тройку поставите…

Всем спасибо, можете опускать занавес. После этого ответа все вопросы отпали сами собой, как минимум по отношению к девочке. Удивительно, что с подобной мамашей она до шестого класса доучилась.

Двойку за четверть я все же поставил, так как, сами понимаете, что между здоровым, не знаю уж в их случае насколько продолжительным, сном и исправлением оценок выбор явно был сделан в пользу мягкой подушки и теплого одеяла. Мама тоже не осталась в стороне и в начале следующей четверти перевела дочь в соседнюю школу, аргументируя это тем, что в родных стенах учителя не хотят входить в положение ребенка.

Еще одно подтверждение, что к детям меня подпускать нельзя. Категорически!

Аленький цветочек

– Павел, а где же истории про кнопки на стуле, натертую мылом доску, подпиленные ножки и прочие школьные прелести? – можете спросить вы.

– Не знаю, – отвечу вам я.

За все восемь лет работы в школе ничего подобного со мной не происходило. И в то время меня это очень радовало: вряд ли кто-то из педагогов мечтает стать объектом дурацкой шалости. А вот сейчас, получается, что и рассказать нечего… Кто же знал, что мне придется книгу писать?

Но однажды я все же попал на уроке в очень некомфортную ситуацию, наблюдая за которой дети сначала в буквальном смысле потеряли дар речи, а потом минут десять не могли отойти от смеха.

Урок русского языка в шестом классе. Отличница Маша выполняет у доски упражнение, я хожу между рядами и периодически заглядываю в тетради учеников.

> *Да-да, тот самый неприятный момент, когда ты спокойненько сидишь себе на уроке, никого не трогаешь, а учитель, как назло, пытается что-то высмотреть в твоей предательски чистой тетради.*

Вспоминаю, что на перемене забыл раздать детям дидактические материалы, карточки, и, пока ученики работают и внимательно следят за ходом рассуждения Маши, направляюсь к шкафу в конце класса, где и хранились книги.

Кабинет у меня был очень зеленый: на каждом из трех шкафов располагались горшки с растениями. Высокие папоротники, обязательные жители, пожалуй, любого класса – хлорофитумы, плющи, традесканции и прочие драцены. Но несомненной королевой среди цветов была огромная сансевьера, доставшаяся мне, можно сказать, по наследству от предыдущей хозяйки кабинета. Это тот самый «щучий хвост», который так часто встречается в школах и других общественных местах.

Практически каждый день после уроков ко мне заглядывали ученики и предлагали помочь с цветами. Дети не только поливали растения, меняли воду в банках, вытирали пыль с листьев и стеблей, но и, как я узнал на этом уроке, двигали горшки.

Лучше бы я сам поливал свои цветы!

«Щучий хвост», росший в прямом смысле слова в гигантском коричневом горшке, другой бы просто не вместил это растение, располагался ближе всего к окну и стоял на краю шкафа. Вернее, все три года, что я работал в этом кабинете, он стоял просто НА шкафу, на краю он оказался именно в этот злополучный день.

– Прибежали, – комментирует очередное слово Маша. – Пишем приставку ПРИ, потому что… – договорить она уже не успела.

До сих пор не знаю, что произошло: то ли я так сильно дернул за дверцу шкафа, стараясь поскорее достать эти злосчастные дидактические материалы, то ли «щучий хвост» возомнил себя ласточкиным пером и решил отправиться в полет, а быть может, мне просто наконец-таки воздались все слезы двоечников, которых я заставлял ходить к себе на каникулах. Но стоило открыть дверь, как на меня посыпалась земля.

> *Кто смотрел фильм «Кэрри», может представить себе картину. Я, конечно, люблю Стивена Кинга, но на месте его героини никогда не мечтал оказаться…*

Либо двоечники плохо плакали, либо у меня все же есть ангел-хранитель, но горшок, каким-то чудом, хоть и упал, но остался лежать на шкафу, потому что, если бы эта махина все-таки приземлилась бы мне на голову, что-то мне подсказывает, вы бы сейчас эти строки не читали.

Знаете случаи, когда люди, ставшие свидетелями чего-то необычного, просто молча стоят, открыв рот, и не могут пошевелиться. Вот это была как раз моя ситуация. Мне барабанит по голове земля, которая буквально через пару секунд была везде: в волосах, в карманах пиджака, под рубашкой, простите, во рту, а я продолжаю стоять, подняв глаза.

Секунд пятнадцать в классе стояла просто мертвая тишина. Серьезно, я не могу подобрать более подходящего прилагательного. Слышно было только землю из горшка, которая, похоже, просто не собиралась заканчиваться.

> *Не знаю, сколько каши было в горшке братьев Гримм, но этот горшочек, похоже, не собирался переставать варить.*

Наверное, такие же чувства испытывают актеры, когда им вручают «Оскар»: ты стоишь в лучах славы, а все вокруг в восхищении смотрят на тебя. Только вместо славы я стоял по колено в грязи, а вместо восхищенных взглядов голливудской элиты на меня уставились тридцать пар глаз школьников. О чем

еще может мечтать учитель?

Когда цветок все же перестал фонтанировать землей и ресурсы горшка наконец-то иссякли, у меня буквально слезы из глаз брызнули от смеха. Более нелепой ситуации придумать просто невозможно: ходишь такой деловой в пиджачке по кабинету, исправляешь ошибки, оцениваешь ответы, а тебе на голову падает цветок. По-моему, замечательное завершение урока. Дети пару секунд все так же непонимающе смотрели на меня, а затем уже весь класс взорвался от смеха. Это вам не вымученные улыбки в «Аншлаге», тут стены сотрясались от хохота.

Когда я наконец сумел взять себя в руки, мне предстояла еще одна почетная обязанность,

> *Все же аналогия с «Оскаром» здесь реально напрашивается.*

мне нужно было дойти до выхода из класса. С каждым шагом с меня сыпалась земля, оказалось, что горы песка за собой можно оставлять не только в старости.

– Павел Викторович, – окликнула меня у самой двери Маша, – у вас еще в волосах земля.

– Маша, если бы только знала, где у меня еще земля, – подумал я и поплелся в туалет. – Доделываем упражнение.

И знаете, что самое удивительное? Доделали.

Огласите весь список!

Мне кажется, что в большинстве своих школьных проблем виноват я сам, точнее мои непонятные ожидания и фантазии. Только сейчас я понимаю, что в систему образования я пришел не просто в розовых очках, а в самом натуральном розовом шлеме. Что, кстати, достаточно странно, потому что все детство у меня перед глазами был пример мамы, учителя начальных классов. И обо всех бумажках, бесконечных совещаниях, нескончаемых тетрадях и прочих школьных прелестях я, естественно, был наслышан. Опыт мамы недвусмысленно давал понять: хочешь хорошо выполнять свои обязанности – нужно пахать. ПАХАТЬ! И никак иначе.

Но то ли у меня с пониманием проблемы, то ли все мы в юности думаем, что уж я-то точно с любой преградой справлюсь, это ж Я, а может, просто дело в том, что пока человек на своей шкуре не ощутит все прелести той или иной профессии, ни о каком «я знаю, что меня ждет» речи идти не может.

С трудом, но все-таки пережив первые полгода в школе, я наконец-таки перестал по часу лежать на кровати после каждого рабочего дня, бессмысленно уставившись в потолок. Освоился? Акклиматизировался? Увы, нет. Все гораздо прозаичнее. С меня сняли почти половину нагрузки. С января в школу пришла новая учительница истории и забрала у меня совершенно непрофильные для моего диплома историю и обществознание.

Не раз видел, как педагоги, подобно французским революционерам, штурмуют кабинет директора, стараясь отстоять свою нагрузку. И порой сражения в этом кабинете действительно напоминают самые натуральные боевые действия. Но это не мой случай. Может быть, это просто я такой хилый, но качественно провести более тридцати уроков в неделю и при этом уделить хоть какое-то внимание своей жизни, по-моему, просто невыполнимая задача. По крайней мере, для меня. Так что я был безумно рад неожиданно появившейся относительной свободе.

Как вы думаете, что я сделал, «отдохнув» пару месяцев?

> *Двадцать уроков и театральный кружок никто не отменял.*

Ни за что не догадаетесь! Я тот самый человек, который САМ попросил дать ему классное руководство. САМ!!! Что тогда творилось в моем воспаленном мозге,

Потому что здоровый человек до этого бы явно не додумался.

я не знаю.

Как я представлял себе работу классного руководителя? Мы с классом будем посещать театры и музеи, ходить в походы, вместе готовиться к праздникам, дети будут делиться со мной своими переживаниями, я буду решать различные проблемы, возникающие в классе. Вот с последним я точно не ошибся. Проблем действительно прибавилось. Да еще каких!

Поиграем в молчанку

Конец августа первое родительское собрание будущего пятого класса. МОЕГО! Все вопросы рассмотрели, во всех непонятных ситуациях разобрались. Остался последний момент – выбор родительского комитета. Составляя план собрания, я искренне думал, что это будет всего лишь формальность. Нет, я, конечно же, понимал, что вряд ли родители будут расталкивать друг друга, пытаясь попасть в заветный список из пяти фамилий, но когда желающих совсем не нашлось, я растерялся.

– Товарищи родители, завтра я должен передать завучу фамилии участников родительского комитета, – присутствующие понимающе кивают головами, но дальше процесс не идет. – Мы в любом случае должны будем выбрать кого-то… Можно будет меняться каждую четверть, чтобы вся нагрузка не ложилась на плечи одних и тех же.

– А давайте совсем без родительского комитета обойдемся? – предлагает чья-то мама с третьего ряда.

– Точно, – голоса поддержки раздаются со всех сторон.

– Вы и сами справитесь, – улыбается милая женщина за первой партой.

– Смотрите, но мы же с вами запланировали столько экскурсий на первую четверть, кто-то должен вместе со мной сопровождать детей, кому-то придется купить билеты… – пытаюсь вернуть обсуждение в разумное русло я.

– А вы не сможете? – удивляется кто-то на втором ряду.

– Я была в комитете в начальной школе, с меня хватит!

– Я работаю!

– Я не работаю, но у меня есть муж!

– А собственно говоря, а зачем нашим детям экскурсии, они уже здоровые лбы, в пятый класс идут. В началке наездились, – в кабинете наступает молчание: подобного поворота не ожидал никто.

– Я понимаю, что у всех есть работа, семья, но, господа, это ВАШИ дети, и если вы хотите, чтобы они развивались и за пределами школьных стен, мы должны с вами работать сообща. При всем желании, а, скажу честно, у меня его нет, я не смогу тащить класс исключительно на себе…

– Жаль…

Проходит пять лет, другая школа, другой пятый класс, тот же самый разговор.

Проходящая по коридору завуч заглядывает в кабинет, потому что замечает, что я молча сижу за столом, а у меня вроде

как сейчас первое собрание в новом классе должно проходить.

– А что, вы уже закончи… – переступает она через порог кабинета и замирает от неожиданности: увидеть в классе толпу таких же молчаливых родителей женщина явно не ожидала.

– Мы родительский комитет выбираем, – объясняю я.

– Почему в тишине? – удивляется завуч.

– А у нас просто желающих не нашлось, и я сказал, что мы будем сидеть здесь до тех пор, пока они все же не появятся. Вот мы и сидим. Ждем.

– Что??? Так, – Елена Николаевна подходит к моему столу и берет список класса, – первые четыре фамилии. Антонов, Артенюк, Базин и Буренова, поздравляю: вы в родительском комитете.

– Но…

– Никаких но, Павел Викторович, записывайте, – командует она мне.

В такие моменты понимаешь, что отношения с родителями точно сложатся.

Успокойте ваших детей!

Но основное веселье началось, конечно же, в сентябре. И продолжилось вплоть до… До того момента, как я отказался от классного руководства спустя два года. Если вам нечем заняться и жизнь кажется скучной в своей беззаботности и однообразии, просто возьмите классное руководство. Эффект гарантирован. При этом очень важно, чтобы вам нравилось всегда быть крайним, постоянно выслушивать замечания и отвечать и контролировать то, что в принципе не в вашей власти.

Достаточно быстро стало понятно, что во всех проблемах детей буду виноват именно я.

ВО ВСЕХ!!! Пожалуй, стоит добавить еще парочку восклицательных знаков.

Ни дети, ни родители, ни даже учителя-предметники, крайним в 99 % случаев оказывается классный руководитель.

Сережа, внимание, ЛЕТОМ, еще раз, НА КАНИКУЛАХ попал под машину, классный руководитель обязан предоставить толпу распечаток, доказывающих, что с Сережей были проведены все соответствующие беседы. Что? Мать Сергея перебегала дорогу на красный свет вместе с ним? Какая разница? Школа во главе с классным руководителем явно не проследила.

Маша решила стать мамой в конце девятого класса? Поздравим Машу и пожалеем ее классную руководительницу, потому что последней, наверняка придется не раз письменно и устно объяснить, как она такое допустила.

Да, это ОНА допустила. Вы не ослышались.

Миша не сделал домашнюю работу по математике, а вы точно сообщали родителям об оценках?

Петю поймали курящим в туалете – как вы позволили такому произойти?

Действительно, как ребенок оказался один в туалете? Мне же надо было его за ручку сопровождать!

Почему Вика пришла без формы? Вы за внешним видом своего класса вообще следите? То есть вы на больничном? Это что, значит, детям можно на физкультуру в джинсах ходить, раз вы дома отдыхаете?

Иванов толкнул на перемене Петрова! Вы с детьми беседы

ведете?

Почему на родительском собрании присутствовало всего двадцать человек? Вы должны обеспечить явку! Как? Но вы же классный руководитель!

Сидоров разлил компот в столовой, срочно спускайтесь на первый этаж и проследите, чтобы он там все убрал.

Почему ваш ребенок… Неужели вы не можете объяснить детям… Заставьте своего…

И, конечно же, мой личный фаворит – ЗАСТАВЬТЕ СВОИХ ДЕТЕЙ УСПОКОИТЬСЯ!

Я прекрасно понимаю, что классный руководитель должен работать в тесном контакте с предметниками, доводить до сведения родителей те или проблемы, возникающие в классе, помогать решать спорные ситуации. Но поддерживать дисциплину на СВОЕМ уроке обязан сам педагог.

Отлично помню, как это все началось. Сентябрь, второй день учебы, середина третьего урока, распахивается дверь кабинета и сияющая, как медный таз, Полина на весь класс, как будто стихотворение на конкурсе читает, рапортует:

– Павел Викторович, Вас срочно к себе вызывает учитель английского языка: у нас там кошмар творится.

Внимание, у меня у самого урок, тридцать детей, за жизнь которых я несу ответственность. Но мое присутствие срочно требуется на уроке английского. Даю детям задание и бегу в конец коридора выручать коллегу.

– Объясните СВОИМ детям…

> *Да нет у меня своих детей, НЕТ! Более того, я сам провел у них всего два урока! Они такие же МОИ, как и твои.*

– Объясните своим детям, как нужно вести себя во время занятий! – учитель английского, кстати, мой ровесник, картинно складывает руки на груди.

На этой же неделе к английскому добавились биология, технология, музыка и физкультура. Все происходило по одному и тому же сценарию: в середине урока с грохотом распахивается дверь и радостная Полина

Хоть бы разных детей присылали…

тарабанила до боли знакомый текст.

Мне вот просто интересно: тем учителям, которым срочно требовалось мое присутствие на их уроке, приходила в голову мысль, что у меня тоже идет занятие?

Поднимаю соответствующий вопрос на совещании,

Господи, кто меня за язык тянул?

и все соглашаются, что это ненормально. Поэтому мне составят расписание таким образом, чтобы я мог ходить на уроки биологии, изо, английского и иже с ними вместе со своим классом. Отличный поворот!

– Что? У вас сегодня урок, и вы не сможете присутствовать на моей музыке? – сокрушается Светлана Петровна. – Ну что ж… Давайте вы возьмете к себе Иванова, Петрова и Сидорова.

– У меня подготовка к ЕГЭ в десятом классе.

– Ничего страшного, они просто тихонько у вас за последними партами посидят. Просто эта банда мешает мне урок вести, поэтому пусть они будут с вами!

А предложения становятся все более и более заманчивыми!

За три года классного руководства я так напелся на музыке, нарисовался на изо и напереводился на английском, что могу с уверенностью заявить: никто, кроме вас самих, не может заставить вас уважать. Конечно, если Ольга Петровна или Сергей Николаевич пользуются у детей авторитетом и умеют управлять аудиторией, они смогут прийти к вам на урок и навести порядок. На КОНКРЕТНОМ уроке. Но едва дверь за ними захлопнется, все вернется на круги своя. Дети отлично понимают, почему на каждом занятии появляется их классный руководитель: учитель просто не может с ними справиться. И пока педагог сам не найдет контакт с классом, все эти показательные нравоучения ни к чему не приведут.

К сожалению, я в этом убедился на собственном опыте. В единственном классе, с которым у меня так и не получилось найти общий язык, была очень хорошая классная руководительница. Заметив, что у меня проблемы с ее классом, а в тот момент я только пришел в школу, не имел никакого опыта и вел у ее детей всего три урока в неделю, поэтому процесс притирки проходил особенно медленно, она предложила периодически приходить ко мне на обществознание. Вот это удача: по четвергам первый урок у меня как раз был в ее кабинете. Казалось бы, что могло пойти не так?

Через пару месяцев я сумел наладить контакт со всеми своими классами, но с ее – все замерло на мертвой точке. Елена Григорьевна в кабинете – мы внимательно слушаем объяснения и работаем, классная руководительница за порог – карт-бланш на дебош. И никакие мои увещевания на детей не работали, потому что гарантом этого самого спокойствия и рабочей атмосферы в данной ситуации был, увы, не я. И что дети, что я сам отлично это

понимали.

Именно тогда я понял, что с проблемами на уроке надо справляться исключительно самому. Все как в реальной жизни: пока не оставишь спасательный круг на берегу, плавать не научишься.

Кто ходит в гости по утрам

Провел пять своих уроков, отсидел на двух чужих,

Музыка особенно удалась: дети целый урок конспектировали учебник.

следом отправляюсь на педсовет и узнаю,

Барабанная дробь!

что теперь я должен не только по школе за своим классом по пятам следовать,

Одно ежедневное дежурство в столовой чего стоит.

но и в дома учеников заглянуть.

На КАЖДОМ педсовете должностные обязанности классного руководителя все пухли и пухли. Казалось бы, куда больше? Ты уже и так буквально погребен под толщей бумажек, справок, докладных, отчетов и, бог знает, что это за листок такой, наверняка очень нужный. Но… всякий раз оказывалось, что это далеко не все, солнце, как вы понимаете, еще высоко, а значит, неграм с педагогическим образованием нужно работать.

Каждого классного руководителя обязали в течение месяца посетить квартиры своих учеников. Вручили огромный лист, который требовал немедленного заполнения, и со словами:

– А как вы можете преподавать, если не знаете, как ваши ученики живут? – отправили в реальный мир.

Может быть, я один такой некоммуникабельный и закрытый, но меня как-то совершенно не обрадовала бы ситуация, когда ко мне в квартиру пришла бы делегация из школы.

– Так вы просто скажите, что чай пришли попить, – посоветовал находчивый социальный педагог.

А, ну это, конечно же, полностью меняет картину. Заходите, гости дорогие, сейчас самовар принесем.

Действительно, зачем нужны участковые и социальные службы? Вон классные руководители без дела сидят, пусть они в холодильник заглядывают.

Про холодильник я упомянул не ради красного словца, это было предложение одного из учителей, которого идея обхода домов очень вдохновила.

Естественно, ему-то никуда ходить не надо было.

Самое удивительное, что в других школах района об обязательном инспектировании квартир с последующими отчетами никто не слышал. Но наша администрация решила перестраховаться и попытаться убить все проблемы в зародыше. Тяжелое материальное положение семьи, отсутствие еды в грязной сковородке, жестокое обращение с детьми, наличие пыли на бабушкином серванте – ничего не должно было скрыться от моего пытливого взгляда.

Но, простите, я провалился по всем фронтам.

У каждого человека есть своя черта, через которую он никогда не переступит. Кто-то ни за что не согласится обидеть слабого, другой – посмотреть сериалы по «ТНТ», третий… В общем, вы поняли: вариантов может быть много. Моя же граница пролегала именно здесь. Ходить непрошеным гостем по домам? Спасибо, но нет.

Письмо президенту

Приблизительно в этот момент я понял, что с меня хватит. Поиграл три года в отца огромного семейства – пора и честь знать. Бесконечные бумажки, отчеты, обязательное посещение ЧУЖИХ уроков, осмотр квартир, нескончаемый поток жалоб от учителей на «моих» детей. Последней каплей было мое выступление в комиссии по делам несовершеннолетних. Не знаю, как у вас, но в мою программу-минимум общение с участковым не входило. А самое главное, мне все еще хотелось работать в школе, но весь тот поток дополнительных обязанностей, которые ложились на плечи классных руководителей, на эту самую работу практически не оставлял времени. Как-то так получилось, что за всеми этими наиважнейшими звонками родителям, контролированием поведения на ЧУЖИХ уроках,

Да-да, я не устану это подчеркивать!

необходимостью следить за тем, как дети едят и убираются в столовой, чередой совещаний и советов профилактик, разбирательств из серии, почему Саша не принес форму, а Маша показала язык Евгению Петровичу… За всем этим весельем приоритеты сами собой поменялись, и я уже в первую очередь был классным руководителем, а уже потом учителем.

Все же не зря в некоторых школах стали появляться освобожденные классные руководители, которые занимаются исключительно классом. Конечно, можно попытаться объять необъятное и, разорвавшись на британский флаг, закрыть собой все бреши на тонущем корабле, но скорее всего что-то одно (либо класс, либо предмет) начнет проседать.

На весеннем родительском собрании сообщаю, что в следующем году в их классе поменяется классный руководитель. Присутствующих эта новость не особенно обрадовала, и у кого-то родилась в голове идея попытаться облегчить мне работу и тем самым удержать меня в классе.

Наверное, у всех был одноклассник, который чаще других попадал в различные неприятности, оценки которого заставляли шевелиться волосы на головах у отличников, а мама которого буквально прописалась в кабинете директора. Тот самый Петя, Коля или Вася, на которого ежедневно жаловались учителя и девочки, и с которым дрались практически все одноклассники. Вот и в моем классе такой Петя был, и при этом не один. Из-за «шуток» одного из них я как раз и познакомился с местным

участковым.

Утро четверга, прошла как раз ровно неделя после собрания, захожу в школу и прямо у входа сталкиваюсь с завучем:

– Что, Павел Викторович, решили прославиться? – непонимающе смотрю на нее, потому что совершенно не знаю, где могло всплыть мое имя. – Про вас теперь даже президент знает.

– Вы что, шутите? Какой еще президент?

Но она не шутила. Прошлым вечером школу оповестили о том, что в ближайшее время к нам приедет проверка, объектом которой станет мой класс, работа социального педагога и собственно я. Дело в том, что кто-то из родителей написал письмо в администрацию президента, в котором изложил свое видение моего «ухода». Там были и опасные для других детей двоечники, и безответственные родители этих самых двоечников, и жалобы на бездействие администрации, и прочие интересные подробности. Но самое главное, что в конце этого послания содержалась просьба: ПОМОГИТЕ КЛАССУ НЕ ПОТЕРЯТЬ ТАЛАНТЛИВОГО КЛАССНОГО РУКОВОДИТЕЛЯ!

Меня удивил даже не факт появления самого письма: президенту ежедневно пишут толпы наивных бабушек по всей стране, а то, что его прочитали и на него даже отреагировали. Наверное, не так, как рассчитывали родители, но все же.

Стоит отдать должное авторам письма на деревню дедушке. Дышать мне сразу же стало легче. В разы! «Молодому и талантливому классному руководителю» пришлось в течение нескольких дней уходить из школы после десяти вечера, потому что тот объем бумаг, который затребовала комиссия, превосходил самые смелые ожидания даже видавших виды крючкотворцев.

– Павел Викорович, теперь-то вы от нас не уйдете? – поинтересовалась на следующий день мама Саши.

– Теперь точно не уйду, меня, скорее всего, просто уволят, – пошутил я, хотя уже не до конца был уверен, что это действительно шутка.

Уволить меня, конечно, не уволили, но выводов я для себя сделал два. Первый – больше никогда и ни за что я не буду классным руководителем. И второй – писать письма президенту не такая уж глупая затея.

Пожалуйста, не пишите.

Денег много не бывает

Одна из самых обсуждаемых тем, связанных с образованием, – это поборы. Все мы видели ролики в Сети, в которых учителя в грубой форме требуют от родителей или порой даже учеников денег на ремонт класса, новые полы, подарок директору и прочие необходимые вещи.

Блогеры активно обсуждают подобные темы, пытаясь собрать как можно больше лайков и просмотров, а в комментариях под такими видео творится настоящая вакханалия. Некоторые дети

> *Я все же надеюсь, что подобные сообщения пишут дети, а не взрослые.*

с серьезным видом пишут, что их якобы должны бесплатно водить по театрам и музеям, и раз с родителей собирают деньги на билеты, значит, учитель активно копит на новый модный телефон. Другие с видом знатока утверждают, что ежегодно в КАЖДУЮ школу выделяются просто баснословные деньги. Он, конечно, сам не видел, но откуда тогда у химички новое кольцо на пальце? Ну а уж то, что учителя просто обязаны оставлять себе большую часть денег, собранных на учебники и тетради, и вовсе не обсуждается, это и так понятно.

Не буду говорить за всех учителей и за каждую школу России, расскажу лишь свою историю удивительного обогащения.

Когда я начал работать учителем, все эти громкие истории вытрясания денег на шторы и половики как раз начали активно обсуждаться на телевидении. И поэтому на первом же педсовете директор ясно дала понять: к деньгам мы не прикасаемся. Вообще. Никаких сборов на поездки и праздники. Это ты знаешь, что родители на собрании решили порадовать своих детей подарками на Новый год, а вот мама Пети уверена, что ты решил собрать кругленькую сумму и укатить в январе на Таити.

> *Скажу честно, мне эта политика моего полного отсутствия в финансовых делах класса очень нравилась. Но все проблемы она, увы, не решала.*

Да, школа обязана обеспечить учеников учебниками. И в тех учебных заведениях, где я работал, она действительно это делала. Только вот в учебный комплект большинства предметов входит не только учебник, но и рабочая тетрадь, и вот ее никто в школьные библиотеки не присылает. Стоят эти пособия совсем недешево,

поэтому требовать, чтобы родители покупали их на каждый предмет…

– Но ведь школа обязана обеспечить… – дальше можете не договаривать, обязана – не обязана, это отдельный вопрос, но в школах их нет, во всяком случае, в абсолютном большинстве. Просто примите этот факт или напишите президенту, как мы недавно узнали, он иногда отвечает на корреспонденцию. Поэтому можно, конечно, требовать справедливости и встать в позу, но тогда дети будут учиться, как и сорок лет назад, с одним учебником,

Вот она модернизация образования.

либо придется самим покупать эту самую дополнительную, но такую нужную литературу.

Безусловно, было бы просто замечательно, если бы государство обеспечивало школы этими учебными материалами, и в каком-нибудь идеальном обществе так и есть, но в российских реалиях все несколько иначе.

Каждый человек, сталкивавшийся с ЕГЭ и ОГЭ, конечно же, знает красивые глянцевые книжки с вариантами КИМов, представить подготовку к экзаменам без них уже практически невозможно. Есть ли эти книги в школе? Нет. А знаете, где их можно найти? Правильно, в книжных магазинах. Как это называется? Тоже верно, поборы!

Во всяком случае, именно так отреагировала мама девятиклассника, когда мне впервые пришлось заговорить об этих пособиях.

– Школа обязана сама дать моему ребенку эту книгу! Я ничего покупать не буду!

В итоге покупать пришлось мне, потому что никто, естественно, и не планировал их закупать на целую школу, так как эти пособия не входят в обязательный перечень литературы.

Веселая, кстати, ситуация получается: конечная точка нашего современного школьного образования – ЕГЭ, а ни одна книга, которая помогает подготовиться к этому самому экзамену, в комплект обязательных учебных пособий не входит. Поэтому либо тетрадь купят родители, либо в магазин отправится Павел Викторович, потому что Сережу, мама которого отлично знает свои права, но совершенно не представляет, что творится в школе, как-то к экзамену готовить все же надо.

На первом же занятии даю Сергею свою тетрадь, но прошу работать в ней карандашом, чтобы я в дальнейшем мог ей воспользоваться. Естественно, тетрадка вернулась вся исписанная и совсем не карандашом, так еще и жирная надпись на обложке

недвусмысленно давала понять, что это собственность Сережи.

Чтобы как-то контролировать поток финансов, которые родители тратят на учебные пособия, а сколько стоят современные учебники, я думаю, вы представляете, было решено, что в одном классе у детей может быть всего три рабочие тетради на печатной основе. Понятное дело, русский язык в это число не попал.

Первым номером, конечно же, значился ОБЖ, потому что преподаватель именно по этому предмету громче всех доказывала на педсовете, что изучение ураганов, противогазов и жгутов немыслимо без рабочей тетради, так только там самые необходимые письменные задания. Второе место ушло биологии, так как все учителя, в том числе и администрация, понимали, что в нашей школе только наличие тетради спасало учеников от двоек на этом предмете. Дело в том, что всю четверть ВСЕ классы стояли на ушах, ничего не делали и веселились, а в последнюю неделю списывали из Интернета ответы на пару десятков заданий из этой тетради, что и гарантировало хоть какие-то положительные оценки. Можно было бы, конечно, задуматься об уровне преподавания биологии, но заставить учеников купить тетрадь и отправить меня следить за дисциплиной на чужом уроке гораздо проще. Последний счастливый билет получал английский. Тут я ничего комментировать не буду, потому что отлично понимаю, что на этом предмете тетрадь, действительно, наиболее интегрирована в учебный процесс и ее наличие на столах подразумевается авторами большинства программ.

Как вы уже поняли, русский язык в число привилегированных предметов не попал. Да и с чего? Это же всего лишь обязательный экзамен, куда ему соперничать с ОБЖ.

> *Не хочу обидеть преподавателей ОБЖ. Но ситуация, когда учитель по предмету, который, безусловно, нужен, но не входит в число экзаменационных, доказывает, что остальным нужно срочно расступиться, действительно странная.*

Сколько, по мнению комментаторов из Интернета, ежегодно откладывает в свой карман среднестатистический учитель? Много, очень много, я бы даже сказал: неприлично много. Но я опять как-то выпадаю из общей статистики, которой так любят размахивать сетевые тролли.

Недавно пытался высчитать, сколько я денег ПОТРАТИЛ на школу, и, дойдя до сотни тысяч, решил прекратить свои подсчеты, чтобы не расстраиваться. Дидактические материалы по литературе и русскому для каждого класса, дополнительные

задания в форме ЕГЭ, рабочие тетради, карточки и прочие пособия. Когда я уходил из школы, мне понадобилось больше десяти дней, чтобы перевезти домой все те книги, которые я купил в свой кабинет. Каждый день выходил из школы с двумя огромными сумками,

Набитыми, увы, не деньгами.

а полки шкафов даже и не думали становиться пустыми.

Я сейчас не буду строить из себя человека, который продал последние штаны, лишь бы купить тетрадей для любимых учеников. Да, и кроме того, мне очень повезло с родителями, которые очень часто сами вызывались приобрести нужные пособия. Но отлично понимая, какой сейчас стоит в обществе эмоциональный фон относительно денег и образования, я старался свести финансовую вовлеченность родителей к минимуму.

К расходам на книги я был морально готов, а вот предположить, что обязательной статьей моего бюджета станет пленка для мебели, я не мог.

Последние два года преподавания в подмосковной школе мне приходилось совмещать с еще одной работой, поэтому в своем кабинете

На второй год мне все же его выделили. Ура!

я находился с понедельника по среду, а в остальные три дня в нем работали другие учителя.

Помните, как я возмущался неприветливости и суровости учителей, в кабинетах которых мне пришлось работать в первый год? По-настоящему я их начал понимать в тот момент, когда в моем кабинете заменили мебель. Первые два года ученики сидели за старыми советскими партами, да красивыми их было назвать уже нельзя, их прочность тоже начинала вызывать сомнения, но, во всяком случае, они не были источником постоянной головной боли. Поменяли их на относительно новые.

Лучше бы не меняли, серьезно!

Когда стильную модную молодежную мебель принесли в класс, первое, о чем я подумал: над дизайном вещей как следует поработали крысы. На каждой парте была какая-то непонятная пластиковая пленка, имитировавшая деревянную поверхность. Оторвать бы руки тому, кто придумал ее наклеить. На большинстве парт этой странной пленки оставалось процентов

пятьдесят, на свободной же поверхности красовалась изрисованная детьми ДСП.

Павел Викторович, мы вам в класс новые парты принесем… Ну, практически новые.

Проблема заключалась в том, что полностью оторвать ее не получалось, и поэтому практически на всех столах образовалась острая каемка с неровными краями. До сих пор не понимаю, как никто себе руки не порезал.

Каждый понедельник заходя в класс, я наблюдал одну и ту же картину: пленки становилось все меньше и меньше, острых обглоданных краев все больше и больше, а уж рисунки на партах спокойно можно было выставлять в картинной галерее, потому что по исполнению, что по размеру они туда отлично вписывались. Стереть шедевры наскальной живописи не представлялось возможным, потому что поверхность, скрывавшаяся под злосчастной пленкой, буквально впитывала в себя чернила. Найти виновных – тоже. Кого бы я ни спрашивал из педагогов, все в один голос утверждали, что все так и было. Я не я, и лошадь не моя.

Заниматься за партой, исписанной любовными стихами, смешанными с угрозами какому-то Сереге, удовольствие ниже среднего, поэтому мы с родителями попытались закрасить столешницы. Но краска просто предательски расползалась по столу, снова и снова обнажая улыбающуюся физиономию то ли Иванова, то ли Петрова.

Пришлось идти в строительный магазин и купить несколько рулонов пленки, которой обклеивают мебель, чтобы скрыть следы работы молодых Васнецовых и Моне. Пятнадцать парт. Хотел сказать: пятнадцать рулонов, но нет, их было меньше, но все же.

– Пустяки, – подумал я, наслаждаясь видом преобразившихся парт. – Это того стоило.

В тот момент я еще не знал, что мне придется каждые две недели отправляться в этот магазин и закупаться новыми партиями пленки. Ухожу из школы в среду – чистые парты, прихожу в понедельник – все оборвано, изрисовано и… Остановимся на этом.

Хотя слово «загажено» подошло бы гораздо больше.

Естественно, никто ничего не знает, у всех ученики сидят тише воды ниже травы, и вообще, идите-ка вы за новой партией пленки.

За несколько лет я настолько примелькался в строительном

отделе, что мне уже просто молча протягивали мои ненаглядные рулоны и отправляли к кассе.

За месяц до моего увольнения из школы в мой кабинет купили новую мебель.

На этот раз действительно новую.

Именно в этот момент я понял значение слова «ирония».

Так что, может быть, для каких-то учителей школа и является местом неземного обогащения, для меня же…

У меня вечно все не так, как у людей.

Честь школы

Пришло время перейти к той части, которая непременно должна понравиться всем двоечникам и троечникам. Давайте перемоем косточки отличникам, а точнее медалистам.

– Медалисты – это честь школы! – заявляет на педсовете директор и через пару секунд уже другим тоном, повернувшись к окну, добавляет, – Маше тройки не ставим.

Какая-то странная честь получается… Нам, конечно же, еще Пушкин объяснил, что ее надо беречь смолоду, но когда эту самую честь тащат к заветной медали, а она, как назло, никак не тащится, возникают совсем другие мысли.

Я всегда был против рисования оценок, и это касается не только двоечников, но и отличников. Нет, конечно же, у всех случаются оплошности, и из-за одной контрольной портить ребенку аттестат я бы, естественно, не стал. Хочешь пятерку? Ради бога, приходи исправляй.

Но, к сожалению, достаточно часто о медали мечтает не столько школьник или его родители, сколько администрация школы, и вот тогда всем причастным приходится периодически недовольно вздыхать и отводить глаза. Учителям, которые сталкиваются с тем, что ребенок совершенно не разбирается, да и не хочет разбираться в твоем предмете, но «он же идет на медаль», а поэтому оценки в журнале появляются едва ли не сами собой. Одноклассникам, которые отлично понимают, кто действительно шарит, а кто исполняет роль репки из всем известной сказки. Самому «медалисту», если у последнего, конечно, есть совесть, а то иногда можно встретить и таких субъектов:

– Вы мне не имеете права ставить плохую оценку: я иду на медаль.

А потом получаем забавную ситуацию, когда золотая медалистка сдает ЕГЭ по русскому практически хуже всего класса. Интересуюсь у ее преподавателя, как так получилось.

– Да она на тройку еле знает, там ошибок море во всех работах. Но не буду же я ей портить аттестат.

Точно так же «вошли в положение» и решили не стоять на пути светлого будущего юного дарования учителя истории, химии и физики. Вот так и куется слава школы.

Понятное дело, что одинаково хорошо разбираться во всех предметах практически невозможно, и требовать, чтобы ребенок, претендующий на пятерку, был лучшим на каждом уроке, как минимум странно. Но… Если мы говорим об отличнике, а не

просто об умном ученике, по двум предметам у него точно должны быть твердые пятерки. По русскому и математике.

– Но если я гуманитарий? И математика – это вообще не мое?

Отлично. Хотя на самом деле радоваться тут особо-то нечему. Ты можешь стать выдающимся филологом, потрясающим журналистом и вообще тем самым парнем, которому завидуют все на встрече выпускников. Но если ты совершенно не разбираешься в математике или пишешь абсолютно безграмотно, ты кто угодно, но точно не отличник.

Возможно, я рассуждаю совершенно неверно, но именно такая позиция позволила мне избежать активного рисования в журнале, и никто не просил меня закрывать глаза на очевидные дыры в знаниях. Хотя несколько раз все же пытались.

Гендерные стереотипы

В конце октября ко мне подходит завуч с очень интересным предложением, от которого обычно не принято отказываться. Возможно, потому что это вовсе не было предложением. А не хотим ли мы сделать Женю отличником?

– Павел Викторович, я вчера присутствовала на родительском собрании, и мы с Еленой Сергеевной и мамой Жени решили, что он будет идти на медаль.

В этой фразе прекрасно все. Завуч с мамой и классным руководителем решили, что у ребенка должна быть медаль. Ну не прелестно ли? Больше всего меня интересовало: видели ли они оценки Евгения в журнале и знал ли сам виновник торжества об уготованном ему пути.

– Я уже всех учителей предупредила.

Может быть, я, конечно, чего-то не понимаю, но мне всегда казалось, что о том, что у старшеклассника выдающиеся способности и что вполне логичным завершением его школьной дороги длиной в одиннадцать лет является медаль, предупреждать никого не нужно, если человек действительно выделяется на фоне одноклассников. А когда приходится обходить всех педагогов с этой приятной вестью, ситуация как минимум странная.

Особую пикантность добавлял тот факт, что у Жени по русскому языку выходила твердая… тройка. Да, в его тетрадях периодически мелькали четверки, но и двойки там были ничуть не более редкими гостями. Ну чем не медалист? Можно сразу на доску почета фотографию отправлять.

– Просто Женя – достаточно умный мальчик, – заметив мое удивление, решила разъяснить ситуацию Светлана Петровна.

Как и с «хорошим человеком», умный да еще и в достаточной степени мальчик не профессия, и уж тем более не повод вешать на шею медаль. Пытаюсь выяснить, почему на роль уже упомянутой выше репки, которую вся школа будет в течение ближайших двух лет изо всех тянуть, назначили именно Евгения. В классе и кроме него хватало достаточных и умных детей, которых выгодно отличало отсутствие тройки по русскому языку.

Все же опыт медалистки с заваленным ЕГЭ по русскому, похоже, ничему не научил.

– Понимаете, нам не хватает мальчиков, – завуч перешла к финальному аргументу.

Кому и где их не хватало, было совершенно не понятно: в десятом классе парней было ничуть не меньше девушек.

– Все последние медалисты были девочками, хорошо бы, чтобы теперь к ним и мальчик добавился.

Ах, вот оно что. Среди фамилий на доске почета просто не хватало мужской, а мы же живем в двадцать первом веке, равноправие шагает по планете, а тут такое упущение. Надо срочно исправлять.

Давайте признаем, и у мужчин, и у женщин бывают в жизни ситуации, когда принадлежность к тому или иному полу обеспечивает определенные преференции, но чтобы кого-то решили сделать отличником исключительно на основании гендера. Это, по-моему, уже перебор. Феминистки, пришло время возмущаться!

Вода камень точит

Если в предыдущей истории администрация задумалась о медали только в десятом классе, героиня следующей ситуации решила не откладывать дело в долгий ящик, а схватить быка за рога уже на пятый год учебы сына.

Согласитесь, это приятно, когда родители думают, что ты маленькая блестящая звездочка, впереди тебя ждет исключительно успех и вообще ты самый-самый. Только вот к самым-самым и требования чаще всего предъявляются соответствующие. А пока ты не учишься в Оксфорде, на твоей шее не красуется олимпийское золото, а твои картины не выставлены на всеобщее обозрение в Лувре или Третьяковке, гордиться тебе абсолютно нечем. Мало быть сильным и спортивным, ты должен быть чемпионом! И какие еще девяносто баллов на экзамене, если есть сто?! Кого-то эти фразы, наверное, мотивируют, особенно, если ты тоже считаешь, что во лбу у тебя звезда, которая вот-вот осветит своим волшебным светом все самые далекие уголки Вселенной. Но, если подросток понимает, что он не самый-самый, а обычный, нормальный,

> *Что в последнее время в глазах некоторых людей стало едва ли не оскорблением.*

а родители продолжают лепить из него недостижимый в своей неприступности идеал, закончиться все может весьма печально.

Конец августа, заканчивается первое родительское собрание будущего пятого класса,

> *Да-да, именно то, на котором мы в течение n-ного количества времени пытались выбрать многострадальный родительский комитет.*

и ко мне подходит чья-то мама. Я на тот момент еще, естественно, никого не знал.

– Мы идем на медаль!

> *Первая, блин, фраза! Первая! Пятый, блин, класс! Какие там здравствуйте и приятно познакомиться?! Мы на медаль идем!!!*

Как оказалось, в дальнейшем мы проведем еще много-много бесед, главной темой которых будет эта самая медаль.

На следующей неделе знакомлюсь с самим будущим медалистом. Хороший, скромный, очень старательный мальчик, но, увы, без намека на гениальность. С одной маленькой проблемкой – медалью на шее, которая ему своим блеском и тяжестью дышать мешала.

Ребенок не мог нормально отвечать у доски, потому что не имел права на ошибку. Ведь если ты ошибся или запнулся, это уже не отлично, а значит – провал. Он рот боялся открыть, а то вдруг что-нибудь не то скажет, ведь мама за любую оценку, кроме пятерки, буквально голову была готова оторвать. Перед каждой контрольной его в прямом смысле слова трясло, как белье в сушилке, потому что он отлично понимал, к чему приведет любая ошибка.

Иногда мать закатывала сцены прямо в школе, на глазах у изумленных одноклассников. Встречала сына на первом этаже, доставала из рюкзака дневник и начинала отчитывать за каждую четверку, не дожидаясь, пока они выйдут из школы.

Можете предположить, как складывались отношения ее сына со сверстниками.

Проблемы только усилились, когда уже в шестом классе стало понятно, что мальчик не то что не отличник, у него не по всем предметам четверка-то может выйти. Но матери было глубоко наплевать на способности сына, ведь она точно знала, что он самый умный, вот только стараться не хочет. А когда оказалось, что сильнее давить на ребенка уже просто невозможно, женщина переключилась на вредных учителей во главе с бессовестным Павлом Викторовичем. Педагоги придирались, другим оценки завышали, а ее сыну систематически занижали, да и вообще она кандидат педагогических наук, а потому ей лучше знать.

А теперь просто представьте: одно дело, когда за партой в слезах сидит второклашка, потому что он получил четверку за административный диктант. Кто-то покажет пальцем, другой хихикнет, третий пожалеет, но особого интереса это, скорее всего, не вызовет. Подобные сцены не являются редкостью в начальной школе. И совсем другое, когда у доски, на виду у всех, рыдает шестиклассник, потому что он допустил ошибку в словарном слове. Знаете, какая реакция была у одноклассников? Удивитесь. Никакой! Дети привыкли, что Петя плачет практически каждый день, это даже шуток не вызывало, это стало нормой.

Семья поставила перед ребенком такую высокую планку, до которой он при всем желании не мог дотянуться. Но упорные

родители, которые четко видели своего сына на сцене с медалью на шее, продолжали «работать» с сыном. Сколько бы я ни пытался объяснить матери, что это ненормально, отправлял ее к школьному психологу, администрации, в надежде, что, может быть, хоть там до нее достучатся. Но ответ был один и тот же:

– Я знаю потенциал моего ребенка, он может и будет учиться на отлично! У нас у всех в семье золотая медаль, и мой сын не станет исключением.

К сожалению, стал, только вот мать так и не смогла смириться с тем, что ее сын не может учиться на сплошные пятерки. Истерики, три школы за спиной и сломанное детство. Но зато как красиво бы смотрелся одиннадцатиклассник Петя на сцене в идеальном черном костюме и долгожданной медалью в красивой коробочке. Ради такого стоило потерпеть, наверное…

Курить – здоровью вредить!

Скорее всего, у каждого классного руководителя была ситуация, связанная с курением учеников. Сколько бы душещипательных бесед ни проводили, какие бы кричащие плакаты ни рисовали, кому-нибудь обязательно захочется почувствовать себя взрослым. Некоторых это желание обуревает прямо в школе. В туалете. Вот и моего пятиклассника Никиту поймали с дымящейся сигаретой на уроке в окружении белых друзей. Наверное, прятки с сигаретой между раковинами и пахнущими хлоркой унитазами еще больше усиливают ощущение самостоятельности и близости полноценной взрослой жизни.

Естественно, на следующий день перед первым уроком в моем кабинете ровная шеренга: несчастный курильщик, который теперь кажется даже младше своего возраста, завуч, социальный педагог и я.

У Никиты еще проблемы с учебой были, поэтому такой парад звезд собрался. Не каждая сигарета к малому педсовету приводила.

Не хватает только мамы.

Кто бы сомневался!

Выглядываю в окно – бежит! С сигаретой. И вот буквально у самой школы, прямо перед другими родителями и детьми, бросает ее в кусты. Красота!

Дальше все как обычно.

– Не знаю, в кого он такой…

В меня, наверное.

– Он мне еще в начальной школе обещал, что бросит.

Да-да, вы не ослышались. Наш Никита оказался курильщиком-рецедивистом, который вот уже несколько лет пытается избавиться от тяги к никотину.

– Я ему покажу дома, где раки зимуют.

К сожалению, не всегда умею держать язык за зубами. Точнее, чаще всего в лоб говорю то, что думаю. В общем, я посоветовал не проводить выездной урок биологии с подробным разбором зимовки ракообразных, а показать сыну, как бросить курить. На

собственном примере.

Чем закончилась эта история, я думаю, вы и сами можете предположить.

Хочешь вслух рассказов длинных?

После очередного родительского собрания, на котором я в десятый раз напомнил собравшимся:

– Уважаемые родители, дети в шестом классе должны уметь читать!

Читать они, конечно, на первый взгляд, умели, но вот слушать это чтение… До сих пор иногда просыпаюсь в холодном поту: мне кажется, что они по цепочке читают. А уж какое количество детей переходит в старшую школу, научившись складывать слоги в слова, но совершенно

Чтобы вы лучше поняли, напишу так: СОВЕРШЕННО!

не понимая смысл прочитанного. Хотя чему удивляться, если даже министр просвещения признает, что четверть россиян не обладает навыками функционального чтения.

Да-да, та самая книга с фигой, о которой мы все слышим с самого детства…

И вот подходит ко мне родительница и спрашивает:

– Павел Викторович, как заставить полюбить читать?

В словосочетании «заставить полюбить» прекрасно все.

– Она приходит домой, сделает уроки и сидит YouTube смотрит. Книгу в руки не возьмет!

Интересуюсь, а часто ли женщина сама читает и что вообще делает семья по вечерам.

– Нет, что вы! Я-то, конечно, не читаю: мы просто с мужем устаем сильно после работы. Телевизор смотрим. Но вот шкафы у нас просто забиты книгами, от бабушки остались.

А вот дети после семи далеко не всегда интересных уроков и выполнения тонны домашнего задания не устают, конечно. Это просто хобби такое! Отличная логика! Я вот буду Малахова смотреть, а вот ты иди книжку читай, наслаждайся! Чтение – это такое удовольствие!

Наверное, именно поэтому такие родители ничего не читают: хорошего понемножку.

С чего вдруг ребенок должен вдруг воспылать страстной

любовью к книгам, если его к этому никто не приучил, и не фразами:

– А-ну, давай люби!

А собственным примером.

Пока вся семья сидит у телевизора, немного самонадеянно ожидать, что просто наличие в доме книжного шкафа заставит ребенка проводить вечера с книгой.

Но почему-то люди продолжают верить, что у учителей есть какая-то волшебная палочка или магический пендаль, который сможет изменить интересы ребенка, которые были сформированы семьей. Спешу вас разочаровать: не сможет, как бы ни хотелось.

Когда опускается занавес

Но не только родителями, оценками, спорами с администрацией и прочими очень важными материями наполнены красочные будни педагога.

> *Серыми их точно назвать не могу, потому что каждый день проходил под девизом «Началось в совхозе утро», и очередной понедельник таил в себе множество совершенно неожиданных поворотов и… отчетов.*

Честно скажу, я практически не помню ситуаций, когда после последнего урока мой кабинет полностью пустел. Даже в те годы, когда я не был классным руководителем, в моем классе всегда собирались дети. Кто-то приходил делать домашнее задание,

> *Почему-то некоторые пятиклашки считали, что рядом со мной им думается лучше.*

другие – поделиться эмоциями, накопившимися после алгебры, третьи интересовались, не нужна ли мне какая-либо помощь, четвертые, ни о чем не спрашивая, молча подходили к доске и начинали приводить ее в «человеческое состояние». Не уверен, что у кого-то еще в школе столько раз в неделю расставляли книги на полках, поливали цветы, двигали парты и проводили массу других совершенно необходимых манипуляций, без которых мой кабинет, конечно же, превратился бы в самый настоящий свинарник.

Естественно, были и огромные рисунки на доске, и записки на столе, и ароматные пирожки из столовой на салфетке – непременные атрибуты кабинета молодого педагога. Да, дети тянутся к молодым учителям, потому что подсознательно ощущают, что те могут их понять: ведь сами еще совсем недавно были детьми. И я сейчас все это описываю не для того, чтобы похвастаться, мол, посмотрите, как меня дети любили, ну золото же, а не педагог.

> *Будь у меня такая цель, я бы вас пригласил зайти на мой канал в раздел комментариев. Вот уж где точно самый настоящий праздник самолюбования. Кстати, раз уж зашла речь – заходите!*

А потому что именно такие моменты и давали силы в самые тяжелые дни. И я сейчас, естественно, говорю не об открытках и

булочках на столе, а о желании детей проводить с тобой свое СВОБОДНОЕ время. А это действительно ценно. Как у нас сейчас любят говорить в средствах массовой информации: молодежи ничего, кроме гаджетов, не нужно. Так вот вместо того, чтобы бежать со всех ног домой к любимому компьютеру или развалиться на лавке в школьном коридоре и играть в «Майнкрафт», дети приходят к тебе. И да, я этим горжусь.

Однажды подруга сказала мне, что ученики просто пытаются подлизаться, втереться в доверие и заполучить хорошую оценку на ближайшей контрольной. Да, мы никогда не узнаем, что стоит за тем или иным поступком человека: проявление искренних чувств или точный расчет. Но одну попытку «подлизаться» я помню до сих пор.

Закончился седьмой урок у восьмого класса, мне нужно было срочно бежать на совещание, и я, конечно же, забываю назначить дежурных. Вернее, напомнить им, что это последний урок, а значит, необходимо остаться убраться.

> *Да-да, в той школе нещадно эксплуатировали учеников и применяли бесплатный детский труд. Чтобы окончательно вас добить, добавлю, что там еще и субботники периодически проводили. КАКОЙ КАААШМАР! Куда министерство образования смотрит?! Согласен.*

О том, что поднимать стулья теперь придется мне, потому что об этом я тоже не напомнил,

> *Пустая голова!*

я вспомнил, только переступив порог кабинета завуча. Ну, будем считать, что физическая нагрузка еще никогда и никому не вредила. Полтора часа интереснейшего совещания пролетели, скажем так, незаметно, поднимаюсь на свой второй этаж и замечаю, что из моего кабинета выходит четверо десятиклассников, у которых сегодня должна была быть дополнительная алгебра, и поэтому они все еще были в школе. Захожу в класс и вижу, что все стулья подняты, парты стоят ровно и даже доска, которая, к слову, была просто ужасна, помыта.

> *Самая плохая доска в школе… (ну, может быть, и не самая, но в топ-3 она точно входила) естественно, была в кабинете русского языка. Ни один нормальный мел на ней не писал, только если кусок буквально разваливался у тебя в руках и оставлял после себя иней крошек, можно было рассчитывать, что написать что-то получится.*

Когда в новой школе мне выделили кабинет с нормальной современной доской, я с трудом сдержался, чтобы не расцеловать и завуча, и доску.

Их никто об этом не просил, более того, никаких дивидендов за свою тягу к труду и чистоте они тоже не могли получить: демонстративно изображать школьную версию Золушки было просто не перед кем. До сих пор вспоминаю этот эпизод с улыбкой. Сами понимаете, не пришлось стулья поднимать!

Все дороги ведут к ЕГЭ

Писать книгу о современной школе и не упомянуть Единый государственный экзамен, конечно же, нельзя. Ведь во многом именно он изменил лицо российского образования и превратил процесс обучения в старших классах в банальное натаскивание. Но обо всем по порядку.

Сколько раз я слышал рассказы о том, что наши гениальные ученики изучают дроби в каком-нибудь пятом классе, а вот тупые американцы знакомятся с ними чуть ли не в десятом.

Еще один повод для национальной гордости! И это я еще про их госдолг не упоминаю.

Но, по-моему, странно оценивать образование в середине процесса. Вряд ли кто-то при выборе детского сада для своего ребенка рассуждает:

– Мы идем именно в «Незабудку», потому что второй год ясельной группы там просто идеальный!

Главная задача образования, во всяком случае, именно так ее вижу я, – получить хорошего специалиста. Не знатока дробей в седьмом классе, а грамотного врача, не магистра дискриминантов в девятом, а хорошо подготовленного инженера. И вот тут-то и возникают определенные проблемы.

Не хочу рушить хрупкое душевное равновесие одного из самых престижных вузов России,

Каждый сам подставит нужное название.

но выпускники Оксфорда, Гарварда или Йеля на международной арене цениться будут все же больше. И это при том, что с дробями они в начальной школе не знакомились. Но как же так?

На мой взгляд, первостепенная задача школы – дать отличную базу основных знаний.

Подчеркиваю, БАЗУ ОСНОВНЫХ знаний.

Ту базу, на которой вуз и сможет построить будущего специалиста. К сожалению, в массе своей наша школа проваливается в этом направлении.

Чем, к примеру, занимается современный российский учитель в такой же современной и не менее российской школе в старших классах? Учит? Я вас умоляю… Пытается сделать все

возможное, чтобы ученик сдал ЕГЭ, а это не одно и то же.

Если все дороги ведут в Рим, то вот все уроки упираются в ОГЭ и ЕГЭ! А что же требуется от выпускника на этом самом едином экзамене? Может быть, база? Ага, точно.

Заходишь на YouTube почитать комментарии, и волосы встают дыбом от тех ошибок, которые допускают зрители. Я не граммар-наци, но когда человек гордо заявляет в сообщении:

– Я люблю чЁтать!

Это уже финиш!

Когда ученик одиннадцатого класса не понимает, что умножить на сто – это значит приписать два нуля, и вместо этого пытается умножать на сто В СТОЛБИК!!! Это проблема.

> *Я бы сам никогда в это не поверил, если бы, будучи организатором ЕГЭ по математике, не наблюдал это своими глазами. Одиннадцатиклассник умножал на сто в столбик и получил, внимание, неправильный ответ!*

Когда этот же самый ученик ищет на карте Англию где-то в районе Мадагаскара, это тоже проблема. А вот не знать, что такое логарифмы или придаточное уступки, – это нормально, потому что в реальной жизни это понадобится… никому. За очень маленьким исключением.

Работая в восьмом и девятом классе, я тратил массу времени, чтобы объяснить детям, что такое последовательное и параллельное подчинение придаточных и тому подобное. Кому эти знания понадобятся в жизни? Может быть, Марине, которая тетрадь не может подписать без ошибок. Но эти темы есть на ОГЭ.

Очень интересно: почему?

Вместо того чтобы работать над тем, чтобы очередная гламурная цыпа не писала у себя в статусе в ВК: «Я крутая девчЁнка!»

Да-да, именно так: с буквой Ё.

Я пытался объяснить детям, недавно приехавшим из Средней Азии и толком не умеющим говорить по-русски, что такое соподчинение.

Почему этим не может заняться вуз? Если человек осознанно решил связать свою жизнь с языками, вот пусть ему там эти темы и объяснят на первом курсе института.

Открою сейчас страшную тайну: а там это и будут

еще раз объяснять.

Зачем Маше Пупкиной логарифмы и дискриминанты, если она таблицу умножения толком не знает? Неужели не полезнее на уроках русского языка учить детей грамотно писать, на уроках математики – правильно считать, а инженеров, экономистов и лингвистов готовить уже в вузе.

У современного учителя русского языка нет возможности подготовить грамотного человека, который хотя бы простейшие слова пишет без ошибок, потому что вместо того, чтобы отрабатывать основные правила, мы все свои силы бросаем на то, чтобы подготовить безграмотного Петю к ЕГЭ. Потому что ЕГЭ по русскому языку может сдать и безграмотный. Вот в чем парадокс!

И вот выходит наш Петенька во взрослую жизнь, научившись находить причастные обороты в тексте, а при этом слово «корова» пишет с ошибкой.

Каждый человек должен уметь читать, писать и считать без ошибок. И в нашем образовании почему-то считается, что все это ребенок умеет делать уже после начальной школы. Но уметь пЕсать и писать без ошибок – это две огромные разницы.

В пятый класс приходит просто толпа детей, которые слово «местность» пишут без буквы Т и с трудом умножают на девять. И что же с этим делает старшая школа? Правильно, пытается впихнуть еще больше знаний. А зачем, если и старых-то по факту у ребенка нет?

Посмотрите ролики на YouTube, где все поголовно шутят о том, что сидят себе на каком-нибудь уроке физики и не понимают ни слова. И с каждой новой темой эта ситуация только усугубляется. А теперь представьте, если бы школа давала только базовые знания и курс физики восьмого класса изучался бы, к примеру, два года. Количество выпускников, понимающих эту самую физику, увеличилось бы в разы.

– Но а как же те, кому нужна физика?

А вот для этого должны быть курсы углубленного изучения наук. Нужен урок базового русского языка, где поголовно безграмотных российских детей научат писать без ошибок и ставить запятую перед союзом что. А те, кто отлично справляется с этим и так, идут на курсы углубленной словесности. Зачем в течение нескольких уроков пытаться объяснить толпе детей, что такое логарифмы, если на это же объяснение можно потратить раз в десять меньше времени в институте, когда перед тобой в аудитории сидят только те, кому нужна математика, кто в ней разбирается и кто получил отличную базу в школе.

Вот поэтому в некоторых странах и изучают какие-нибудь

дроби в восьмом классе, потому что гораздо полезнее фундамент сделать прочнее, чем настроить двадцать семь этажей без какой-либо опоры внизу.

– А как тогда человек поймет, что ему близко, если школа будет давать только базовые знания?

Вот серьезно, кто из вас сидел в школе и вдруг:

– О, деепричастный оборот! Русский – это мое! До этого урока даже предположить такого не мог.

Или на алгебре:

– Это что парабола? Вот теперь-то я понял, что у меня склонность к математике!

> *Вам уже учитель четвертого класса скажет, кто математик, кто гуманитарий, а кто Паша.*

Пока государство будет требовать от выпускников школ знаний студентов филологических вузов,

> *Серьезно, я в университете практически ничего нового о русском языке не узнал: все это уже было разобрано в школе.*

далеко мы не уедем.

Все эти соподчинения, типы придаточных, бессуффиксное словообразование – это узкоспециальные темы, которые понадобятся, дай бог, одному ученику из целого класса, а для обычного человека они вовсе не обязательны. Так почему программа требует этих знаний от всех выпускников, если по факту они больше никогда не столкнутся с подобными заданиями? Зачем тратить столько времени на абсолютно пустые теоретические моменты, вместо того чтобы просто учить ребенка грамотно писать и разговаривать? А вот это как раз таки он и должен уметь делать, а не превращать сложноподчиненные предложения в причастные обороты.

> *Последнее, конечно, тоже полезно, но уже после того, как человек научится слово «оборот» писать без ошибок.*

Пока сдача ЕГЭ будет конечной целью обучения в школе, по улицам нашей страны будет ходить все больше и больше симпОтичных девчЁнок. А что? Проверочное слово – симпотный!

Недавно я высказал схожие мысли у себя на канале, и меня буквально забомбардировали сообщениями, в которых возмущенные знатоки русского языка утверждали, что ни о какой грамотности без изучения причастий и деепричастий говорить не

приходится. Спешу успокоить, эти самые милые причастия и не менее очаровательные деепричастия как раз таки и входят в эту злополучную базу. Без изучения этих частей речи банально не получится грамотно писать. А вот зачем ребенку в пятом классе «а крышечкой», а девятикласснику, который не собирается поступать в гуманитарный вуз, типы придаточных предложений, для меня до сих пор загадка.

– Но ведь именно такие знания и повышают общую культуру языка!

Все это, безусловно, так. Только, когда заходишь почитать комментарии в Интернете, отчетливо видно, что для того, чтобы повышать культуру языка, для начала нужно хотя бы ЖИ-ШИ правильно научить писать. Тотальная безграмотность населения просто поражает. И я сейчас говорю не о каких-то сложных правилах, а о самых обычных безударных гласных в корне. Выпускник школы пишет зЕма, но зато с легкостью находит предложение с тремя придаточными, потому что именно над этим корпел последние годы. Пригодится ли ему этот навык в реальной жизни? Ну… возможно. Останется ли он безграмотным? Лично для меня этот вопрос уже не стоит. Справилась ли со своими функциями школа? Конечно же! ЕГЭ-то сдали!

Одно дело – создание в головах учеников научной картины мира, и совсем другое – вдалбливание огромного количества частных фактов каждой из наук. Возможно, поэтому результаты экзаменов и говорят, что часть выпускников (и не пара человек, а гораздо больше) не умеет даже круговой диаграммой пользоваться,

> *Не представляю, как такое может быть, но тем не менее…*

зато формулу дискриминанта знает.

Именно когда я осознал, что в очень большой мере наше образование направлено не на практическое применение знаний, а на успешную сдачу экзаменов, мне стало понятно, что учителем, скорее всего, я долго не проработаю.

Лето – это маленькая жизнь

Об огромном по любым меркам отдыхе педагогов знают абсолютно все. Три месяца летом, каникулы в течение года, так еще и уроки заканчиваются полтретьего.

Про короткий рабочий день мы уже поговорили. Пришло время затронуть летний отдых.

– А что вы там летом делаете? Детей же нет, – достаточно часто можно услышать подобный вопрос, когда люди узнают, что уходят в отпуск учителя чаще всего в начале июля, а выходят на работу задолго до сентября.

Так как с самого детства у меня перед глазами стоял пример мамы, я никогда не сомневался, что работа в школе даже летом точно найдется. Но я даже предположить не мог, что буду настолько ненавидеть конец мая и июнь. Я очень редко употребляю слово «ненавидеть», меня в принципе тяжело вывести на сильные негативные эмоции, но уже в начале мая меня начинало нервно потрясывать: приближалось самое жаркое во всех смыслах время.

Начнем с очевидного: ни один нормальный человек, а уж тем более ребенок, не захочет читать громадный параграф по физике или разбираться в хитросплетениях философии Достоевского, когда за окном плюс двадцать пять. Но ничего не поделать…

Седьмой урок, в кабинете распахнуты все окна, но жара стоит просто нереальная. Десятый класс пришел с физкультуры, на которой дети сдавали кросс – просто комбо! Дети вареные, ты в таком же состоянии, но изо всех сил делаешь вид, что в воздухе царит рабочая атмосфера… Что же, самое время поговорить о взаимоотношениях Андрея Болконского с дубом!

На какие только ухищрения не приходилось идти, чтобы как-то разнообразить учебный процесс и превратить майское просиживание потных штанов в нечто, хотя бы отдаленно напоминающее урок. Можно, конечно, заламывать руки и взывать к детской совести, пугая итоговыми оценками, но когда тебе ничего не видно на доске, потому что солнце даже сквозь шторы слепит, птицы прямо окнами устраивают концерты не хуже Киркорова, детские мысли сами собой улетают куда-то не туда.

Единственным по-настоящему действенным мотиватором являются итоговые контрольные, к которым, хочешь не хочешь, а готовиться нужно. И большинство школьников это отлично понимает, мужественно собирая последние крупицы воли в кулак.

А потом тебе приносят график экзаменов и итоговых работ, и твое лицо буквально перекашивает от восторга: твой класс пишет

финальный диктант тридцатого апреля. АПРЕЛЯ!!! А это значит, что целый месяц ты будешь вынужден объяснять варенным от духоты детям, которые уже вроде как отстрелялись, зачем мы, собственно говоря, занимаемся повторением.

– Мы же в сентябре все равно все забудем! – бесхитростно заявляет со второй парты Юля.

– Но, если мы все вместе попытаемся… – и далее следуют мои совершенно неправдоподобные объяснения, хотя я сам отлично понимаю, что в сознании большинства присутствующих серьезные уроки русского языка в этом году для них закончились как раз в тот момент, как были объявлены оценки за административный диктант.

На совещании радостно сообщают, что в этом году все классы, кроме одиннадцатого и девятого, учатся до тридцатого мая.

Уже вижу переполненные классы в этот знаменательный день.

– А вот оценки за год вы должны выставить до пятнадцатого! Не позже!

То есть последний оплот детской активности в мае, итоговые оценки, и тот испарится в середине месяца. Внимание, вопрос: зачем Васе что-либо делать на уроке, если в его дневнике уже красуются все оценки?

– Классные руководители, возьмите под контроль посещаемость детей. Вы должны не допустить ранних отъездов к всевозможным бабушкам и полетов на моря.

Тут же возникает второй вопрос, который едва не сбивает с ног только что родившийся первый: КАК? Практически слышу этот замечательный разговор с родителями.

– Ребенок контрольные написал?

– Написал.

– Вы ему оценки выставили?

– Выставили.

– Так почему мой Коленька не может поехать с нами в Египет, если начальник мне дает отпуск только в мае?

– … (Здесь может быть ваш остроумный ответ).

Держа в голове эту замечательную информацию, отправляешься на урок и узнаешь, что дети не сделали домашнее задание. Потому что, барабанная дробь, классный руководитель еще вчера собрала у них все учебники. На календаре одиннадцатое мая… ОДИННАДЦАТОЕ, черт побери, мая, впереди еще ДВАДЦАТЬ дней учебы, а на парте у детей ручка и тетрадка.

– Я решила пораньше учебники сдать, чтобы никаких

проблем с книгами не было, – объясняет свой гениальный поступок Светлана Петровна, классный руководитель восьмого класса. – Вы же знаете, кто-нибудь обязательно забудет сдать или уедет на отдых раньше, а так у меня уже все отчеты по учебникам заполнены!

С огромным трудом сдерживая желание заорать,

> *На всякий случай напомню: за окном все еще дико светит язвительное солнце, которое явно решило поиздеваться, а в школе все так же нечем дышать от духоты.*

иду в школьную библиотеку и уже по тону библиотекаря понимаю, что с учебниками она не расстанется. Ей тоже надо заполнять какую-то бумажку, отчитываться перед администрацией, а тут, слава богам, хоть один класс все заранее сдал.

– Я, конечно, могу вам выдать книги, но только запишу я их на ваше имя. И вы лично будете отвечать за их целостность и сохранность. В начале урока раздали, в конце – собрали. Домой не давайте ни в коем случае: они же их назад не принесут. Поняли?

Поняли!

Впереди еще двадцать дней…

На первый – второй рассчитайсь!

Но все эти проблемы меркли по мере приближения самой главной ежегодной лотереи, от одной мысли о которой холодело внутри, а необходимость в УЗИ отпадала сама собой: ты и так мог с легкостью прочувствовать каждый свой орган.

Никто не знал конкретную дату, никто не знал точное время, но когда напротив кабинета завуча на стенде появлялась магическая бумажная простыня, об этом мгновенно узнавали все педагоги школы. Именно эта бумага, практически как шапка в «Гарри Поттере», определяла твою судьбу на ближайший летний месяц.

Вариантов было несколько: первый и, пожалуй, самый жуткий, – ты организатор на ЕГЭ, а значит, впереди целый букет самых разнообразных впечатлений и месяц поездок по школам столицы. Молись, чтобы они были хотя бы в твоем районе, а не на самом краю новой Москвы.

Второй -

> *Пожалуй, я поторопился, отдав пальму сомнительного первенства экзаменам.*

ты работаешь в школьном лагере. Каждый будний день, с восьми утра до трех дня. Что еще у нас в меню? На завтрак – дети с первого по седьмой класс, которые пришли сюда отдыхать, а не ходить тихонько парами, а значит, обеспечить им интересный досуг – твоя задача. Только вот некоторым деткам гораздо больше по душе не интеллектуальные викторины, которые ты с таким энтузиазмом составлял в воскресенье, а орать благим матом до хрипоты и нестись на одноклассника с непонятно откуда взявшейся рогатиной. Вспоминаем, вспоминаем практику в вузе. А так как ты, естественно, самый молодой педагог, то прыгать и скакать с первоклашками

> *Это сейчас не устойчивое словосочетание. Я говорю о реальных прыжках и не менее осязаемых скачках.*

предстоит именно тебе. На обед – мы можем предложить три погрызенных скакалки, два полусдутых мяча и четыре крошечных коробки мела на полторы сотни детей. Всё! На большее у школы финансов не хватило.

– Дети должны полноценно отдохнуть! Ваша задача обеспечить им этот отдых! – увещевала перед торжественным

открытием лагеря директор.

Это может показаться странным, но я действительно лучше бы провел восемь уроков, чем пробыл хотя бы день воспитателем в ШКОЛЬНОМ лагере.

Данное слово тут выделено неслучайно.

Третий путь – тебе предстоит руководить трудовой практикой. Ржавые грабли, лысые метелки, пожелтевшие клумбы, покосившиеся сараи и прочая прелесть. Звучит не очень вдохновляюще, но, уверяю вас, это лучшее, что может получить обычный педагог, если его, конечно, не поцеловал боженька в темечко. Да, ты грязный, пыльный, по колено в земле, но уже в одиннадцать утра твои колени направляются домой, в то время как колени второй группы еще четыре часа будут развлекать лагерь, а в какой части карты сейчас заполняет бумаги первая группа, вообще одному богу известно.

Четвертый, он же самый нереальный, – работа в кабинете. Ты, как белый человек, приходишь в школу, разбираешь бумажки, расставляешь книжки, проверяешь электронную почту, заполняешь личные дела учеников, возможно, даже занимаешься с двоечниками и уже в двенадцать часов машешь всем ручкой. Только вот одна маленькая деталь: с этими самыми двоечниками работают и педагоги из предыдущих групп. То есть, до трех часов ты исполняешь ламбаду в лагере, а потом до полпятого зажигаешь с отстающими. Кайф!

Сколько раз за восемь лет мне довелось «работать в кабинете», возможно, спросите вы. Ни разу! Зато… Нет, не так: ЗАТО я частенько попадал в финальную группу смертников, в тот самый список, оказавшись в котором можно не сомневаться: администрация тебя любит. В понедельник ты проводишь ЕГЭ, во вторник утром работаешь на участке, в этот же самый вторник отправляешься в лагерь, в среду… В общем, вы уже поняли.

Серьезно, работа в течение года так не выматывала, как этот «халявный» июнь. Никому такого отдыха не пожелаю. НИ-КО-МУ! Только уволившись из школы, я вспомнил, что вообще-то всегда любил начало лета. Первый свой свободный июнь я то и дело ловил себя на мысли, что мне постоянно хотелось куда-то бежать, что-то разгребать, кого-то развлекать. Повторю: НИ-КО-МУ!

Сначала подрасти!

Организация ЕГЭ – это, конечно, отдельная песня. Грустная, очень-очень грустная, прямо как творчество Татьяны Булановой в девяностые.

Не плачь: еще одна осталась ночь перед экзаменом у нас с тобой.

Отлично помню свою последнюю консультацию перед экзаменом, когда всех педагогов собрали в школе, и руководитель ППЭ

Пункта проведения экзамена.

недвусмысленно дал понять, что, если камеры зафиксируют факт списывания, а организатор в аудитории специально или случайно не заметит нарушителя, подобную добрую душу может с полным на то основанием ожидать увольнение.

– Поэтому сами думайте, что для вас важнее: работа или незнакомые дети.

Так что, дорогие выпускники, будьте готовы к тому, что в некоторых школах учителя действительно будут очень строго следить за соблюдением буквы закона.

Но были, конечно, и школы, в которых на точно таких же планерках продвигали одну главную мысль: вы должны сделать все возможное, чтобы дети сдали экзамен. Что под этим подразумевалось? Догадайтесь сами.

В день Х необходимо было быть в школе уже в семь сорок пять.

Я уже упоминал, что находиться ППЭ может в нескольких часах от вашего места работы, так что для некоторых учителей даже дорога до школы становилась проблемой.

При входе нужно было получить бейджик с именем и найти свою фамилию в специальных списках. Ты мог оказаться организатором в аудитории,

История моей жизни.

организатором вне аудитории, это те самые счастливцы, которые сопровождали учеников в туалеты, а следовательно, могли периодически двигаться и вообще дышать свободнее.

Семь лет я был организатором экзаменов, и хоть бы раз посчастливилось попасть в список «туалетных утят». Естественно, только организатор в аудитории и только ответственный, именно этот педагог заполняет все отчеты. Если ты молодой мужчина и тебя угораздило устроиться на работу в школу, готовься: тебе найдут применение.

Можно было, конечно, попасть еще в третью группу, резерв, оказавшись в которой ты с большой вероятностью мог отправиться домой. Но на ней я останавливаться не буду, как вы уже поняли, удача – это не про меня.

Экзамен – это огромный стресс для школьников, но всякий раз, когда мне предстояло проводить ЕГЭ или ОГЭ, я готов был поменяться с ними местами.

– Ой, неужели пару часов посидеть сложно?

Проведите эксперимент: закройтесь в комнате, выключите телевизор, уберите телефон, попросите родных вас не беспокоить, сядьте в кресло и молча посидите пятьдесят минут. Вы не имеете права читать, рисовать и уж тем более дремать. Вы должны внимательно следить за всем, что происходит в комнате. А происходит там что? Правильно, НИ-ЧЕ-ГО! К концу первого часа вам, скорее всего, захочется плюнуть в лицо тому человеку, который решил предложить вам поучаствовать в этом гениальном процессе, затем вы вспомните, что вас, собственно говоря, никто не заставляет продолжать просиживать штаны, и спокойно отправитесь заниматься своими делами.

А вот у организатора ЕГЭ в аудитории такой возможности, увы, нет. Больше трех часов сидеть молча и изучать потолок – это то еще удовольствие. К концу экзамена я знал точное количество полок в шкафах, стендов на стене, трещин на потолке. В какой-то момент становится физически больно: мозг требует хоть какой-то нагрузки. Даже минимальной. Выходишь из аудитории и ловишь себя на мысли, что ощущения как будто в тренажерном зале час на беговой дорожке отшагал, только в отличие от спорта последние три часа никакой пользы тебе не принесли.

Сначала подрасти!

Но экзамены – это не только слезы, сопли и нервотрепка, но и масса забавных моментов.

Как я уже говорил, чаще всего на ЕГЭ я выступал в роли ответственного организатора, и вот именно в тот единственный раз, когда мне довелось побыть «безответственным», со мной и произошел следующий случай.

За полчаса до начала экзамена мне нужно было спуститься на первый этаж с табличкой,

Свободная касса!

на которой написан номер кабинета, и забрать всех школьников, которые должны были сдавать экзамен в моей аудитории. А то вдруг кто-нибудь потеряется.

Кстати, о потеряется. В школе, в которой сдавали ЕГЭ, было пять этажей. И так как на экзамен нужно не очень много кабинетов, пятый этаж решили перекрыть: опечатали вход на этаж, а между четвертым и пятым поставили лавочки-заграждения. И что вы думаете? Естественно, нашлись выпускники, которые решили, что они должны сдавать экзамен именно там.

– И где же здесь двести вторая аудитория? Наверняка на пятом этаже. О, смотри, тут и дверь опечатана: нам точно туда!

Поймали их как раз в тот момент, когда они пытались сорвать эту самую печать.

Интересно, как они ЕГЭ в итоге сдали?

Спускаюсь на первый этаж, прохожу через раму металлоискателя, нахожу всех учеников, подвожу к охраннику, а сам прохожу через раму к лестнице. И тут чувствую, что меня кто-то хватает за плечо и тащит назад. Естественно, это оказался охранник, сопровождал он все это словами:

– Куда ты прешь? Не можешь, что ли, учителя спокойно подождать?

На тот момент мне было двадцать восемь лет… Это, конечно же, приятно, когда тебе говорят, что ты выглядишь значительно моложе своего возраста, но не перед толпой незнакомых людей, которые в течение ближайших часов должны тебя слушаться.

Вторая история произошла буквально через пару дней, но уже в другой школе. Прихожу в школу в семь тридцать, подхожу к охраннику, протягиваю паспорт, а он на меня смотрит такими ошарашенными глазами, что я сразу же понял: что-то не так. И его вопрос только подтвердил мои опасения: «Ты чего здесь делаешь?»

Просто отлично: я перепутал школу. Начинаю объяснять, что я пришел на экзамен.

– А почему так рано?

Говорю, что мне в моей школе так сказали. И дальше звучит коронная фраза:

– Школьников пускают с девяти!

Опять? Серьезно?! Нет, возможно, мне мой возраст и не дашь, но семнадцать!!!

И тут замечаю, что у стены стоит директор этой школы и просто заливается смехом, наблюдая всю эту картину.

– Пропусти его: этот мальчик со мной.

Так что, если у некоторых проблема – сдать ЕГЭ, в моем случае даже попасть на него проблематично.

Мы научим вас работать

Наверное, все москвичи знают, что несколько лет назад в столице активно проходил процесс объединения школ. Несколько школ и детских садов сливались в одно учебное заведение на базе самой сильной гимназии или лицея района. По большому счету ничего не менялось, разве что цифры на фасаде здания, ну и отчитываться теперь приходилось перед новой администрацией. Я как раз таки и работал в той самой небольшой школе, которую притянула к себе звездная гимназия.

Первое, чем ознаменовалась жизнь в новом конгломерате, это тотальный отток сильных детей в гимназические классы главного здания. Естественно, терять умных детей было обидно, но я отлично понимал родителей, которые хотели видеть своих сыновей и дочерей среди сильных учеников. А тут как раз такая замечательная возможность представилась. И раньше, после окончания очередного учебного года, ряд школьников сдавали экзамены в математические и языковые гимназии, естественный процесс миграции учеников существовал всегда. Но теперь детям даже школу менять не приходилось: ребенок оставался в рамках той же самой гимназии, просто теперь на тетради вместо 6-Р, красовался 6-А. Решиться на переход в другой класс даже психологически было гораздо проще, чем переводить сына в совершенно незнакомую школу.

Потери потерями, но, как заявили на совещании, предшествовавшем объединению, в первую очередь слияние должно было помочь всем педагогам обогатиться ценным опытом коллег. И действительно в первый же месяц начались разнообразные совещания, семинары, круглые столы, которые по идее и должны были помочь сформировать единое учебное пространство, вобравшее в себя все лучшее, что могли предложить отдельные корпуса обновленной гимназии. На бумаге все звучало просто замечательно, на деле же… Оказалось, что преподавать умеют исключительно педагоги из главного здания, а задача всех остальных сидеть молча или максимум повизгивать от восторга.

– Мы делаем вот так, значит, и вы должны делать точно так же!

Отличная логика!

Проходит год совместного житья-бытья, и в конце июня в актовом зале собирают всех преподавателей, и начинается разбор

полетов. На огромную доску выводится такая же внушительная таблица с результатами ЕГЭ по биологии. И, конечно же, по чистой случайности завуч решает сравнить два класса: биологический из главного здания и самый обычный, общеобразовательный, из моего. И, о чудо! Естественно-научный класс в среднем сдал экзамен лучше.

Нет, ну вы представляете? Кто бы мог подумать?!

Может быть, дело в том, что в этот класс принимали не всех желающих, а только тех, кто хорошо сдал ОГЭ по биологии и химии, и с минимум четверкой по алгебре и геометрии за год?

Или, быть может, сыграл роль факт, что в общеобразовательном классе два урока биологии в неделю, а в профильном пять.

Могу ошибаться в конкретных числах, но само соотношение верное.

Или изначально контингент учащихся в гимназии несколько другой, потому что, чтобы туда попасть, школьники

Здесь должна быть барабанная дробь.

сдают вступительные экзамены.

Но, конечно же, на самом деле причины кроются в совершенно другой плоскости.

– Просто в гимназии работают настоящие специалисты, которые идут в ногу со временем!

Только вот некоторые подобные специалисты из весьма престижных учебных заведений прямым текстом заявляют на первом же уроке десятиклассникам, что они обязаны нанять репетиторов, если хотят хорошо сдать ЕГЭ.

– А вот преподаватели остальных школ, судя по всему, не особо-то хорошо понимают, как работать с детьми, и поэтому весь следующий год они будут находиться под особым контролем! – сказано все это было, конечно, в более мягкой форме, но смысл был именно такой.

И это заявил человек с педагогическим образованием! Я могу понять, когда подобные сравнения вылетают из уст людей, далеких от школы, которые детей-то в глаза не видели и свято верят, что все ученики одинаковые, как снежинки, вырезанные по трафарету. Но когда этот бред озвучивает учитель и это является по факту официальной позицией школы… Официальной я ее считаю потому, что буквально через пару месяцев одного

незадачливого преподавателя, чьи результаты также были подвергнуты прилюдному порицанию на том совещании,

На всякий случай уточню, что я сейчас говорю не о себе, на тот момент я работал с пятыми и шестыми классами, и моя фамилия при всем желании не могла засветиться на той шедевральной таблице. Но не сомневаюсь, что окажись она там, я бы вряд ли служил примером.

того самого учителя, который приносил нашему зданию самое большое количество победителей всевозможных конкурсов и олимпиад, вызвали к директору и, приложив максимальные усилия, чтобы не обидеть, заявили:

– Валентина Андреевна, мы не говорим, что вы плохой учитель, нет! Мы просто думаем, что вы не умеете работать с детьми.

Как человек, который, благодаря классному руководству, побывал на уроках практически всех своих коллег, до сих пор считаю, что эта самая Валентина Андреевна относилась к той немногочисленной категории, кто работать с детьми как раз таки умел.

– Поэтому со следующей недели к вам на уроки начнут ходить учителя из главного здания, а вы будете обязаны посещать их уроки, чтобы научиться работать.

Отличная подготовка молодого специалиста! Правда? Только вот Валентина Андреевна являлась педагогом уже лет тридцать, но, конечно же, ей было чему поучиться у коллеги из главного корпуса, чьим единственным достижением была работа в этом самом корпусе в течение уже целых двух лет.

Сравнили два столбика и мгновенно сделали вывод о профпригодности педагогов. Просто замечательно!

– А давайте в один класс запихнем всех отличников, а во второй – только двоечников, а потом будем удивляться, а почему это второй класс учится хуже! А еще заставим учителя писать объяснительную, в которой тот будет обязан объяснить, почему он не может добиться такой же успеваемости, что и в первом классе, и найти девяносто и одну причину своего педагогического провала.

Действительно, почему?

Звучит, как бред. Является бредом. Но по совместительству

еще и реальностью.

Только вот по такой логике учителя, которые работают с больными детьми, судя по всему, должны доплачивать администрации за возможность работать: ведь их подопечные точно не станут стобалльниками.

И когда я поднял этот вопрос на том совещании, знаете, что мне ответили?

– С мотивированными и успешными детьми гораздо сложнее работать: приходится искать интересный материал.

Что???

– Отличники могут легко заскучать на уроке!

Мне доводилось готовить к экзамену детей с врожденными дефектами слуха и речи, и что-то мне подсказывает, что это несколько сложнее, чем не дать заскучать отличнику Пете.

Я всегда работал в смешанных классах: у меня были и победители всероссийских конкурсов, золотые медалисты, впоследствии поступившие в престижные столичные вузы, и ученики, приходившие в пятый класс, не умея читать. И, представьте себе, со вторыми работать было сложнее. Вот открытие-то!

Успех

Наверное, в каждой школе есть ученики, которые участвуют буквально во всех школьных олимпиадах, выигрывают их, а потом еще и в районном туре школу представляют. И меня всегда забавляло, что условная Настя становится победителем областной олимпиады по русскому, математике, английскому и ОБЖ, и преподаватели по первым трем предметам понимают, что в успехах Насти основная заслуга принадлежит именно Насте. Которая за свою жизнь ни одной четверки не получила и котелок которой варит получше, чем у большинства взрослых. Но обязательно найдется один учитель, который на каждом углу будет трубить о своей

Подчеркиваю: СВОЕЙ!

победе, бить себя в грудь и при каждом удобном и неудобном случае напоминать администрации о кропотливой подготовке олимпиадника. И его сложно в этом винить: ведь у нас система поощряет успешных педагогов.

Пожалуй, сколько лет существует современная советско-российская школа, столько же и все люди, которые так или иначе с ней связаны: педагоги, школьники, причем даже бывшие, родители, – делили учителей на сильных и… Остановимся на сильных.

К ним в класс пытаются отдать ребенка, ну или на худой конец получить в качестве репетитора, администрация держится за подобных педагогов обеими руками,

По идее.

потому что именно они являются своеобразным лицом образовательного учреждения.

С приходом в наше образование капитализма перед государством встал вопрос: как поощрять подобных учителей? Чтобы не все из них отправились покорять безбрежные просторы бизнеса и чтобы можно было сказать: мы заботимся о наших бюджетниках, это вы сами не хотите нормальные деньги зарабатывать.

Но как понять, что педагог добился успеха? Ведь, как заявляют представители правительства, поддержки заслуживают только лучшие из лучших. Но где объективные критерии этой самой успешности?

Возьмем двух абстрактных рабочих на таком же абстрактном заводе. Один из них за месяц качественно собрал две тысячи абстрактных деталей, а второй – всего полторы тысячи таких же абстрактных и не менее качественных деталей. Внимание, вопрос: кто из этих абстрактных рабочих должен получить абстрактную прибавку к абстрактному окладу? Естественно, первый… абстрактный рабочий.

И вот этот же самый подход пытаются в последнее время применять и в нашем уже совсем не абстрактном образовании.

> *Думаю, стоит уточнить, что мои ученики не провалили экзамены, и я теперь пытаюсь найти себе оправдание. Последний мой девятый класс сдал ОГЭ без единой тройки. Это важно было сообщить, чтобы вы правильно поняли мои дальнейшие слова.*

Я никогда не считал пятерки своих учеников своей заслугой. Если ребенок действительно умный и старательный, у него будет пятерка и у Павла Викторовича, и у Виктора Павловича, а кто-то отлично и учебником обойдется. Я прекрасно понимал, что если Таня уже в пятом классе выделяет запятыми в сочинении все деепричастные и причастные обороты

> *Да, была у меня такая ученица. Сам факт наличия этих самых оборотов в работе пятиклассницы поражал.*

и в принципе не допускает ошибок,

> *За пять лет работы с ней я не исправил НИ ОДНОЙ орфографической ошибки.*

это не заслуженные плоды моего удивительного педагогического таланта, а что-то, к чему я, по большому счету, не имею отношения. И когда меня поздравляли с ее многочисленными победами и призами, я осознавал, что мне просто повезло.

Как мне кажется, когда речь идет о талантливых детях, главная задача учителя – не навредить, не убить у ребенка желание учиться, не потерять интерес ко всему новому и неизведанному. Безусловно, это тоже большая работа… Но я до сих пор вспоминаю с гораздо большей гордостью, не успехи гениальной Тани, а Сережу, который перешел ко мне в шестой класс с тройкой по русскому, а закончил девятый с твердой пятеркой.

Поощряется ли в наших школах работа со слабыми или

требующими особого внимания детьми?

Под поощрением я не имею в виду крики администрации о неумении работать.

Естественно, нет. Сделать из хорошиста отличника чаще всего гораздо проще, чем из двоечника настоящего троечника.

Понятное дело, что я сейчас не о рисовании оценок в журнале говорю, а о настоящих знаниях.

Но в нашей системе образования, несмотря на все красивые фразы про индивидуальный подход, развитие конкретного ребенка вообще никого не интересует. В глобальном масштабе. Никого не волнует, что какой-нибудь Петя в пятом классе делал в диктанте двадцать пять ошибок, а в девятом – уже сдал ОГЭ на тройку. В любом случае в итоговой таблице он будет тем самым балластом, который указывает на отсутствие внимания со стороны педагога.

Особенно весело, когда учитель ведет уроки у целой параллели: и в одном классе у него сплошные пятерки…

– Значит, работать умеешь!

А в другом дети едва порог преодолевают.

– Нет, все-таки не умеешь.

В первом пишем исследовательские работы и участвуем в научных конференциях.

– Сразу видно, работает педагог!

А во втором классе девятиклассник, только что переехавший из Таджикистана, заявляет, что предложение сложное, потому что в нем есть существительное и глагол. А через месяц ему сдавать ОГЭ. К сожалению, девятикласснику, а не глаголу.

– Все же не занимается…

А педагог один и тот же. Интересная картина: на первом и четвертом уроке учитель умеет работать, а вот на втором, третьем и пятом резко теряет все навыки. Чего только в школе не увидишь!

А вы детей готовили?

До сегодняшнего дня одним из своих главных педагогических достижений

Звучит-то как! Педагогические достижения!

я считаю результат, который в общем-то и привел к моему увольнению по собственному желанию.

Когда я переехал в Москву и начал работать в столичной школе, мне достались два, как сказала завуч, сложных шестых класса.

Очень мягко сказано. Очень.

Всю сложность показал уже первый тест, который я провел, чтобы определить уровень подготовки детей.

Особых иллюзий я не питал, так как знал, что прежний учитель русского языка проработала с ними только полгода, а затем уволилась, не выдержав напора деток. В середине учебного года меня уже приглашали на работу в эту школу, но с обязательным условием: необходимо было провести урок в присутствии директора, так как требовался учитель, который смог бы совладать с пятиклассниками и наладить дисциплину. Открытые уроки меня никогда не пугали, но бросать свои классы в середине февраля я, естественно, не собирался. А еще стало очень интересно: что же это за пятые классы такие, что с ними никто справиться не может?

Понимая, что последние месяцы прошлого года дети занимались, скажем так, не совсем обычно, я решил дать контрольную работу за курс начальной школы. Результат: из двух шестых классов только шесть человек пишут не на два.

А кто-то еще сомневается в способностях современных детей.

Склонения, спряжения… Нет, не слышали! То есть, конечно же, они все эти темы проходили, только вот знаний в голове у абсолютного большинства не осталось от слова совсем.

В пятом классе дети, похоже, действительно повеселись от души.

С глаголами вообще замечательная ситуация произошла.

Каким-то магическим образом любое слово, обозначающее действие, оказывалось первого спряжения.

– Пилит. Что делает? В вопросе – ЕТ, значит, это первое спряжение: пишем букву – Е! – словно роботы друг за другом повторяли ученики.

– А когда И тогда пишется-то? – удивлялся я. – Все глаголы третьего лица единственного числа отвечают на вопрос «что делает?». Неужели вы напишите «кричЕт», «вопЕт», «болЕт»?

– А это уже глаголы-исключения, – мило хлопает глазками Таня, и класс одобрительно кивает.

Какие там новые темы? Учимся ставить глагол в неопределенную форму!

Первый административный диктант, который дали на второй неделе сентября, ребята пишут еще хуже, чем мой тест. Хотя, казалось бы, а куда хуже-то? Но, как водится, снизу постучали…

Подхожу с результатами тестирования и диктанта к администрации и уточняю: «Вы же понимаете, что это еще не мои двойки? Я при всем желании не успел бы за полторы недели детей испортить».

Конечно же, завуч все понимает, в пятом классе ситуация была ужасная, поэтому сейчас самое главная задача – наладить учебный процесс и попытаться вытащить детей из болота.

– Мы все понимаем!

Ну, понимаем, так понимаем…

Проходит полтора года, происходит то самое объединение школ и активная миграция сильных учеников в гимназические классы главного здания. А мои теперь уже седьмые классы сливают в один. На совещании в декабре узнаю, что в этом году в городской рейтинг школ идут результаты ОГЭ, ЕГЭ и, внимание, контрольных работ по русскому языку и математике в седьмом классе. А раз дело касается рейтинга и мы теперь вроде как элитная школа, я понимаю, что во что бы то ни стало обязан обеспечить нормальные результаты.

> *О хороших я даже не мечтал: уровень класса, я надеюсь, вы уже оценили, а большинство из тех немногих звездочек, что в нем были, с сентября стали учиться в других школах.*

С января по май все уроки у нас начали делиться на две части: на первой проходим новый материал, а всю вторую посвящаем повторению предыдущих тем и активно готовимся ко Дню Х.

Мне кажется: я так усердно детей к ОГЭ и ЕГЭ не

готовил, как работал в эти полгода.

Приходят результаты контрольной: одна двойка. ОДНА! Сказать, что я был счастлив, это не сказать ничего!

Понимаю, что многие не поверят, но всего год назад в этом же самом классе, точнее классах, ведь на тот момент их было еще два, я проводил самостоятельные работы на знание частей речи. Да, в шестом классе далеко не каждый ученик мог определить принадлежность слов «собака», «я» и «говорю» к той или иной части речи.

В тот же день меня вызывает к себе директор.

– Наверное, похвалить! – наивно думаю я и довольный отправляюсь на первый этаж.

Захожу в кабинет, на огромном столе лежит не менее огромная простыня с результатами всех классов гимназии. Директор и завуч внимательно изучают показатели, и все это почему-то вызывает у меня ассоциацию с советом в Филях.

– Павел Викторович, а вы вообще детей к контрольной готовили? А то мы сейчас сравнили результат вашего класса и гимназических из главного здания, и у них четверок и пятерок больше! Вы вообще с детьми подготовкой занимались?

В этом момент просто как отрезало… Когда мне на голову горшок упал, я и то меньше удивился.

Все то время, что я там работал, меня использовали как лицо школы: любые конференции, открытые уроки, какие-то совещания, представления опыта – везде и всегда отправляли именно меня.

И здесь у меня как раз таки никаких претензий нет. Достаточно часто встречаю в группах учителей в ВК сообщения от взволнованных педагогов, которым предстоит давать открытый урок или администрация неожиданно изъявила желание посетить занятие. Они просят совета, переживают… Вот это совершенно не моя ситуация. Я ЛЮБИЛ, когда ко мне на уроки приходили другие учителя, родители, всевозможные проверки и прочие гости. Всегда понимал, что в таких ситуациях дети будут вести себя еще лучше, чем обычно, поэтому «приходите в мой дом, мои двери открыты!». О дисциплине вообще не придется задумываться.

Знаю, что это прозвучит нескромно, но я всегда знал, что смогу показать «товар лицом».

И зная эту мою особенность, школа постоянно ее использовала. Мы с учителем биологии были просто всем дыркам затычки, уж извините за мой французский. А в итоге именно мы с ней и оказались теми, кто со своей работой якобы не справляется.

Спустя неделю точно такой же экзамен дети пишут уже по алгебре. Сейчас очень боюсь вас обмануть: все же прошло уже несколько лет. То ли ни одной тройки, то ли две… Остальные двойки. Те же самые дети. Результат, конечно, буквально потряс школу. В главном здании, наверное, до сих пор оправиться не могут. Но что есть, то есть. После этого ситуация меняется на диаметрально противоположную: оказалось, что мои результаты не просто неплохие, а едва ли не удивительные!

– А как вы этого добились? Поделитесь секретом!

Только дождь из двоек заставил людей понять, что сравнивать классы с совершенно разным контингентом учащихся и делать из этого какие-то выводы о работе педагога как минимум странно.

Вся эта ситуация заставила меня понять, а точнее в очередной раз убедиться, но уже на своем собственном опыте, что системе глубоко наплевать, как ты работаешь, с кем ты работаешь. Важны исключительно итоговые цифры.

Учитывая, что у нас практически не осталось школ для детей с особыми заболеваниями, школьников с отставанием в развитии запихивают в самые обычные классы, а потом делают удивленное личико с круглыми глазками и непонимающе хлопают длинными ресничками:

– А почему это вы не сумели научить?

И когда подобный ребенок не может справиться с программой,

Этого же никто не ожидал, правда?

никого не интересует ни ребенок, ни то, что с ним пришлось сделать, чтобы дотащить его до этой магической тройки. Главное, что он отрицательно влияет на рейтинг школы. А так как школьнику по большому счету предъявить ничего нельзя, все шишки летят в сторону преподавателя.

И в итоге складывается ситуация: ты либо сидишь в гимназическом классе и снимаешь сливки ложкой, испытывая «неимоверные мучения», работая с умными детьми, либо бьешься, как рыба об лед, в слабом классе, а тебя еще и спросят: «А вы с детьми-то занимались?»

Забавно, что после всей этой истории мне предложили перейти в главное здание работать в классах с отобранными детьми. И это бы, конечно, решило мои проблемы, но система бы

от этого не стала менее гнилой. С моими слабыми учениками мучился бы кто-то другой, вот и все.

Пора, мой друг, пора!

Не могу сказать, что эта ситуация стала главной причиной моего ухода из школы. Обидели мышку: написали в норку. Конечно же, нет. Если бы дело было просто в какой-то личной обиде, можно было бы просто поменять школу, но все, естественно, гораздо сложнее. Слова директора всего лишь заставили озвучить и без того маячивший в голове вопрос: «А чего я, собственно говоря, жду?»

Мне кажется, что желание быть оцененным по достоинству является вполне логичным для любого из нас. Скромность, безусловно, украшает человека, но, когда ты не получаешь должной отдачи на рабочем месте, это серьезно демотивирует. Да, ты стараешься, и, о боже, ты хочешь, чтобы это ценили. Это нормально! Мне грех жаловаться: от родителей и учеников я слышал массу приятных слов, но понимание того, что для администрации ты всегда будешь крайним, рисовало далеко не самые радужные картины будущего.

Я пришел в школу с романтичным видением процесса обучения: интересные уроки, викторины, развитие ученика, жаркие дискуссии на литературе. И все это действительно было. Но чем дольше я работал, тем лучше понимал, в современной школе это никому не нужно. Необходимы высокие баллы на ЕГЭ! Всё! Творческие сочинения? Пфф, зазубренные стандартные фразы, которые можно применить на экзамене, – вот это совсем другое дело. Я хотел участвовать в развитии детей, а необходимо было просто натаскивать на однотипные варианты экзаменационных работ. Учитель все больше превращается в репетитора. Кто-то, наверное, не увидит разницы, а вот для меня она принципиальная.

Нет, никто, само собой, не будет против, если ты будешь фонтанировать энергией и пытаться заниматься творчеством, но идеалом современного педагога, к сожалению, является бездушный робот, заполняющий ворох бумажек и с методичностью часов разбирающий одни и те же задания из части А. А меня это, увы, совершенно не прельщает.

Наверное, даже несмотря на все это, я бы проработал в школе гораздо дольше, если бы не появилось место, которое позволило мне применить свои знания и опыт.

Я поэт, зовусь я Цветик…

Началось все со школьных сочинений.

После проверки творческих работ всякий раз неизменно набиралась пара десятков забавных фраз. Можно было, конечно, просто исправить неточности, написать рядом, на полях, правильный вариант и успокоиться, но это не мой путь. В начале следующего урока, после объявления оценок, мы с детьми разбирали самые смешные ошибки

> *Не волнуйтесь: фамилий отличившихся никто, естественно, не называл, и никто ни над кем не издевался. А то уже слышу возгласы сердобольной общественности.*

и пытались понять, почему предложение, в котором изначально содержалась правильная мысль, в итоге превратилось в настоящий анекдот. Ребята очень любили такие занятия и с нетерпением ждали очередных «шедевров». Моя цель, разумеется, заключалась не в высмеивании ошибки и превращении урока в выездное заседание «Comedy Club», мне хотелось показать детям, как важно правильно подбирать слова, доказать необходимость проверки того, что ты написал.

> *Да, некоторые школьники искренне не понимают, зачем перечитывать то, что уже написано… «Оно же написано!» А уж использование черновика… Это вообще за гранью понимания.*

И практически тут же я столкнулся с тем, что некоторые ученики не понимали, а где собственно ошибка, в чем соль новоявленной шутки, над чем остальные-то смеются? К сожалению, у некоторых детей настолько маленький словарный запас, что мне приходилось работать самым настоящим переводчиком, объяснять значение на первый взгляд обычных слов, и только тогда ребята начинали осознавать суть своих ляпсусов.

В какой-то момент я понял, что мне легче будет оформить их ошибки в форму небольшого рассказа, который позволит им посмотреть на свои неточности со стороны. Идея ученикам очень понравилась. После каждого сочинения и изложения дети требовали очередной рассказ. Сомневаюсь, что в этих моих произведениях была хоть какая-то художественная ценность, но

сблизиться с учениками мне они точно помогли. Постепенно я начал включать в зарисовки не только отрывки из сочинений, но и брать за основу какие-то забавные моменты, которые происходили у нас в классе.

Когда я зачитывал ребятам эти рассказы, внимание класса было просто всеобъемлющим. Сомневаюсь, что звезд на концерте слушали так же внимательно, как меня в тот момент. Еще бы, мало того, что учитель пишет юмористические рассказы, он пишет их про НАС! Согласитесь, мало какой школьник может этим похвастаться. Наверное, в этих литературных пятиминутках в начале урока тоже скрывается секрет моего хорошего отношения с учениками и удивительной для многих дисциплины на уроке. Рассказы стали тем объединяющим звеном, которое так важно найти с классом.

После очередного моего «выступления» Коля, сидевший за последней партой, неожиданно заявил:

– Павел Викторович, а вы не думали выступать в стендапе?

Трактовать эту фразу можно, конечно, по-разному. Но его слова запали мне в душу, и я решил попробовать увеличить свою «аудиторию». Великим писателем я никогда себя не мнил: все же целью рассказов было вовсе не желание продемонстрировать миру свое писательское дарование, поэтому я посмотрел в сторону YouTube.

Первые ролики представляли собой сборник забавных фраз из сочинений моих учеников, разбавленных моими комментариями. Так появилась рубрика «Устами младенцев», название для которой я без зазрения совести украл у известной телепередачи. Теперь вместо рассказов после очередного сочинения или изложения мы смотрели новинки моего видеоблога.

Конечно же, я не ожидал, что все это выльется во что-то серьезное. Давно уже нет ни «Устами младенцев», ни прочих первоначальных рубрик, зато сейчас на канале более ста тысяч подписчиков. Из забавных роликов с детскими ошибками вырос канал с, как мне кажется, серьезными рассуждениями на различные темы. Центральной из которых остается образование.

Осторожно! Двери закрываются!

Если бы у меня не было блога, процесс перехода в «мирную» жизнь дался бы мне гораздо сложнее. Вся моя жизнь, начиная с шести лет, была связана со школой. Мгновенно вычеркнуть такой пласт не просто трудно, но и попросту обидно. Благо, мне и не пришлось.

На каждой трансляции зрители задают мне вопросы о школе, учителя и ученики делятся своими историями и проблемами, в роликах я периодически делюсь своим опытом, сейчас вот пишу книгу о школе.

Раз вы ее читаете, значит, уже написал.

Восемь лет работы в школе не прошли даром. Образование продолжает являться неотъемлемой частью моего рабочего дня. И я этому очень рад!

Главный вопрос, который, наверное, требует ответа: жалею ли я, что восемь лет отработал в школе? Могу с уверенностью заявить: нет! Школа дала мне бесценный опыт, дала возможность познакомиться со множеством интереснейших людей, как учителей, так и учеников. А самое главное, позволила пройти с несколькими сотнями детей важный отрезок их жизни. Находясь на выпуском вечере, понимать, что эти уже абсолютно взрослые и самостоятельные девушки в шикарных платьях и парни в строгих костюмах когда-то пришли к тебе в пятом классе, бесценно. И эти эмоции, кроме учителей, испытать дано, пожалуй, только родителям. Ради возможности в течение нескольких лет идти с маленьким человеком рука об руку стоило терпеть множество трудностей, которые я подробно описал на предыдущих страницах. Поменял бы я профессию, если бы мог вернуться в одиннадцатый класс? Нет. Интересно ли работать в школе? Безусловно! Хотел бы я вернуться? Однозначно нет…

Когда я был учителем, меня постоянно поддерживала мысль, что я занимаюсь очень важным делом, живу не зря. И именно это помогало мне преодолевать все проблемы. Но в какой-то момент ты начинаешь понимать, что на голом энтузиазме далеко не уедешь, что у тебя есть обязанности не только перед детской мечтой, но и, простите, перед своим здоровьем. Сейчас я понимаю, насколько дико это звучит, но в течение пары лет я искренне считал, что ежедневная головная боль, которая начиналась где-то на третьем уроке и заканчивалась часов в шесть, – это нормально. И я сейчас говорю не о проблемах и

переживаниях, а о головной боли в прямом значении.

– Поменьше напрягайтесь, – посоветовал мне врач.

Совет на самом деле хороший, потому что, едва я уволился из школы, голова болеть перестала, как в прямом, так и в переносном смысле. А вот как «поменьше напрягаться» и при этом оставаться хорошим учителем и в глазах детей, и в глазах администрации,

А это, как оказалось, совершенно разные вещи.

я, увы, так и не понял.

Насладившись всеми прелестями школьного житья-бытья, я удостоверился в правильности старой учительской присказки, утверждающей, что если не уйти из школы вовремя, не уйдешь уже никогда. Я успел. Успел до очаровательных в своей непосредственности советов правительства идти в бизнес, до очередных громких обвинений школьных психологов и педагогов в безответственности и прочих грехах. Правильно ли я поступил? Думаю, да.

Заканчивать книгу на такой ноте, честно говоря, не хочется. У нас на YouTube в конце ролика принято благодарить за внимание и предлагать подписаться на канал.

> *Последнее, кстати, вы можете сделать. Я, конечно, ни на что не намекаю, но название моего канала вы можете найти на обложке этой книги.*

А вот как заканчивать книгу, никто, увы, не учит. Поэтому давайте в качестве некоего эпилога я покажу вам несколько рассказов, которые я когда-то писал для своих учеников. Ведь сколько бы ни менялось преподавателей, сколько бы старшеклассников ни отправлялись в свободное плавание и сколько бы первоклашек с волнением ни ожидали своего первого звонка, школа остается той же. Школа остается школой. Для всех одинаковой и в то же время такой разной.

Пионерский галстук

Каждый раз, приступая к проверке сочинений, Павел Сергеевич внутренне напрягался. Что скрывается в грозной стопке тетрадей, зловеще возвышающейся над учительским столом? Что на этот раз сочинят новоявленные Пушкины и Лермонтовы?

Человек, не работающий в школе, чаще всего воспринимает цитаты из школьных сочинений, появляющиеся в Интернете, за некие анекдоты, которые старательно сочиняют профессиональные юмористы и писатели. Но по собственному опыту Павел Сергеевич точно знал, творцами строчек, надолго заседающих в памяти, являются самые обычные ученики. Которые сидят за самыми обычными партами в самой обычной **0-й школе на самых обычных уроках и самыми обычными ручками записывают совершенно необычные мысли. Вот и на этот раз преподавателя буквально смыло потоком бурной детской фантазии.

Дети учителю достались явно оригинальные и нестандартные, в этом он убедился, едва раскрыв первую тетрадь.

Описание картины… Что может быть более обычным и непримечательным? На картине изображено то – то, написал ее тот-то… Скука! Но только не в **0-й школе и только не в шестом классе.

«На этой картине изображена девочка с открытым балконом», – утверждала тетрадь Вики. Что за балкон был открыт и как он умудрился попасть в девочку (да еще в открытом состоянии), для истории до сих пор загадка.

«В комнате очень светло, поскольку девочка делает зарядку», – продолжала Вика. Судя по всему, к этой самой девочке прикрепили провода, раз она сумела осветить собой целую комнату.

«Эта картина веселая, потому что ее назвали «Утро»…». Да уж, не поспоришь, просто уморительное название, а назови ее художник «Вечер», шестиклассники, наверное, дружно бы заревели.

– Утро веселым не бывает, – покачал головой преподаватель и потянулся к следующей тетрадке.

Настя искренне считала, что «кровать еще не заправлена, потому что она только встала». Действительно, какая уважающая себя кровать начнет заправлять себя сразу же после пробуждения?

Естественно, каждый воспринимает картину по-своему. Признаком особого мастерства является умение увидеть то, на что другие просто не обращают внимания. Настя явно этим даром

обладала, так она утверждала, что «на стуле около балкона стоит стул».

– Прямо цирк какой-то, на арене дрессированные стулья, – усмехнулся Павел Сергеевич и взял в руки следующую работу.

Миша в своем сочинении восхищался «красиво украшенными украшениями».

– А ест он, наверное, масляное масло и запивает его молочным молоком, – хмыкнул учитель и тут же нарисовал тройку за содержание.

Катя утверждала, что на картине изображен туманный город. Если исходить из ее логики, девочка стояла прямо на центральной площади этого самого города, раз она находилась на центре картины, изображающей населенный пункт.

– Избегайте повторения слова «изображено», – призывал учеников на уроке Павел Сергеевич.

– Еще чего? – улыбнулся Дима и тут же вставил слово в свое сочинение. – Пусть проверяет! – подмигнул Никите мальчик и продолжил вставлять милое словцо в каждое предложение.

«В заде девочки стена», – с грустью сообщал в своей работе Илья. Действительно, стоит пожалеть ребенка с подобной врожденной аномалией, это вам не хухры-мухры. Стена как-никак! В конце Илья признался, что больше всего ему понравилась «чисто плотность девочки». Да-да именно так в два слова, чистая плотность, конкретная такая, по понятиям.

– Разве это мебель? – подумал Данил и решительным почерком вывел «Комната пустая». В самом деле, раз из «Икеи» ничего нет, значит, пустая. Совершенно не модная чисто плотная девочка, не могла, что ли, у родителей нормальных вещей попросить?

Не осталась равнодушной к проблеме с мебелью и Наташа, которая тоже указала, что картина ей не нравится: мебели-то нет нормальной.

Что только не предполагали шестиклассники про нелегкую жизнь главной героини. Артем окрестил ее «позитивной чистюлей», Тимур «пионерской девочкой».

После подобных шедевров учитель уже серьезно опасался переходить к работам 6-б класса. И не зря.

Один ученик утверждал, что «скатерть идеально чистая, потому что она только что встала».

– То-то девочка удивится, – подумал преподаватель, представив, как главная героиня развернется и увидит, что скатерть встала и пошла.

У другого школьника «на стуле лежит школьная форма, и она делает зарядку». Некоторые ученики проявили поразительную

внимательность к мелочам, так один из них особенно подробно описывал окна, не забыв подчеркнуть, что «они на картине не такие пластиковые, как сейчас». Да-а, непорядок! Кто-то увидел за окном горы, другой – реку, третий утверждал, что за балконным стеклом без всяких сомнений плещется море.

Финальным аккордом, безусловно, явилась фраза о том, что «девочка, видимо, пионерский галстук».

– Вот так, общаешься-общаешься с человеком, а он оказывается пионерским галстуком, – вздохнул учитель, решивший, что сочинения пятого класса он проверит в другой раз, а то вдруг скатерть встанет и пойдет. Мало ли!

«Уроки французского»

В школьном учебнике литературы немало произведений, вызывающих у школьников одно страстное, а порой и вовсе непреодолимое желание – поскорее закрыть этот самый учебник и больше никогда к нему не возвращаться. Но, естественно, есть в печальном этом правиле и счастливые исключения. Рассказ «Уроки французского» как раз и относится к этим самым исключениям.

Шестиклассники живо представляют себе несчастного мальчика, оставшегося один на один с жестоким миром взрослых, восхищаются поступком учительницы, возмущаются черствостью директора. А уж азартные игры и драки и вовсе приближают в сознании детей нетленное творение Распутина к «Картам, деньгам и двум стволам». Эмоции на уроках, посвященных этому произведению, обычно бьют через край и выплескиваются в такие же эмоциональные сочинения. А если «ум с сердцем не в ладу», получается… то, что получается.

Наибольшее внимание, безусловно, привлек главный герой: его характер, внешний вид и даже болезнь… особенно болезнь.

«У него было малокровие, потому что в его крови не хватало молока», – сообщал Денис. Страшно подумать, что произошло бы, если бы этого самого молока было там в избытке…

«У ребенка было мало крови, – соглашался с товарищем Тимур, – и, когда он выигрывал пятьдесят копеек, он сразу уходил и покупал себе пакет молока». Наверное, чтобы заполнить свободное место в венах этим самым молоком, раз крови в них было так предательски мало.

Но не только же о малокровии говорить.

«Он был очень умный, и его решили отправить в город», – восторгался Никита. Правильно, от греха подальше.

«В своей деревне он был самым умным, потому что окончил четыре класса», – рассуждала Наташа. А вы о каком-то там ЕГЭ волнуетесь. Четыре класса, хлюпики!

«Мальчик ходил в обрывках самодельной обуви», – продолжала свой рассказ шестиклассница. Действительно, жуткая картина!

Обувь волновала не только Наталью, но и других школьников.

«Одноклассницы его игнорировали, потому что у него были самодельные ботинки». В который раз человечество убедилось, что женщины в первую очередь обращают внимание на обувь кавалера.

«Так в одиннадцать лет у него появилась самостоятельная жизнь, еще у мальчика было чувство голода». Не самое лучшее сочетание, но за самостоятельность, как известно, приходится платить.

«Мальчик этого рассказа ходил в школу». А девочка этого рассказа? И, вообще, с каких пор у рассказов появляются свои собственные мальчики? Рабовладельческий строй какой-то.

«Мальчик из деревни попал в рай центр». В центр рая? Или райский центр? Вот повезло-то! Только законы в этом раю были совсем не райские. Но кто же на это обращает внимание в раю-то? Попал – сиди и не хныкай!

«Главного героя избил Вадик, характер после этого у него стал спокойный». Само собой, после драки-то еще и крестиком вышивать начнешь.

«Это произведение рассказывает о мальчике, который жил в деревне. Сейчас я попробую рассказать о мальчике». А может не стоит раз произведение с этим так удачно справилось? – пробежав глазами следующий абзац, взмолился Павел Сергеевич.

«Он видел, как МАЛЬЧИК Вадик». Очень важное уточнение, обычно же Вадики – девочки, поэтому без этого пояснения было просто никак.

Не обошли стороной школьники и образ учительницы, откликнувшейся на беду ребенка.

«В один день учительница позвала мальчика к себе на английский, они сначала учились. Но на этом уроки французского прекратились». Естественно, прекратились, если преподаватель так внезапно переквалифицировался в учителя английского. Подозрительная какая-то дама: преподает французский, зовет на английский.

«У мальчика и Лидии Петровны были замечательные отношения». Жаль только, что в рассказе говорится о какой-то пресной Лидии Михайловне, куда уж ей до Лидии Петровны с ее «замечательными отношениями».

«Она не стала его ругать, потому что в детстве играла на деньги, поэтому у них сложились отличные отношения». Еще бы, рыбак рыбака видит издалека! На английский она ребенка, видите ли, зазывает!

«Потом она принесла ему корзину еды. Она ему нравилась…» Корзина, судя по всему. «И он не хотел, чтобы она уезжала». А кто ж захочет, чтоб корзина с едой отправилась куда-то в неизвестном направлении? «Она заменила ему друга». Бедный мальчик с другом-корзиной… Хотя, – Павел Сергеевич с грустью посмотрел на аккуратно лежащий на тарелке бутерброд, которому было ой как далеко до корзины мальчика.

Как заправские литературоведы, ученики пытались обобщать и оценивать прочитанное.

Без лишних вступлений Вика решила перейти к самой сути: «Он страдал малокровием. Ему приходилось пить молоко. Лидия Михайловна – учительница французского языка. У мальчика не было денег, чтобы купить молока. Я увидел, как ребята играют на лужайке». Четко и понятно. Наверное…

«Этот рассказ учит тому, что человек делает что-то плохо, чтобы помочь человеку, которому еще хуже». А глубокая, кстати, мысль. Пожалуй, даже слишком.

«Это произведение учит тому, что нужно уважать учителей: и у них ведь тоже есть чувства». – Хоть кто-то заметил, – с благодарностью подумал Павел Сергеевич и вывел симпатичную четверку.

Но никто из шестиклассников не смог даже слегка приблизиться к точности и лаконичности Ангелины: «Если кратко: директор – дурак, учительница – молодец!». Что тут еще добавишь? Краткость, сами знаете, чья сестра.

Перехитрили

Как-то раз окончательно продрогший от утреннего морозца Павел Сергеевич вошел в класс и чуть не ослеп от сияющих ученических лиц. На него было устремлено тридцать две пары оживленно-радостных глаз. В воздухе царила атмосфера волнительного ожидания.

Не придав этому особого значения, учитель неторопливо положил журнал, достала конспект и принялся аккуратно листать его, готовясь к уроку, как вдруг к нему быстро подскочила шустрая Настя Боронина:

– Павел Сергеевич, зачем вы готовитесь?! У нас сегодня русского не будет.

– Как?! – воскликнул учитель, конспект которого сам собой медленно опустился на стол.

– Да вы разве не видели расписания? – счастливо улыбалась Настя. – В расписании русский и история в одной графе. Мы подумали, что будет история.

– Правда! – подскочил вдруг с первой парты Паша Ернов, тут же став выше учителя почти на голову, – поэтому тетради не взяли!

– И домашку не сделали! – радостно улыбнулся с последней парты Саша Расиков.

– Давайте просто посидим! – тут же предложила находчивая Ксюша Гнатова.

– А давайте поиграем! – крикнул кто-то.

– А можно в телефон?!

– А можно не в школе? – брякнула молчаливая Вера Игалина и сама испугалась собственной смелости.

– А у меня ручки нет… – лениво протянул Леша Абанов.

– А у меня…

Павел Сергеевич сразу понял, что русским сегодня заняться вряд ли удастся, и отложил в сторону теперь уже бесполезный конспект, который он так старательно сочинял весь вечер.

– Хорошо! – тут же сориентировался учитель. – Тетрадей и учебников у вас нет, зато у меня есть контрольные тетради, раздаем и пишем диктант!

– Нееееет! – в один голос дружно закричали ребята.

– Ой, а у меня учебник нашелся! – быстро вытащив книгу из-под парты, просияла Ксюша.

– Ой, а у меня тетрадь в пакет завалилась! – и Леша Вецов тут же достал ее из сменки. – Вот она родимая! – прижав тетрадь к груди, сообщил радостный ученик.

Ребята заволновались, в один миг на партах, словно грибы после дождя, стали появляться учебники, пеналы, тетради…

– У нас есть, у нас все есть! – перебивая друг друга, кричали школьники. – Вот видите! Смотрите! – совали они в нос учителя рыжие учебники. – Не надо диктанта!!!!

– У вас, может быть, и есть, а вот у Дениса – нет! – преподаватель кивнул в сторону медлительного мальчика, чей учебник никак не желал вылезать из-под кофты. – Пишем диктант!

Раздосадованные конфузом на уроке русского языка, ребята решили отправиться на историю и… попробовать на зуб Полину Викторовну.

– А вы знаете, что у нас истории не будет? – остановившись у порога, осторожно спросила у учителя Надя Дронова.

– Это еще почему? – не отрываясь от атласа, пробубнила себе под нос невозмутимая Полина Викторовна.

– Да так… в расписании написано, – несмело протискиваясь в дверь, поддержал одноклассницу Вова Гнатов.

– Внизу у лестницы, – тут же уточнил вездесущий Антон Апонин.

Переминаясь с ноги на ногу, ребята выжидающе смотрели на учительницу.

Она наконец оставила атлас и сладким голоском поинтересовалась:

– И у вас, наверное, тетрадей нет? – Нету, мы к русскому готовились! – дружным хором отозвались восьмиклассники, тут же вспомнив ненавистного вредину Павла Сергеевича, заставившего писать такую незапланированную самостоятельную.

– И атласов?

– И атласов нет! – еще дружнее закричали ребята.

– И учебников?

– И учебников! – громче всех прокричал Гнатов Антон и швырнул рюкзак на парту, едва не задев этим своеобразным снарядом преподавателя.

– И учебников! – поддержала одноклассников Ира.

– Зато в библиотеке есть! – рявкнула Полина Сергеевна. – А ну марш за книгами!..

…– Так неинтересно! – выходя после очередной самостоятельной, сокрушалась Ксюша. – У наших преподов совсем нет чувства юмора. Пойдемте лучше Галину Ильиничну разыгрывать…

– Ну уж нет! – останавливаясь, решительно произнесла Вера. – Я лучше схожу, расписание на неделю вперед спишу.

– И я, – тут же поддержал ее Саша Ерасин, – а то не дай бог

алгебра в одной клетке с русским окажется. Три двойки в один день мне не потянуть.

Когда булка одна, а двоек много

Прорвавшись через бушующее ученическое море, преподаватель биологии Нина Михайловна вошла в учительскую.

– На большой перемене сейчас опаснее, чем в Москве в час пик. Того и гляди – затопчут! – пожаловалась она мерно попивавшей кофе Галине Ильиничне.

– Это точно, – согласилась математик и лениво перелистнула страницу модного журнала, располагавшегося на желтом плетеном столе.

Не найдя поддержки у коллеги, Нина Михайловна решила обратиться к Павлу Сергеевичу, сидевшему в каком-то странном оцепенении на диване.

– Нет, они совсем с ума посходили! – указывая на коридор, сказала она.

– Ой, их тоже надо пожалеть, – покачав головой, сказал преподаватель. – Им от нас тоже достается.

– В смысле?

– Я сейчас так на 8-й «А» ругался, а теперь на душе кошки скребут.

– Да с них все, как с гуся вода, – тряхнула кудрявой головой биолог.

– Нет, сегодня они всё прочувствовали, вы бы видели их лица, такие грустные! – продолжил сокрушаться преподаватель. – Мне их так жалко стало, представляю, о чем они, бедняжки, думали.

Но он не представлял.

– Снова полкласса написали диктант на двойки, четверок, вообще, нет! – доносилось из 12 кабинета всего за полчаса до этого разговора. – Что стыдно? Так и надо! Совсем совесть потеряли, я их учу-учу! Задумайтесь, наконец!

Абанов – 2!

Лицо мальчика было мрачнее тучи, но совсем не из-за двойки.

– Вецов мой рекорд побил! Две недели тренировок коту под хвост, зря только школу прогуливал.

Ернов – 3!

– Эх, и почему Игалину от меня отсадили, на кого теперь на уроке смотреть, не на доску же!

Удовский – 2!

Денис чуть не плакал, учитель, довольный произведенным эффектом продолжал отчитывать парня.

– И как такое могло произойти? Я же так старался, – с трудом сдерживая слезы, думал Денис. – И несмотря на все труды,

именно Сашка последнюю булку в столовке купил! Господи, как же есть-то хочется. Паш, хавчик есть? – ткнул ручкой в спину впереди сидящего друга Удовский.

– Не-а, – покачал головой Ернов. – Верке отдал, чтоб назад за парту вернулась.

– Я так больше не могу, – уже в голос закричал Денис и с ревом бросился на тетрадку.

– Раньше надо было думать, во время диктанта, – довольно покачал головой Павел Сергеевич.

Вянина – 3!

– Ну вот, так и думала, что дождь пойдет, – с тоской глядела в окно Оля. – Надо было, как и собиралась, зонтик брать, и зачем я вместо него учебник русского запихнула. Эх, наберешь всякого хлама…

Дронова – 3!

– Интересно, и чем сейчас Дашка занимается? – поглядела на подружку Надя. – Записку ей, что ли, написать?..

Апонин – 2!

– Нечестно это! – возмущался про себя вечно недовольный Антон. – Абанов и Вецов давно игру установили, а я только позавчера! Естественно, у них рекорды больше!

Боронина – 3!

– И какой мне ручкой лучше писать? Гелевой вроде красивее получается, но зато у этой колпачок золотой, – в нерешительности глядя в пенал, размышляла Настя. – Ты мою оценку не слышал? – очнувшись, шепнула на ухо соседу Боронина.

– Мне что, больше заняться нечем? – буркнул себе под нос Апонин. – Мне тренироваться надо, – аккуратно доставая телефон, чтобы учитель не заметил, добавил восьмиклассник.

Ожаева – 2!

– Так и знала, – захлопывая дневник, негодовала Аня. – Так и знала, что Юлька Ернова с Женькой Выковой раньше меня домой смотаются.

Нилова – 3!

– Сто процентов, они против меня что-то замышляют, – недовольно поглядывая на Иру с Настей, нахмурила брови Даша.

Врилова – 3!

– Блин! – вслух выразила недовольство Настя. – Опять сбилась, – вернувшись к календарику, покачала она головой. – Таак, каникулы у нас начинаются 4-го… Значит… Не дай бог, Павел Сергеевич, опять собьет. Раз, два, три…

Гнатов – 3!

– Ну и глупая у меня соседка, кто сейчас календарями

пользуется, теперь это добро у всех в мобильнике есть. Эх, посадили бы меня с Ерновым, у него вроде булка была…

Расиков – 3!

– А классно я прямо из-под носа Удовского булку стащил, – сиял, как медный таз, Расиков. Пожалуй, единственный довольный человек во всем классе.

– И чему же ты так радуешься? – поинтересовался Павел Сергеевич. – Хорошего настроения мало, нужно стараться, а не только веселиться.

– Мало, – задумчиво повторил слово учителя Саша. – Действительно, мало, есть опять хочется…

Вецов – 4!

– И чем мне теперь заниматься? – расстроено глядя перед собой, думал Леша. – Рекорд Абанова побит, жизнь потеряла всякий смысл… Пойти, что ли, по коридору погулять? Павел Сергеевич, можно выйти? – Вецов тут же решил воплотить свой замысел в жизнь.

– Иди, – качнув головой, разрешил преподаватель и снова вернулся к оценкам.

Ачан – 5!

– И чего это Дашка на меня так смотрит? Насть, – Ира толкнула в бок свою соседку. – По-моему, Нилова против нас что-то затевает.

Лазина – 3!

– Мама, наверняка, без меня весь торт слопала. Я ее знаю… Но ничего, я один кусок под кровать спрятала! – самодовольно улыбнулась восьмиклассница. – Ой, а если его бабушка найдет?! – глаза Люды тут же округлились от ужаса.

Гнатов – 2!

– Если сэкономить завтра на столовой, то можно будет в среду двойной обед купить! Вот Ксюшка-то обзавидуется. А еще лучше до четверга не есть, тогда все четыре компота себе позволить можно. Да, сложно иметь сестру, постоянно голодать приходится.

Гнатова – 3!

– Эй, Антон, если выйдем через пятнадцать минут, то можем успеть на часовой автобус, – Ксюша шепотом позвала брата. – Вещи собирай, сейчас домой отпросимся. – Ой, нет, отбой, – взглянув дневник, расстроилась она. – Сегодня еще факультатив по алгебре, так что на русском сегодня сидим, лучше завтра со всего урока отпросимся.

Игалина – 5!

– Опять 5! Ну никакого разнообразия! Тройку, что ли, завтра получить. Хотя нет, завтра контрольная по алгебре, лучше с

понедельника, там вроде… Ксюш, какое у нас в понедельник расписание? Что? История? Нет… Тут тоже нельзя. Хотя, с другой стороны, куда торопиться? Лучше со второй четверти учиться перестану. Ой, как же скучно… Домашку по алгебре, что ли, сделать?

– Надеюсь, теперь вы поняли, к чему приводит отсутствие внимания на уроках русского языка? – продолжал строжиться Павел Сергеевич.

– Поняли, – с серьезным выражением лица кивнула Боронина. – Буду писать гелевой, – потянувшись к ручке, все же решила она.

Одаренные дети

Любая контрольная работа – стресс, и для учителя порой едва ли не больший, чем для учеников. Справятся ли? Хватит ли им урока? А не слишком ли сложно? А вдруг, наоборот, чересчур просто? Достаточно ли я их подготовил? А вдруг Ани и Димы опять не будет (с ними же придется оставаться и писать), а вдруг Аня и Дима будут (с ними же придется оставаться и переписывать)! Одним словом, масса самых разнообразных и самых глупых мыслей крутятся в голове у светил российской педагогики. К коим без ложной скромности причислял себя и Павел Сергеевич.

Вот и первая серьезная контрольная с относительно новым для него 10-м классом уже с самого утра вселяла в душу учителя беспокойство. В первую очередь волнение вызывала новая часть класса: молодые люди со сложными именами и весьма громким поведением на переменах далеко не сразу вписались в уютный учительский мирок преподавателя. Раньше все было просто: вопрос – ответ, ошибка – двойка, проблеск знания – пятерка. С новыми же жильцами 12-го кабинета подобная тактика не особенно срабатывала. Вопрос – тишина, замечание – улыбка и снова тишина, попытка добиться хоть какого-нибудь ответа – опять молчание. Видади у доски вел себя мужественнее, чем партизаны в глубоком тылу врага: никакие ухищрения и угрозы не заставили его выдать главные члены в предложении. Смелый парень до победного конца оставался верен своим друзьям из грамматической основы.

«И к тому же, что это за вопросы? Неужели преподаватель сам не мог найти эти самые главные члены, вроде бы институт закончил… Со стороны неглупый: а просит какие-то глупости. Найди мне, говорит, причастие с суффиксом ЮЩ. Ей богу, забавный человек. А то еще похлеще бывает: взбредет ему в голову потерянный деепричастный оборот в тексте найти, а рассказ тот предложений на двадцать. А так как видит он явно не очень хорошо, вот весь класс и заставляет в этом тексте ковыряться, деепричастия искать».

Как же они напишут первый пробный ЕГЭ?

– Плохо, – без тени сомнения заявила Татьяна Валерьевна и побежала в соседний кабинет куллер охранять, который ни в коем случае нельзя было оставлять без присмотра наедине с седьмым классом.

Но, как оказалось, знала она своих бывших учеников плохо. Разобравшись с кипой работ, Павел Сергеевич пребывал в

смешанных чувствах: с одной стороны, тройки тех, от кого он их не ожидал, – расстраивали, а с другой… С другой стороны, преподаватель едва не потерял дар речи, когда рядом с новыми для него фамилиями стали появляться магические числа – 29, 33, 39, аж глаза разбегались. Не веря себе, учитель снова и снова сверял ответы ребят с ключами и все больше убеждался, что вот он переворотный момент его школьной карьеры – ему наконец-то достался класс с одаренными детьми.

В стенах школы на различных совещаниях и педсоветах это словосочетание звучало довольно часто. Но вот что это за фрукты такие, «одаренные дети», преподаватель, увы, мог только догадываться. Годы работы приучили его к тому, что всё в этой жизни относительно. Ребенок выучил стих – талант, пришел в форме на физкультуру – второй Аршавин, определил часть речи – по меньшей мере гений, списал задание из решебника и почти не сделал ошибок – ну как минимум новый Ломоносов. А тут… Здесь явно было что-то другое, опытным взглядом учитель сразу это что-то почувствовал. Да, это были они, те самые загадочные (как ему казалось, не существующие на Земле) одаренные дети. И скрывались они под масками обычных говорливых парней на третьем ряду его кабинета.

– Как же можно было быть таким слепым? – для пущей убедительности ударил себя по лбу учитель, торжественно потрясая работами новоявленных Эйнштейнов перед самым носом завуча. – Конечно, Малхаз с Лабазаном писали самостоятельные работы на два. Они с легкостью находят в ЕГЭ предложения с придаточными уступки, а я их какие-то ростки с отраслями писать требую, естественно, они заскучали. Ничего, теперь все по-другому будет.

– Павел Сергеевич, а у вас дома компьютер есть? – осторожно поинтересовалась Наталья Степановна, аккуратно проведя рукой по уголку журнала. – И про Интернет вы, конечно, слышали? – еще более тактично осведомилась завуч.

– Разумеется, – удивленно кивнул головой учитель, абсолютно не понимая, к чему ведут эти вопросы.

– И раньше они не могли справиться с программой пятого класса?

– Угу.

– А теперь набирают 29 баллов? – слегка наклонила голову Наталья Степановна.

– Именно, – буквально сиял ее молодой и, судя по результатам этой контрольной, безумно талантливый коллега.

– И с чем вы это связываете? – Наталья Степановна уже проявляла чисто научный интерес: до какой степени можно быть

наивным почти в тридцатилетнем возрасте.

– С педагогическим мастерством, – без тени сомнения огорошил математика Павел Сергеевич и направился к двери. – Пойду детей обрадую.

– Может, все-таки рассказать ему? – едва захлопнулась дверь, поинтересовалась у своей соседки по кабинету Елена Васильевна, с улыбкой наблюдавшая весь диалог со стороны.

– Да вы что? Не смейте даже пытаться. Вы разве не слышали: там педагогическое мастерство в самом расцвете, вот и пусть цветет, – сделав глоток почти совсем остывшего кофе, резюмировала завуч.

Объявление оценок вызвало небывалый переполох среди десятиклассников. Гудели буквально все: Ира пыталась доказать Вере, что ее тройка – вина исключительно преподавателя, она-то четко видела, что Тане он давал вариант правой рукой, а ей протянул левой.

Надя считала минуты до конца урока, чтобы вцепиться в волосы Леше, у него оценка да и общее количество баллов выглядели гораздо симпатичнее, явно неспроста! Да еще Боронина как назло пятерку получила. «Ты мне больше не бро!» – заявила Надя и отвернулась от соседки к окну, обдумывая коварные планы мести всему третьему ряду, с их абсолютно не запланированными четверками и пятерками.

Настя Врилова была безумно занята: необходимо было уничтожить все следы ненавистной работы. «Нет тела – нет дела», – говаривал известный детектив. Поэтому дело оставалось за малым: надо было всего лишь найти маленькую канистру с бензином. Вера молча ненавидела всех присутствующих: ее-то на контрольной не было, уж она бы показала всем, кто здесь настоящий одаренный ребенок. Оля не теряла времени даром и тихо, но планомерно собирала у одноклассников исписанные листочки с ответами: ей только предстояло блеснуть знаниями.

Стоит ли говорить, что третий ряд напоминал скорее эпицентр бразильского карнавала, нежели группу школьников: ритуальные танцы вокруг пятерки, боевой клич с листком с четверкой, обнимашки с первой, но такой желанной тройкой.

Всё это воочию мог лицезреть второй ряд, который как-то отстал от всеобщего веселья. Саша все никак не мог поверить, что ему, наконец-то, ничего не нужно переписывать. А Эдик с Видади, в принципе, не понимали, что происходит.

– Контрольную, что ли, писали? – поинтересовался у соседа Видади.

– А я откуда знаю, – буркнул Эдик и продолжил рассматривать обложку «Обломова».

– Нечестно! Они списали! У них были ответы, – негодовали девушки с первого ряда.

– Ты на что намекаешь, женщина! Мы сами! Я дома занимался! Я просто удаче доверился и носки счастливые надел, – доносились возгласы с противоположной части класса.

– Определи мне часть речи слова «неудача», – неожиданно подскочив с первой парты и вытянув вперед руку с указательным пальцем, потребовала Боронина от Лабазана.

– А этого в ЕГЭ не было, – состроил уморительную рожицу парень.

– К тому же про неудачу лучше у вас же и спрашивать, – вступился за друга Овиков, – у пацанов все путем, это вы у нас несчастливицы.

– И чего ты развозникалась, – впервые за урок подал голос Расиков. – У тебя у самой пятерка.

– А мне за мой пол обидно, – чувствуя за своей спиной поддержку всего первого ряда, не унималась Настя.

– Бро! – уже без злости подумала про подругу Надя.

– И что не так с ее полом? – задумался Акбар. – Линолеум, может, потрескался или паркет поднялся.

– Настя, хватит возмущаться, – недовольно покачал головой учитель. – Просто давно пора привыкнуть, что одни ученики несколько талантливее других.

– Добро пожаловать к другим, – улыбнулся однокласснице Кристиан.

– Надоело, пошли выйдем, – необычайно низким, но звучным голосом обратилась к Вецову молчавшая до этого момента Вера, Боронина аж на стул села от неожиданности. – Ир, подержи пиджак, – Вера поняла, еще пара таких пропущенных контрольных, и ее место на троне русского языка вполне может занять Алексей. А стоит заметить, что Вера делиться не любила.

Хрупкая тишина воцарилась в классе только после того, как Павел Сергеевич пригрозил всем еще одной самостоятельной. Первый ряд боялся новых троек, третий испугался отсутствия wifi в кабинете, а второй ряд все-таки почти полностью убедился в том, что контрольная все же была.

Как часто момент, казавшийся банальным и непримечательным, впоследствии круто меняет нам жизнь. Одна пропущенная контрольная, и Вера идет в секцию кикбоксинга, один удачный ЕГЭ, и Леша уже боится выходить по вечерам из дома, ведь где-то там, в зловещей тишине, прячется Вера с натренированными кулаками. Восемь баллов, и Акбар начинает… А, впрочем, речь сейчас не об Акбаре.

Круче всего изменилась судьба, пожалуй, Павла Сергеевича.

У преподавателя наконец-то появился смысл жизни. Раньше семь уроков представлялись ему непосильной ношей, мучением, каторгой. Но только не теперь! Ведь все меняется, когда приходят они… одаренные дети! Какие там семь уроков, восемь теперь воспринимались как праздник. Именно эти благословенные часы преподаватель посвящал своему новому факультативу «Углубленное изучение русского языка». Стоит ли говорить, что в число счастливых участников клуба учитель тут же включил Лабазана, Малхаза и Сашу. Дополнительное задание? Конечно же, Лабазан! Диктант повышенной сложности? Нет проблем, Малхаз! Районная олимпиада? Нет ничего проще, Саша.

Только вот результаты новоявленных отличников странным образом застопорились. Чем больше Павел Сергеевич усердствовал в своем восторженном желании дать ученикам как можно больше, тем меньше радовались своим отличным оценкам за пробный ЕГЭ школьники. Особенно их «обрадовала» новость о том, что теперь и по субботам можно заниматься любимым делом: изучать русский язык, учитель буквально выбил у директора дополнительные уроки.

– Больше никогда, слышишь, никогда не буду на русском списывать, – открывая новую контрольную работу, заявил соседу Саша. – Воскресного пикника «Словари – наши друзья!» мне хватило полностью.

– А разве «зеленый» – это глагол, – удивился, заглянув в листок Расикова, Малхаз.

– У меня – да, – с твердой решимостью заявил Саша. – Не дай бог, еще раз лишних баллов наберу.

Моя будущая профессия

Большая перемена… Что может быть сладостнее для ученического уха?

Море возможностей таят в себе эти магические двадцать минут. Хочешь – со скоростью курьерского поезда беги в столовую, расталкивая по дороге зазевавшуюся малышню. Хочешь – выскочи из кабинета и с дикими криками наяривай круги по коридору, зря, что ли, дежурного учителя придумали? Пусть попробует успокоить! Нет желания бегать или есть? Мальчик, а с тобой все в порядке? Хотя для самых продвинутых эстетов всегда найдется развлечение «спрячь рюкзак соседа за шкаф или распотроши пенал друга полностью».

«А как же эти вездесущие телефоны и планшеты? Дети же кроме них ничем не интересуются», – обязательно спросит взволнованная общественность. Спешу успокоить: современный школьник мастерски успевает бегать, прыгать, кричать, есть и даже плакать, не выпуская смартфона из рук и не выходя из «ВКонтакте».

Успокоиться после такого насыщенного отдыха ученикам порой бывает очень непросто. Но сегодня приподнятое настроение шестиклассников, подаренное плодотворной большой переменой, мгновенно улетучилось, едва они переступили кабинет русского языка.

– Нет, только не это, – вскрикнула Вика, успевшая опередить всех на пути из столовой, и вцепилась в рукав кофты Насти.

На девочку, не мигая, грозно взирали своими разноцветными глазами тетради для развития речи. По-хозяйски развалившись на партах, эти наглые существа всем своим видом сигнализировали: «Ты попал!»

Выслушав море просьб, заверений и даже угроз, Павел Сергеевич все же объявил тему сочинения. Не помогла даже булочка, магическим образом появившаяся на столе преподавателя. Учитель был непреклонен.

Однако, узнав, что предстоит написать о своей будущей профессии, школьники довольно быстро успокоились, а хозяин булки даже расстроился, что потратил сей ценный предмет на такую ерунду. На математике тоже обещали самостоятельную, так что, пожалуй, булку стоило приберечь для пятого урока. Но на нет – и суда нет. Да и переживать особенно времени не оставалось, нужно было заглянуть в будущее и представить себя любимого уже не за партой, а за…

Илья планировал «оборонять границы водной империи».

Какой конкретно, мальчик не уточнил. День моряка, по мнению Ильи, должен был состоять из «подъема, занятий на палубе и отбоя». В шести словах школьнику удалось запечатлеть самую суть нашего флота. И не беда, что из этих слов пара была союзом и предлогом, зато сколько романтики скрывалось за остальными четырьмя. «Отбой», – мечтательно проговорил Илья и с тоской посмотрел в окно.

Денис хотел стать каскадером (вернее «коскодером», но кто обращает внимание на мелочи?). Из его сочинения учитель узнал, что мальчику «нравится быть знаменитым, популярным и богатым». Не хочется, а именно нравится, где конкретно шестиклассник успел прославиться, история умалчивает. Судя по всему, не так уж и хорошо знал своих учеников преподаватель, раз буквально под его носом сидела звезда, а он об этом даже не догадывался.

Артем хотел стать учителем русского языка, потому что «учителя учат детей, чтобы они были умными, а не дворниками».

Настя мечтала о работе адвоката, ведь «в суде можно услышать много разных историй». Прямо как на лавочке у подъезда, хотя современные бабушки все больше походят на прокуроров, нежели на адвокатов.

В жизни боксера Сашу привлекала возможность «в любую секунду оказаться в нокауте». Мальчик, похоже, еще не знал, что в современном мире можно оказаться в этом самом нокауте, едва повернув в темный или не очень темный переулок, и тренироваться для этого в поте лица совершенно не обязательно. Суровые парни в трениках уже обо всем позаботились за тебя.

Тимур хотел работать в МЧС и «вытаскивать людей из жутких аварий». Упоминание этих самых жутких аварий встречалось в сочинении мальчика пугающе часто. «Обойдусь пока без машины, – осторожно отложив тетрадь, подумал Павел Сергеевич. – А то наставишь двоек, а потом в один не самый прекрасный день работник МЧС Тимур еще десять раз подумает, спасать ли тебя из этой самой жуткой аварии».

Рабочий день Никиты, будущего владельца крупной компании, был захватывающе разнообразен. «Я буду приходить на работу, делать всю свою работу и уходить с работы», – утверждал мальчик. И почему не все люди живут по такому принципу?

Катя хотела стать «ветеЛинаром», именно так звучала профессия ее мечты, с буквой Л. Четыре милых ветеЛинара дружно шагали по строчкам её не менее милого сочинения.

Рома видел себя футбольным тренером, «развивающим навыки». Будет ли этот тренер учить ребят играть в футбол, сказать сложно: об этом сочинение умалчивало. Но вот развивать

навыки Роман, судя по всему, настроился серьезно, не зря же в каждом предложении говорилось об этом… только об этом.

Оставим без внимания многочисленных ученых, поваров, архитекторов и актеров, появлявшихся на страницах работ шестиклассников. Ведь куда романтичнее работа ветеЛинара, спешащего защитить водную империю от очередной жуткой аварии.

Тайный смысл

Чем дольше Павел Сергеевич работал, как сейчас принято говорить по телевизору, «в системе среднего образования», тем больше он понимал, что ничего не понимал. Всякий раз ученики ставили перед учителем такие задачи и головоломки, решить которые мог разве что Шерлок, будь он неладен, Холмс.

До прихода в школу Павел Сергеевич свято верил, что за каждой фразой, сказанной у доски или написанной в тетради ровным, или не очень ровным, почерком, должна стоять какая-то мысль. Как же он ошибался! Вернее, мысли-то у школьников были, но вот какие и как их разгадать? Это уже совсем другой вопрос, на который преподаватель все никак не мог найти ответа. Поток сознания детей мог поставить в тупик любого. Не верите? Тогда смотрите!

– Кот – это глагол, – безапелляционно заявила Арина.

– Что? – глаза преподавателя округлились от удивления. – Задай вопрос!

– Кот что делал? – ни на секунду не смутившись, девочка смутила уже педагога. – Что делал – значит, глагол.

И как тут поспоришь?

«С помощью грамматики можно выразить мысль, связать ее». Бедная связанная мысль…

«Таким образом, человек должен не только ясно мыслить, но и речь, и мышление похожи друг с другом». Действительно, человек должен мыслить ясно, куда уж яснее.

«Я познакомилась с романом. Это увлекательный рассказ». А я люблю своего кота, он такой милый пес!

«Мое мнение о Печорине становилось все ниже и ниже, – с грустью отмечал один девятиклассник и тут же добавлял: – Он хотел женщину добиться, а не так что сразу ему это было не по душе».

«Это первый социалистический роман». Это мы не о какой-нибудь «Поднятой целине», это СОЦИАЛЬНЫЙ у нас так маскируется.

А уж про то, что Печорину не нравились девушки и он не любил женщин, – и упоминать не стоит. Павел Сергеевич в свое время явно какой-то другой роман читал.

– Это предложение сложное.

– Почему?!

– В нем есть существительное и глагол.

Порой ученики и вовсе открывали новую страницу в истории русской литературы. Николай Васильевич ГогУль и «Мертвые

души» Горького.

«Русский язык очень хорошо подходит к высказываниям и словосочетаниям». Да неужели?!

«И рассчитанный автор, напрягая душевной силой, образа действия этого верного слова». Можно я не буду это комментировать?

«Писатель в каждом своем произведении должен написать так называемое авторское слово».

«Читатель в отличие от писателя говорит редко и мало. Ведь читатель – лицо незаменимое». На память сам собой приходит анекдот про чукчу.

«За читателем всегда остается оценка о про книги». Именно. И даже не смейте спорить.

– «В начале месяца» надо писать слитно? – раздается голос с последней парты.

– Почему?

– У месяца же нет начала, это переносное значение.

Преподаватель всегда любил, когда дети подходят к анализу произведения нестандартно. «Соня Мармеладова работала путанной». По-моему, достаточно нестандартно.

– А вы можете объяснить, как в словах ударение ставить, а то оно у меня всегда на падает на О…

– ???

«Война и мир». Четыре тома. Гениальная эпопея. Гениальный десятый класс.

«Прочитав роман-Ипопея Льва Н.Т. я бы хотел заметить характер персонажей и отдельных любителей».

«Андрей Болконский был одним из любителей Толстого».

«После чего Андрей и Соня расстались, и Андрей Болконский остался один и вскоре погиб своей смертью».

«Роман написан в 14 веке. У Наташи есть человеческие чувства». Удивительно, и это в четырнадцатом-то веке! До чего дошел прогресс!

«Если бы Наташа была природой… везде бы появились цветы, бабочки, над небом радуги и много маленьких пони», – мечтательно замечала Настя.

«Мужчина может блуждать от одной женщины к другой, и это вполне нормально для современного общества. Нужно что-то делать. Пойду подумаю над этим». И кто сможет сказать, что эта концовка хуже толстовской?

«Она умирает, а он успевает лишь посмотреть на нее своими глазами, поэтому женитьба ему счастья не принесла».

«Так он первый раз продемонстрировал свою гордость».

«Жизнь снова мстит ему, оставив на него сына Николушку».

Кто там говорил, что дети – цветы жизни? Вранье!

Вместе весело шагать…

В жизни каждого школьника есть моменты, которые врезаются в память надолго, а порой и остаются с тобой навсегда. Первая пятерка, первая двойка. Мама, впервые вернувшаяся недовольной с родительского собрания. Фраза учителя русского языка: «Сегодня мы познакомимся с причастиями!» Хотя в цивилизованном обществе принято знакомиться по обоюдному согласию, а вот закадычные друзья причастия и деепричастия врываются в жизнь школьников как-то совсем уж нахально и без разрешения. К таким же переломным моментам школьного житья-бытья можно, пожалуй, отнести, и первую лабораторную по физике с химией, и задание составить текст на английском о себе из пятнадцати предложений, когда в голове кроме слова «крокодайл» вертится разве что «Май нэйм из Паша, айм фром Раша». Экзамены, выпускной в девятом классе – всё это те разноцветные колечки, которые постепенно составили яркие бусы воспоминаний нынешнего 10-го «А» класса.

Надя с Настей никак не ожидали, что обычный, на первый взгляд, урок русского языка тоже пополнит их копилку памяти. В 10-й класс большинство школьников приходят с одним желанием – отдохнуть. Экзамены в 9-м классе пройдены с большим или меньшим успехом, до новых еще два года. А это ЦЕЛЫХ два года, которые почему-то только для учителей и родителей кажутся каким-то совсем смехотворным отрезком времени. Предки, что с них взять?! Мы-то нормальные люди и отлично понимаем, что за это время можно успеть сделать столько всего, и уж тем более подготовиться к какому-то там ЕГЭ, ОГЭ-то преодолели! С подобным настроением пришли на очередной урок и наши закадычные подружки. Но чем дальше Павел Сергеевич (на этот раз особенно эмоционально) описывал все прелести предстоящего экзамена, чем больше становилось число после магической буквы А в названии задания, тем серьезнее становилось лицо Нади и тем все более нервно теребила колпачок ручки погрустневшая Настя. Обе девочки были отнюдь не в списке отстающих, более того, в аттестате Насти вообще красовались одни пятерки. Но вопросы из магической красной книжки с тремя волшебными заглавными буквами, казалось, прилетели из совсем параллельной вселенной и предназначались для докторов наук или на худой конец студентов-пятикурсников.

– А сколько там на тройку баллов нужно набрать? – поинтересовался неожиданно тихий на этом уроке Лешка Абанов.

– Хороший вопрос, – мысленно поддержала одноклассника

Надя. – Тут бы на тройку наскрести, какие там четверки.

– А изложение будет? – схватился за спасительную идею Кристиан, одновременно покосившись на телефон с диктофоном.

После отрицательного ответа преподавателя класс дружно вздохнул.

– А тема сочинения известна будет? – с надеждой во взгляде пролепетала Аня.

– А сдавать будем в своей школе? – перебил сверстницу Эдик.

– А если я с телефоном пройду? – хитроумно прищурился Леша Вецов.

– А если я у Вецова спишу, – улыбнулся Саша Расиков.

– А я по телевизору слышала, что ЕГЭ хотят отменить, – ошарашила присутствующих с последней парты Вера. В классе мгновенно наступила тишина, и лица всех десятиклассников тут же обратились на учителя. Но судя по всему, Павел Сергеевич мало верил обещаниям телевизионщиков.

– Да спишем, – махнул рукой Видади.

– Да помогут, – подмигнул соседу Лабазан.

– А если нет, – оборвал радостные фантазии друзей куда более реалистичный Саша Овиков. Все снова притихли.

– Павел Сергеевич, так что же нам делать? – озвучила мысли одноклассников Оля.

– Нам? Не знаю. А вот ВАМ, – учитель тут же показался всем учеником далеким и черствым, – вам надо готовиться. Причем не на уроке, а в первую очередь дома, – последние слова преподавателя поглотил недовольный гул.

– Давайте еще «Войну и мир» на досуге прочитаем? – сострил Акбар и оттолкнул от себя теперь уже ненавистную книжку с экзаменационными заданиями.

– Может, все же конец света в декабре наступит? – почти про себя произнесла Таня.

– Будем надеяться, – кивнула соседке Оля.

Предположения и возмущения десятиклассников оборвал резкий и в этот раз будто недовольный звонок, казалось, его тоже совсем не радовала перспектива экзамена. Школьники торопливо проталкивались к двери: мешкать было никак нельзя, надо было успеть в столовую, пока траглодиты-пятиклашки не опустошили все запасы булок. К тому же этих малявок еще и отпускали с пятого урока на пять минут раньше. Их-то с какой стати? Им ЕГЭ не сдавать! Предвкушение мягкой, а быть может, и не очень булки довольно быстро выветрило все треволнения русского из голов старшеклассников, но не у всех. Едва Настя с Надей выбрались из столовой с заветными булками в руках, Боронина произнесла вопрос, который едва не слетел с уст подруги:

– У кого?

– Давай у тебя, у меня родители сегодня дома, – развернув нехитрый, скажем так, ланч, ответила Надя.

Надо сказать, что обе девушки были воспитанными и привыкли слушать взрослых, поэтому слова Павла Сергеевича глубоко засели у них в сознании. К тому же Настя хотела поступить в хороший институт, а Надя совсем не горела желанием разносить письма. Дело в том, что ее мама очень любила время от времени повторять слова: «Не сдашь ЕГЭ, пойдешь почту развозить!» Надя была девушкой современной и отлично понимала, что карьеру на подобном поприще вряд ли построишь. Надо написать письмо – зайди в вайбер или вк, на крайний случай напиши электронное письмо. А бумажные письма, кому они сейчас нужны? Нет, лучше она готовиться будет. Плюс дополнительные занятия помогут ей утереть нос Верке, а то она совсем обнаглела, даже ЕГЭ не испугалась.

Школьный день прошел незаметно, а с учетом, что после русского оставались только биология и физкультура, можно сказать, и вовсе пролетел. Подруги договорились встретиться в пять: надо было же еще уроки на вторник сделать. А Настя привыкла ко всему готовиться основательно. Поэтому, пообедав и буквально одним глазом посмотрев серию любимого сериала, она тут же принялась старательно заниматься.

– Так, первый русский, – заглянув в дневник, пробормотала школьница. – И почему на экзамене тоже просто не требуют списать и расставить знаки? – вздохнула девочка. – Упражнение совсем крохотное какое-то? И на кого оно рассчитано? «Дети, сидящие в саду, обсуждали рассказ», – вслух прочитала она первое предложение. – И чего они расселись, лето же на дворе?! Да еще и рассказ зачем-то обсуждают? Кто это написал? С.К. – Настя опустила глаза в нижний угол. – А этот С.К., похоже, давно детей не видел, раз они у него летом рассказы обсуждают. А может, это просто какие-то особые дети? – предположил внутренний голос. – Ага, наверное, в свое время «Лунтика» пересмотрели, вот они и пошли рассказы читать, – автоматически выделив причастный оборот, хихикнула Настя. – И кто с этим не справится? – но тут же, вспомнив свой новый 10-й класс, поняла, что многие.

Литературу делать было не нужно, краткое содержание повести Гоголя тут же опустилось в сумку ожидать своего звездного часа на перемене перед уроком. Биология? Ну это же биология! Пяти минут в начале урока вполне хватит, чтобы повторить параграф. Геометрия? Разбирайся – не разбирайся, все равно ничего не поймешь одна, надо будет перед первым уроком

с другими отличниками посоветоваться. Поэтому тетрадь с ромбами и параллелограммами оказалась рядом с такой же непонятной алгеброй. Химию пришлось все-таки выучить, а вот физику… Одного взгляда на учебник Насте хватило, чтобы понять, что в этой битве ей не победить. Запихнув ненавистную книгу поглубже в сумку, она с гордостью поняла, что подготовка к завтрашнему учебному дню в общем-то закончена.

Через несколько минут, как и обещала по телефону, пришла Надя, которая разобралась с уроками еще быстрее: по химии ее спрашивали на прошлом уроке, поэтому учить очередной параграф не было абсолютно никакого смысла.

И хотя начать заниматься подруги планировали ровно в пять, у компьютера они оказались около шести: нужно же было обсудить последние события школьного дня, а за двадцатиминутную дорогу к дому и очень быстрый пятнадцатиминутный разговор по телефону это, само собой, успеть было невозможно.

– Ну вот А4, – указала на монитор Надя, уютно расположившись в кресле, она решила, что более ранние задания выполнять нет совсем уж никакого смысла, что они, с А2 не справятся? – Мне уже непонятно. Сразу же вопрос возникает.

– И у меня, – поддержала уже почти что коллегу по научному эксперименту Настя, – тебя беспорядок никогда не раздражает?

– В смысле? – недоуменно еще раз прочитала задание Надя, силясь понять, о чем это подруга.

– Я вообще физически сосредоточиться не могу, когда в комнате что-то разбросано, – всплеснула руками Настя.

– И что ты предлагаешь? Уборку затеять?

– Ну раз ты сама об этом заговорила, – улыбнулась девочка. – Меня мама как раз просила на столе разобраться, сама понимаешь, как в таком беспорядке заниматься!

– Наверно, – пожала плечами Надя, которая совсем не горела желанием помогать подруге в ее маленькой уборке, к слову сказать, растянувшейся почти на двадцать минут. Дома Надю саму ждал ничуть не более убранный стол, который давно уже молил о хотя бы минимальной уборке.

Разобравшись с вещами, отвлекавшими внимание от ЕГЭ, и не разобравшись с заданием А4, девушки вспомнили, что сладкое очень полезно для мозга, а потому, само собой, переместились на кухню в поисках шоколадки, которой как назло нигде не было.

– Придется без допинга обойтись, – вздохнула Настя, с досадой захлопнув дверцу серванта.

– Ты что? – Надя посмотрела на приятельницу минимум как на предателя Родины. – Мы пока даже А4 не сделали, а как мы А8

без шоколада выполним? А про А9 я вообще молчу.

– Тут ты права, – не стала спорить Настя. – Про часть В лучше и не говорить.

Поход в магазин прошел без приключений. Едва ли можно назвать им совершенно крохотную прогулку по парку с Ариной, которая тоже, по счастливой случайности, шла за конфетами. Правда, в другую часть города, но разве лишние тридцать минут на свежем воздухе повредят?

– К тому же прогулки улучшают работу мозга, – успокоила Надя подругу, которая была не особо счастлива «крошечному», по словам Нади, крюку через парк.

Всё, что не делается, то к лучшему – давно известная мудрость. Мало того, что шоколада было закуплено минимум на 4 экзаменационных варианта, а мозг был полностью проветрен. Так почти у самого дома десятиклассницы встретили Женю и Юлю из 9-а. Оказалось, что и им нужно к экзаменам готовиться, не к ЕГЭ, конечно, но все же.

– А пойдемте с нами, – предложила Надя, кивнув в сторону подъезда.

– У них в ОГЭ задания совсем другие, – сухо заметила Настя, которой такая подготовка начинала нравиться все меньше.

– Ты чем на уроках занимаешься? – покачала головой ее подруга. – Павел Сергеевич ведь русским языком объяснял, что всё, о чем мы говорили в 9 классе, понадобится нам и на ЕГЭ.

– Но, – попыталась возразить Настя, неуверенная, что слова учителя были применимы к конкретно этой ситуации. Договорить ей помешала Арина, заявившая, что у неё тоже ОГЭ через год, а с русским совсем беда, поэтому сам бог велел и ей идти учиться вместе со всеми.

Вопреки опасениям Насти, готовиться к экзаменам впятером оказалось не так уж и плохо. Особенно по сравнению с тем, что началось, когда в число рвущихся к знаниям влились еще Света и Катя, не нашедшие Юлю дома. Разместиться всемером у одного достаточно скромного монитора – не проблема, естественно, если и в размещении нет особой нужды. Как абсолютно справедливо заметила Арина, очень сложно заниматься, когда рядом тает почти килограмм конфет, сказано – сделано. Нет конфет – нет проблем.

– Я всегда под музыку учусь, – заявила Света, задание А4 и ей показалось каким-то слишком мудреным.

– И я, – поддержала подругу Катя, подскочив к музыкальному центру Насти.

– А это не помешает? – уже зная ответ на вопрос, спросила хозяйка.

– Поможет, – подмигнула ей Арина и проглотила последнюю конфету. – Только под музыку уроки и делаю.

– Оно и видно, – усмехнулась Женя, доставая диск из коробочки.

– Главное, нужную музыку подобрать, – авторитетно заявила Надя и включила колонки погромче.

Стоит ли говорить, что поиски нужной мелодии, способствующей умственной активности, заняли не один час. Одна песня была слишком веселой, другая грустной, третья слишком рэп, четвертая чересчур рок. Попсу, само собой, отмели сразу же: они же не дискотеку устраивают, а к ЕГЭ готовятся. Но, как ни странно, нужная композиция была найдена. Во всяком случае, соседи четко поняли, что еще немного этого ора – и девушки не то что ЕГЭ сдадут, в МГУ без экзаменов поступят. А слишком умных в нашей стране никто не любит, поэтому тетя Соня поспешила прикрыть импровизированную продленку.

– Ничего, – зашнуровывая кеды, успокоила подругу Надя, – завтра у меня готовиться продолжим, только давай сразу с А5 начнем, а то в А4, по-моему, что неправильно в задании. Раз уж мы всемером не справились.

– Или можно еще кого позвать, – предложила Юля, скрывшись за дверью. – Ввосьмером-то точно разберемся.

– И почему все говорят, что готовиться к экзаменам сложно? – пожала плечами Арина и перепрыгнула через ступеньку.

– Завтра готовлюсь одна, – выключая компьютер, думала Настя, – не доросла я еще до коллективных занятий. Хотя еще два года впереди, главное втянуться!

Об авторе

Павел Астапов – автор YouTube-канала о психологии, социальных проблемах, мотивации и многом другом, с аудиторией в 125 тыс. подписчиков.

> «Прежде чем докатиться до такой жизни и основать бизнес имени себя любимою, почти 10 лет я проработал учителем русского языка и литературы в обычной среднеобразовательной школе. За это время я превратился из наивного мальчика, стремившегося нести свет в массы, в гораздо менее наивного мужчину, который понимает, что этот самый свет зачастую далеко не всем нужен».
>
> *Павел Астапов*